
ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ГОРОД

Трудящиеся Советского Союза! Ознаменуем 50-летие Великого Октября новыми успехами в коммунистическом строительстве!

Из «Призывов ЦК КПСС к 49-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»

МАСТЕРОВ

К. СЛАВИНА.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Города бывают разные. Текстильные и химические. Рыбные и шахтерские. Города автомобилей и тепловозов. Кораблей и тракторов. Новокузнецк — город металла. Все здесь, от городского пейзажа, в который вписаны домны и трубы мартенов, до вывесок на улицах и их названий, говорит о его металлургической принадлежности. И этот могучий кран, закинувший в поднебесье над строящейся доменной печью свою стрелу,— своеобразный символ сегодняшнего Новокузнецка, его растущей индустрии.

Два завода, два родных брата, трудятся здесь: КМК — Кузнецкий металлургический и Запсиб — Западно-Сибирский. Один в поре завидной зрелости, полной мерой дающий чугун, сталь, прокат. Другой совсем юн, только разворачивается и набирает силу.

Старший брат начал строиться в двадцать девятом году. Участники первых пятилеток помнят, как это было. На Днепре строился Днепрогэс, в Средней Азии — Турксиб, на Волге — Тракторный.

В июне двадцать девятого года на низком и пологом левом берегу Томи появилась первая брезентовая палатка. Миниатюрная копия ее хранится сейчас в городском музее. Там же рядом с палаткой стоит макет первой землянки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 43 (2052)
23 ОКТЯБРЯ 1966
44-й год издания

Вся страна создавала первенец металлургии Сибири.
3 апреля 1932 года КМК выдал чугун.
19 сентября пошла сталь.
5 ноября, в канун 15-летия Октябрьской революции, главный инженер комбината Иван Павлович Бардин распорядился пустить прокатный стан...

Маяковский писал:

Я знаю —
город
будет,
Я знаю —
саду
цвесть...

Город широкий и светлый, с десятками школ и проспектов, зашумел своими бульварами и прибавил к старому имени Кузнецк емкое слово «Новый».

А четверть века спустя история повторилась в своем наилучшем преломлении. Новокузнецк в этом отношении — счастливый город.

На правом берегу Томи, под Маяковой горой, недалеко от места городища древних кузнецов — вот от кого и пошло название места Кузнецк,— в 1957 году снова забелели палатки. Они стояли недолго: лето и осень. К зиме поднялись два двухэтажных дома — розоватый и зеленоватый. Они сохранились и поныне — карлики в сравнении с шеренгами современных зданий. Если подняться на гору, то с ее высоты откроется панорама города. Дома и дома в бронзовом уборе осени, улицы в легкой туманной дымке, медленно спускающиеся к Томи, навстречу КМК, который дымит своими трубами вон там, на противоположном берегу.

Правобережный Новокузнецк стал доброй половиной города металлургов. Индустриальное сердце его — Запсиб — забилось два года назад.

27 июля 1964 года обер-мастер Алексей Дементьев взял первую пробу чугуна.

В июле 1965 года началось опробование уникального прокатного стана «250».

В сентябре 1966 года пущен мощный проволочный стан...

Это, конечно, не все. Только начало, только юность Запсиба. Вторая домна, запечатленная на нашем снимке, уже поднимается. Будут еще печи. Встанут новые коксовые батареи и обогатительные фабрики. Теперь завод отправляет чугун. А потом чугун пойдет в собственные конверторы. Вступит в строй еще несколько станов. Запсиб превратится в крупнейшее, оснащенное современной техникой металлургическое предприятие, и значительно перерастет своего старшего брата — КМК.

Заводы определяют облик и сущность Новокузнецка. В городе — Сибирский металлургический институт, готовящий горных инженеров, и техникумы, и специальные училища, и школы. Отсюда, из города мастеров, разъезжаются на новостройки страны опытные доменщики и сталевары.

В XVIII веке эмблемой глухого и маленького Кузнецка была кузница, изображенная на фоне поля. Ныне его герб могла бы украсить стальная струя — частица той реки металла, которая рождается здесь.

900 рабочих занимаются в школе мастеров КМК. Слесарь-электрик Анатолий Лисин — один из них

Они будут горными инженерами. В центре — студент вечернего отделения металлургического института контролер мартена Виталий Домнин.

ВОТ Э

«Наши колхозы и совхозы одержали поистине замечательную победу. На 10 октября в государственные закрома поступило более четырех миллиардов пятисот миллионов пудов, или свыше 74 миллионов тонн зерна нового урожая. Такое количество хлеба заготовлено в нашей стране впервые».

Эти слова, сказанные товарищем Л. И. Брежневым с трибуны Кремлевского Дворца съездов, на митинге советско-польской дружбы, радуют всех наших людей, всех наших друзей.

Выращен самый высокий

ПОСТОРОНИСЬ, ПУСТЫНЯ!

Недавно в Совете Министров СССР было подписано решение об ускорении поисковых и разведочных работ новых нефтяных и газовых месторождений на Мангышлаке. К концу пятилетки добыча нефти в этом районе должна быть доведена до 15 миллионов тонн в год.

Корреспондент журнала «Огонек» попросил первого заместителя министра нефтедобывающей промышленности СССР доктора технических наук Сабита Атаевича Оруджева прокомментировать это решение.

— 15 миллионов тонн нефти в год — количество немалое. Это три четверти всей добычи нефти Азербайджана и на несколько миллионов тонн больше того, что добывают в Туркмении.

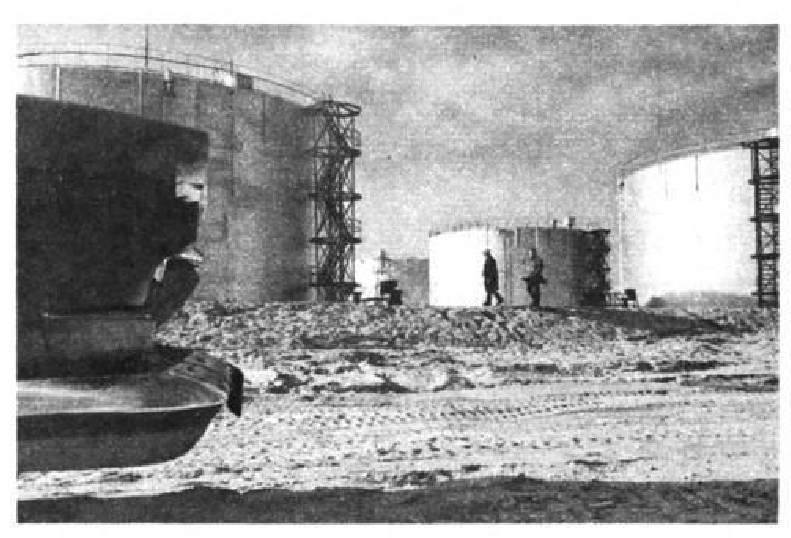
Сейчас нефтедобыча на полуострове находится, образно говоря, еще в инкубационном периоде. Но уже в нынешнем году Мангышлак даст 1 миллион 330 тысяч тонн. Запасы же нефти тут огромные. И они еще не полностью разведаны. Недавно в Узени из скважин № 14 и № 86 с глубины около 2 200 метров получен мощный фонтан нефти. Это уже 22-й горизонт. Эти скважины внесли существенные поправки в представление геологов. Теперь есть основания утверждать, что в нижних этажах узеньского месторождения имеются новые крупные запасы нефти.

Пока трудно приходится нефтяникам Мангышлака. Полуостров этот — каменистая полупустыня, без населенных пунктов, без воды. Жара порой достигает 50 градусов, часто бывают песчаные бури. И все же за короткий срок здесь построены поселки Узень, Жетыбай, автомагистраль, железная дорога, нефтепровод Узень — Шевченко, организован налив нефти в танкеры.

Однако главные строительные работы еще впереди. Решение правительства предусматривает строительство в городе Шевченко и в поселках большого количества жилых домов, магазинов, школ, больниц, бытовых предприятий, ретрансляционных телевизионных вышек. Город и поселки будут газифицированы.

К концу пятилетки войдут в строй нефтепроводы, связывающие Мангышлак с Гурьевским и Волгоградским нефтеперерабатывающими заводами. Расширится порт Актау в городе Шевченко. Паром будет забирать отсюда железнодорожные составы с нефтью для Махачкалы и Баку.

Большое будущее у этого полуострова Каспийского моря.

Мангышлакский пейзаж.

ТО КАРАВАЙ!

урожай зерновых культур за все годы Советской власти. Могучим потоком хлынул хлеб в закрома Родины. Поток, как известно, слагается из ручьев и ручейков. Вот фотография, рассказывающая об одном таком «ручейке» — из Лысянского района, Черкасской области.

Земли здесь не балуют хлеборобов своими щедротами. Но и на этих землях в нынешнем году получен высокий урожай. С площади 21 164 гектара собрано по 23 центнера зерновых, а такой ценнейшей культуры, как озимая пшеница,— по 25,5 центнера. Труженики района досрочно выполнили годовой план продажи хлеба государству.

Недавно хлеборобы района собрались на свой традиционный праздник урожая. Пригласили и гостей из Каневского района. Вот какой каравай — символ достатка и трудовых успехов — вручила гостям колхозница, коммунистка Лидия Илюк.

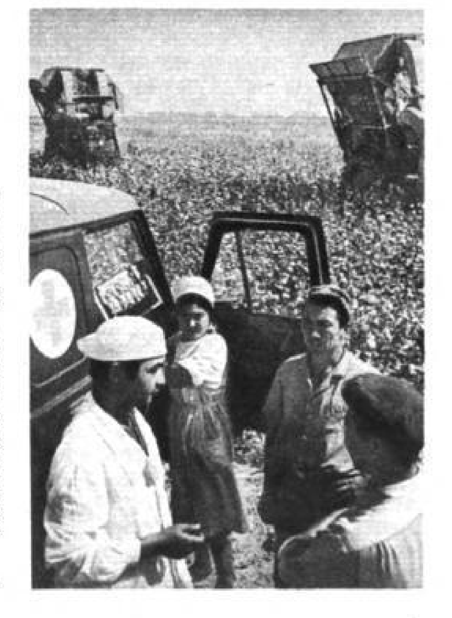
А. БОЙКО

Фото В. Олейника.

УССР, Черкасская область.

РАЗНОЕ ••• РАЗНОЕ

СЕГОДНЯ ВРАЧ В ПОЛЕ

Хлопкоробы голодностепского совхоза № 6 имени Германа Титова в большой дружбе с медиками. В двух отделениях совхоза круглосуточно действуют фельдшерско-медицинские пункты, в других же регулярно, по строгому графику, бывают выездные бригады. Доктора тут не только лечат, но и занимаются профилактикой. Часто врачи выступают перед хлопкоробами с лекциями и докладами. Вот и на снимке, который мы публикуем, доктор Дельчат Абидходжаев беседует с рабочими из бригады третьего отделения.

Фото А. Горокрика (ТАСС).

Гвардия атакует

В ДНИ БИТВЫ ЗА МОСКВУ

Дважды Герой Советского Союза
А. П. БЕЛОБОРОДОВ,
генерал армии, командующий
Московским военным округом

ЖЕСТОКИЙ

СИНИЕ СТРЕЛЫ

Атака началась на рассвете.

Сначала за дальним лесом, что синел на западе, часто-часто замерцали огненные вспышки вражеских батарей и смерч осколков обрушился на наши позиции. А через пятнадцать минут бешеный лязг гусениц и надсадный рев моторов оповестили о том, что пошли танки...

Это были танки той самой левой клешни бронированного клина гитлеровских генералов Гота и Хюпнера, которая нависла над Москвой с северо-запада.

Накануне, 16 ноября 1941 года, вечером, в деревне Сафониха, в маленькой избе, в которой расположился штаб нашей 78-й дивизии, мы с комиссаром Бронниковым допоздна просидели над картой.

16-я армия, в которую входила наша дивизия, располагала 150 танками и 767 орудиями и минометами. Немцы на том же направлении имели 400 танков и 1 030 орудий и минометов. К середине ноября против нашей дивизии действовали части 252-й пехотной, 10-й танковой дивизий и моторизованной дивизии СС «Рейх».

Глядя на карту, на толстые синие стрелы наступающей немецкой группировки, которые упирались в жиденькую, до предела растянутую красную линию обороны нашей дивизии, мы с комиссаром молчали. Но каждый из нас с тревогой думал, удастся ли если и не отразить, то хотя бы притупить эти беспощадные синие стрелы, ослабить напор, вымотать и обескровить врага.

И вот 17 ноября, на рассвете, острие танкового фашистского клина обрушилось на боевые порядки нашего 258-го стрелкового полка, оборонявшегося в первом эшелоне.

Захлопали редкие выстрелы немногочисленных сорокапяток. Задымил один вражеский танк, вспыхнул еще один. Закружил на месте, разматывая перебитую гусеницу, третий. Но такие потери на могли остановить громаду, насчитывающую многие десятки боевых машин. И тогда над оборонительной линией 258-го полка прогремела команда: «Приготовить бутылки с горючей смесью!»

Что такое солдат с таким нехитрым оружием против танка? Что стоит вражескому танкисту свалить его, вмять в землю гусеницами? И только кровь, запекшаяся на танковой броне, расскажет, что кто-то пытался преградить ей путь...

К тому же бутылку с горючей смесью надо метнуть умеючи. Не куда-нибудь, а попасть обязательно на жалюзи, прикрывающие моторную группу. Иначе танк не загорится. А оступишься, разобьешь бутылку, обожжешься горючей жидкостью — пропал. Ничем не погасить фосфорного пламени...

Но люди шли навстречу грозным машинам. И танки остановились, попятились назад. На поле боя осталось около десятка сожженных машин...

19 ноября поступило сообщение, что части нашего правого соседа — 18-й дивизии — после тяжелого боя у Ново-Петровского с разрешения командования начинают отход на новый рубеж: Румянцево—Ядромино. Несколько позже противнику удалось вклиниться и в оборону левого соседа —144-й. Это означало, что мы находимся в полуокружении.

В такой обстановке единственно правильным решением было орга-

низованно отойти на новый рубеж обороны. Но как отойти? Нет приказа командующего армией. Да и не мог он прийти, так как связь со штабом армии прервалась. А без приказа я не мог снять дивизию с линии обороны. Быть может, в штабе армии и в штабе фронта предполагают как-то использовать нашу дивизию, учитывают ее в разработке каких-то неизвестных мне операций. И я, не зная общей обстановки на других участках, несопредельных с нашим, приняв решение об отходе, подведу и своих соседей и армию. А если не отойти, враг замкнет кольцо и дивизия погибнет...

Мы продолжали упорно удерживать линию своей обороны. Гитлеровцы, располагавшие огромным превосходством и в технике и в живой силе, атаковали непрерывно. Все, что имелось в моем распоряжении, за исключением небольшого резерва, было брошено в бой. Но предотвратить неминуемое мы были не в силах...

И в этот критический момент, когда самое малое промедление могло привести к тяжелым последствиям, из штаба армии по радио пришел приказ: с боем отойти общим направлением на Истру и к утру 21 ноября занять новый рубеж обороны: Холуяниха — Веретенки — Фроловское.

КОГДА УЛЫБАЕТСЯ РАЗВЕДЧИК

Итак, выполняя приказ командующего 16-й армией, мы отошли на новый рубеж. Но положение по-прежнему оставалось крайне тяжелым. Количество вражеских частей, штурмовавших оборону нашей дивизии, не уменьшилось. Меня очень беспокоила танковая дивизия врага, действовавшая на нашем правом фланге.

Выслушав доклады наблюдателей о том, что перед фронтом дивизии скапливается значительное количество танков, я сам вышел на передовой НП у села Нефедьево.

Денек выдался ясным. С НП хорошо просматривалась в обе стороны линия обороны, порядки противника и его ближние тылы. Лощины буквально забиты танками. В бинокль были явственно видны широкие следы гусениц, тянувшиеся по заснеженным полям к недалеким перелескам. Я насчитал более сотни танков. Сложил их с теми, что значились в донесениях с других наблюдательных пунктов, и получилась внушительная цифра.

Вернулся в штаб. Немедленно вызвал начальника разведки дивизии майора Тычинина.

— Какие танковые части немцев действуют на нашем участке? — спросил я.

НОЯБРЬ

— Отмечено появление новой дивизии,— доложил Тычинин.

— Документы захвачены?

— Нет... Противник даже убитых утаскивает.

— За языком послали?

— Каждый день гоняю разведчиков в поиск... Не удается...

— Надо взять. Во что бы то ни стало надо взять!

Вошел адъютант.

— Дмитриев просит разрешения зайти, товарищ генерал... Командир разведроты.

— Пусть войдет.

Вошел Дмитриев — светловолосый, молодой, подтянутый офицер в белом маскировочном халате. Я хорошо знал Дмитриева еще по мирному времени.

— Разрешите взять пятерых и лично отправиться в поиск,— сказал Дмитриев.— Без языка не вернусь.

— Действуйте!— И подумал: если уж Дмитриев не возьмет — никто другой не сможет.

Глубокой ночью 25 ноября, когда на фронте наступило кратковременное затишье, я впервые за двое суток прилег отдохнуть. Но не успел еще закрыть глаза, как в избу, в которой располагался штаб дивизии, вошел командующий фронтом Георгий Константинович Жуков и командующий 16-й армией Константин Константинович Рокоссовский. Я вскочил и начал было докладывать, но Жуков жестом остановил меня.

— Оденьтесь — тогда доложите, как у вас дела.

Быстро натянул валенки, которые снял, чтобы дать отдохнуть натруженным, стертым ногам, и, одернув гимнастерку, начал доклад. Подробно доложил обстановку по карте, показал сводку наших потерь. Жуков нахмурился и, как мне показалось, подавил вздох.

— Везде одна и та же картина,— негромко сказал он Рокоссовскому.—Много жертв... Особенно от вражеской авиации. С этим пора кончать...

Потом Жуков повернулся ко мне:

— Вы докладывали, что на вашем участке действует пятая немецкая танковая дивизия. Где доказательства?

— Я сам лично насчитал более сотни машин. Да еще с других наблюдательных пунктов...

— Все равно не верю, товарищ Белобородов. Враг мог ввести вас в заблуждение. Представьте мне «языка»— тогда поверю.

— Разведчики не переставая ведут поиск, товарищ командующий...

Зазуммерил телефон. Штаб армии вызывал Рокоссовского.

— Клин сдан,— сказал он, положив трубку.

— Час от часу не легче,— сказал Г. К. Жуков.— А вы просите танки...

В этот момент плащ-палатка, которая занавешивала вход, отодвинулась, и в приоткрывшейся щели мелькнуло улыбающееся лицо майора Тычинина. В такой момент улыбка начальника разведки могла означать одно: поиск увенчался успехом, язык взят.

— Разрешите на минуту выйти?

Жуков кивнул. Я вышел к Тычинину.

— Ну что?

— Взял, товарищ генерал!— торжествуя, зашептал Тычинин.— Он, Дмитриев!..

— Давайте его сюда!— донесся голос командующего фронтом.— Сам допрошу!

Через несколько минут привели молодого немецкого танкиста из 5-й танковой дивизии. Дмитриев захватил его в тот самый момент, когда он отлучился в кустики по нужде... Немец и охнуть не успел, как разведчики скрутили ему руки, заткнули рот и, наспех застегнув штаны, потащили через фронт...

Командующий задал пленному несколько вопросов, внимательно изучил отобранные у него документы и приказал увести.

— Вот теперь я вам верю,— сказал он.— К вечеру получите одну стрелковую и одну танковую бригаду...

И, видя на моем лице сомнение в том, что подкрепления подойдут столь быстро, Георгий Константинович улыбнулся и добавил:

— Я их уже приготовил. Из резерва. Здесь поблизости стоят... Вы не думайте — я доверял донесению командира дивизии. Но мне требовалась абсолютная уверенность...

Я понимал это. Конечно, без риска не обойтись, и, если требуется, надо подбросить подкрепления из резерва или взять их с другого участка фронта. Но лишь тогда, когда есть твердая уверенность в действительной необходимости этого. Без тщательной проверки на войне никак нельзя.

КЛЯТВА ГВАРДЕЙЦЕВ

26 ноября 1941 года наша дивизия была преобразована в Девятую гвардейскую. Принимая гвардейское знамя, солдаты и офицеры дали клятву:

— Клянемся своими жизнями, кровью наших погибших товарищей, крепким словом партийных и непартийных большевиков, что это священное для нас знамя мы твердо и победоносно понесем через все битвы с врагом до полного уничтожения немецких оккупантов.

Фашисты продолжали отчаянно штурмовать нашу оборону. В трудном положении оказались два батальона 258-го полка. Подразделения 5-й и 10-й вражеских танковых дивизий обрушивали на них свои атаки. Несколько суток, не успевая даже перекусить, не говоря уже о сне, батальоны сдерживали натиск противника. И всякий раз, вызывая по телефону командира полка, я слышал сорванный до хрипоты, но все же твердый голос полковника М. А. Суханова:

— Держимся, товарищ генерал... Выстоим...

Но держаться было очень трудно. Сил было мало. Не хватало танков и артиллерии, чтобы отбиваться от непрерывных атак. И все-таки наши артиллеристы и бойцы бутылками с горючей жидкостью и противотанковыми гранатами отбивали одну атаку за другой.

Помнится бой 2 декабря, когда немецкие танки при поддержке авиации ворвались в Нефедьево. И опять телефон вместе с бешеным грохотом боя донес до нас твердый голос командира полка:

— Нахожусь в окружении. На командном пункте. Здесь, в Нефедьеве. Прошу огня!

Полковник Суханов видел с высоты НП все село и по телефону корректировал огонь советских батарей. Бойцы, зная, в какое положение попал полковник, шли в атаку с небывалым ожесточением. Утром 3 декабря противник был выбит из Нефедьева. Суханов снова командовал своим полком. Но и гитлеровцы не смирились. Их танки ринулись в новую атаку. Закипел новый бой. Но на этот раз немцы, потеряв немало машин, откатились назад. Нефедьево осталось в наших руках...

Мы с главным инженером Волковым в это время поехали в Дедовск. Нашей дивизии было поручено подготовить к взрыву швейную фабрику. Мы ходили с Волковым по опустевшим цехам. Очень не хотелось взрывать фабрику. Здание хорошее, крепкое. Вставить стекла в рамы, привезти машины — и можно работать. Жалко взрывать. Но взрыв этот означал бы еще и другое. Взрыв — значит опять отступление, опять шагать солдатам к Москве, до которой и так уж близко.

— Может быть, не стоит взрывать,— сказал Волков.— По крайней мере сейчас.

— Здесь будет НП,— сказал я и подумал, что ни за что мы не уйдем отсюда дальше к Москве, что эта фабрика должна стать нашим последним рубежом, от которого путь будет только на запад.

Так и случилось. 7 декабря с наблюдательного пункта 131-го полка, из здания Дедовской швейной фабрики, я передал по дивизии приказ о наступлении.

И словно не было ожесточенных боев, бессонных ночей, бесчисленных отбитых танковых атак, словно не эти вот солдаты месили грязь на дорогах и мерзли в ледяных траншеях недели и месяцы отступления. Все это сразу отошло в прошлое, а настоящее уложилось в один порыв, в одно волнующее слово: «Вперед!»

Это был нелегкий путь: через минные поля, противотанковые и противопехотные заграждения. Навстречу огневым точкам, закопанным в землю танкам. В лесах немецкие автоматчики, затаившись на деревьях, устраивали засады. Правда, на «кукушек» вскоре нашли управу. В нашей дивизии было много сибиряков-охотников. Тут как раз и пригодилось их профессиональное мастерство, умение разглядеть в густой кроне дерева затаившуюся белку или соболя, незаметно подкрасться к ним и точно, одним выстрелом снять.

И СНОВА ИСТРА

Наступление шло успешно. Двигались мы быстро, быстрее, чем немцы в ноябре. И опять те же подмосковные деревеньки и дачные поселки. Две недели назад они были перед нами, безлюдные, сиротливые. Нам больно было на них смотреть. Мы уходили на восток, к окраинам Москвы, а теперь мы опять тут — наступаем. Но где же деревни и дачные поселки? Развалины и пепелища. Только названия прежние. Ничего, отстроим, посадим новые сады. Все будет. Будет! Для того и стремимся вперед.

В трудном бою выбили врага из города Истры. Батальоны Юсупова и Романова первыми ворвались на истринские улицы. Но я знал, что следующий день будет еще более трудным. Впереди река Истра. Тут немцы постараются остановиться. Трудно найти место более удобное для обороны, чем западный берег Истры — высокий, лесистый. Фашисты зарылись там капитально. Они превратили берег в настоящую крепость и надеялись не дать нам переправиться. Чтобы сделать свою оборону еще менее уязвимой, фашисты взорвали плотину Истринского водохранилища, и в декабре в лютый мороз на реке началось наводнение. Уровень воды поднялся почти на четыре метра. Теперь подойти к вражескому переднему краю можно было только по холмам, которые были хорошо пристреляны.

Майор И. Н. Романов попросил поручить его батальону захватить плацдарм на западном берегу Истры. Ивана Никаноровича я знал давно. До войны на Дальнем Востоке он был начальником полковой школы. Скромный, тихий офицер здесь, на фронте, оказался смелым и умным командиром, решительным и бесстрашным. Под Москвой он стал коммунистом.

Романов убеждал меня, что не подведет, что его солдаты готовы ко всему, что он все учел: и мороз, и ледяную воду, и огонь противника. Единственное, о чем он просил,— поддержать артиллерией. Я отлично понимал, насколько рискованна эта операция, знал, что никаких переправочных средств у нас нет, но иного выхода не было.

Вечером приехал генерал-лейтенант Рокоссовский. Он внимательно ознакомился с обстановкой, сложившейся на участке. Докладываю ему о плане форсирования Истры. Командующий сидит задумчивый, слушает не перебивая. По его лицу не понять, принимает он наш план или нет. Кончил докладывать. А Рокоссовский молчит. Потом встал, начал надевать шинель.

— Вы утверждаете план?— спросил я.

Командующий, словно не слыша вопроса, направился к выходу.

— Товарищ командующий, вы утверждаете план?— снова повторил я.

Рокоссовский сел в машину и захлопнул дверцу. Я остался один. Где-то поблизости громыхала артиллерия. Бесновался ветер, снег стегал по лицу крупой. «Эмка» медленно тронулась с места, но, проехав метров пятьдесят, остановилась. Открылась дверца.

— Утверждаю!— долетел до меня решительный голос Рокоссовского.

И я понял, как нелегко далось это слово «утверждаю» командующему армией. Пока он слушал меня, пока надевал шинель, пока шел к машине, пока ехал те пятьдесят метров, он думал и взвешивал, он решал сложнейшую задачу с тысячами неизвестных и знал, что не может уехать, не решив ее.

— Утверждаю!

«Эмка» скрылась за снежной пеленой.

Ночью батальон Романова двинулся к Истре. Солдаты в темноте незамеченными подошли к реке. Тонкий лед проваливался, идти приходилось в ледяной воде. Это была трудная дорога. За ночь батальон преодолел всего двести метров. Немцы открыли ураганный огонь, но романовцы шли и шли вперед. На западном берегу завязался жестокий бой. Заговорили наши пушки. Когда рассвело, было видно, как стойко держится сильно поредевший батальон Романова, как идут ему на помощь другие батальоны, как саперы среди столбов взрывов наводят переправу...

Немецкая оборона на Истре рухнула, наступление продолжалось.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Прошлый номер «Огонька» вышел в свет сразу после того, как газеты напечатали сообщение о присуждении в нынешнем году премий России за лучшие произведения в области литературы, искусства, а также за исполнительское мастерство. Поэтому нам теперь остается только горячо поздравить лауреатов Государственной премии РСФСР и пожелать им от всей души новых успехов.

Мы искренне рады, что тот почетный список, где названы имена лауреатов и перечислены их работы, начинается талантливой книгой писателя Михаила Алексеева «Вишневый омут». У этой книги много друзей; она привлекла читательские сердца любовью автора к людям приволжской деревни. М. Алексеев рассказал о них посвоему — раздумчиво и страстно, не скрывая отношения к героям, к их поступкам.

Неравнодушие, жизнелюбие пронизывают и творчество таких разных поэтов, как Кайсын Кулиев и Леонид Мартынов, получивших, как и Михаил Алексеев, премию имени М. Горького.

Премия имени К. Станиславского... Ее получили не только замечательные русские актеры — любимица Москвы Юлия Борисова и любимец Ленинграда Николай Симонов. Эта же премия присуждена доктору искусствоведения, профессору Павлу Александровичу Маркову, театроведу, много сделавшему для развития советской сцены.

«Огонек» рад поздравить художников, ставших первыми лауреатами Государственной премии имени И. Репина. Гелий Коржев, его чудесные, проникнутые глубоким патриотическим чувством картины — «Интернационал», «Поднимающий знамя», «Гомер. Рабочая студия» — хорошо знакомы миллионам читателей «Огонька» по нашим репродукциям. Как зна-

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ДЕМОКРАТ

Все прогрессивное человечество почтило светлую память великого китайского писателя Лу Синя. Он скончался тридцать лет назад — 19 октября 1936 года. Основоположник новой китайской литературы, которая складывалась в эпоху пролетарских революций и была пронизана идеями борьбы за новое общество, Лу Синь уделял огромное внимание переводам на китайский язык лучших произведений советской литературы. Он был большим другом советского народа, писателем — гуманистом, подлинным титаном культуры.

На фото: советские журналисты у памятника над могилой Лу Синя в Шанхае.

Недавно в Дании была открыта выставка работ советского художника И. С. Глазунова. Она пользовалась большим успехом у датских любителей живописи. Художник написал портрет премьер-министра Дании господина Енса Отто Крага и его супруги. На снимке: премьер-министр Е. О. Краг (слева) и художник И. С. Глазунов. Рядом портрет премьер-министра и г-жи Краг, известной датской киноактрисы.

ЛАУРЕАТОВ РОССИИ

кома картина Е. Моисеенко «Красные пришли», как знаком великолепный памятник Карбышеву, созданный скульптором Владимиром Цигалем в ознаменование несгибаемой силы духа советского человека — воина, героя...

Известным композиторам Д. Кабалевскому и Ю. Шапорину, посвятившим свою музыку глубоко гражданственной, высокой теме, присуждена премия имени М. Глинки. Этой же премии удостоен и пианист Лев Оборин. С его блистательным исполнительским мастерством знакомы не только города России и братских республик. О нем знают далеко за рубежами страны — там, где Лев Николаевич Оборин демонстрирует глубокое содержание, техническое совершенство советской фортепьянной школы...

В области киноискусства лучшие работы награждаются Государственной премией имени братьев Васильевых. Сейчас она присуждена создателям научно-популярных фильмов о Ленине: «Рукописи Ленина», «Знамя партии», «Ленин (Последние страницы)». Эти киноленты производят на зрителя огромное впечатление. По своему познавательному значению, по эмоциональной и философской силе они не уступают картинам художественным, а содержащийся в них нравственный, партийный заряд, пожалуй, даже не с чем и сравнить.

Эти выдающиеся фильмы, связанные с дорогим именем Владимира Ильича, с ленинской мыслью, создали Г. Фрадкин, Ф. Тяпкин и А. Консовский.

Премию имени братьев Васильевых получили также мастера кино за фильмы: «Живые и мертвые» — А. Столпер, К. Симонов, А. Папанов, Н. Олоновский — и «Девять дней одного года» — М. Ромм, Д. Храбровицкий, Г. Лавров, Г. Колганов, А. Баталов.

РОЖДЕНИЕ СУВЕНИРА

Окно распахнуто настежь. На подоконнике — матрешки в затейливых сарафанах, а у окна — молодая женщина. Короткая, почти мужская стрижка. Обветренное лицо. Сильные пальцы. Выпрямилась — и я подивилась ее спортивной стати. Позже подружки с гордостью рассказывали: «Наша Д'Артаньянша. В команде области единственная женщина сражается на рапирах».

А тут, на кировской фабрике «Идеал», Галина Халтурина — инструктор-резчик.

...Самой значительной была, пожалуй, в Галиной жизни встреча с Александром Ивановичем Васнецовым. Родственник знаменитого художника создавал тончайшие инкрустации из дерева, хранящиеся ныне в музеях. Именно у него училась Галя этому сложному и трудоемкому искусству.

Двадцать девушек оставались после работы, и тогда в цех приходил Александр Иванович. Он раскладывал на столе образцы разных пород дерева, поправлял на худом лице очки в массивной оправе и начинал рассказывать и показывать — живописать деревом. Галя заслушивалась...

Первую ее работу — коробку, украшенную национальным орнаментом, комиссия приняла единодушно. Чувствовалась уверенная рука и хороший вкус.

Потом пошли настенные тарелки и шкатулки для ВДНХ, но Васнецов потребовал от Гали большего: придумывай и создавай рисунки сама! Это было и увлекательно и тяжело. Ведь говорят же: «Нетрудно сделать, да трудно придумать». Галя ходила в музеи, особенно в Художественный. Ездила в Ленинград и Москву, в Таллин и Ригу. В Прибалтике распространено тиснение на коже. Но Галю оно не заинтересовало. А вскоре случилось так, что она должна была обратиться к опыту эстонских мастеров.

Дело в том, что фабрике поручили освоить изделия из бересты, а фабрика доверила это прежде всего Гале. Халтурину направили в Москву, в институт художественной промышленности. Николай Борисович Скубенко, замечательный художник — резчик не только по дереву, но и по кости, мрамору и металлу, показал ей, как надо обращаться с берестой. Тогда еще все удивились, что Галя вернулась домой так быстро. Собиралась на месяц, а прибыла через две недели. Разгадка была проста.

— Так хотелось скорей испытать себя: получится или не получится? Работала даже ночами, в гостинице...

Получилось! Достаточно взглянуть на эти матрешки, что выстроились рядком на первой обложке нашего журнала. К Гале они поступают в «раздетом» виде: шарик на конусе. Галя надевает на шарик кружевной платочек, на конус — юбку, и матрешка готова. Легкий платочек и ажурный сарафан из светлого, мягко гармонирующего с деревом материала, похожего на кожу. Ну чем не симпатичный вятский сувенир!

А вот и закладка для книги. Она может быть резной, как кружева, и тисненой, как кожа в Прибалтике. Береста ведь мягка и послушна в работе. Ею можно инкрустировать шкатулки. Сюжеты уже есть: «Аленушка плачет,» любимые резчиком фехтовальщики. Рисунки — как того хотел покойный ныне Александр Иванович Васнецов — придумывает Галина Халтурина сама.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

г. Киров.

Главный инженер Тудор Маринеску.

Борис ИВАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

РЕЗЕЦ ВРЕМЕНИ

Никогда нельзя вновь обрести человека в том состоянии, в котором его когда-то покинул. Изменения в его облике особенно сильно бросаются в глаза при встрече после долгих лет разлуки. Границы прошлого и настоящего, высеченные резцом времени, обозначены глубоко и четко. Подобное можно сказать о городах и даже целых странах, ибо они тоже живые, развивающиеся организмы. Только движущие силы их жизнедеятельности — политические, экономические и социальные условия. От того, насколько эти условия соответствуют духу эпохи, и зависит успех или упадок городов и стран.

В Румынии я не был, если не считать мимолетного прошлогоднего свидания с ней, шесть лет. И то, что сейчас мне удалось увидеть, проехав более четырех тысяч километров, теперь уже по социалистической республике, оставило впечатление светлое, радостное. Время не бог весть уж какое большое наложило на нее заметный отпечаток. «Эге,— невольно воскликнул я про себя,— как ты похорошела, помолодела, моя западная соседка! Какую обрела стать, какую яркость и значимость во взоре!»

Как всегда бывает в этих случаях, к сердцу подступает горячее желание поделиться с кем-либо об увиденном и пережитом. Поэтому я и взялся за перо, чтобы беглые, торопливые пометки в путевом блокноте облечь в более или менее стройный рассказ о встречах с людьми, городами и весями страны. Рассказ, конечно, ни в коей мере не претендует на полную и всестороннюю картину жизни Румынии. Это скорее фрагменты, отдельные черты и судьбы, характеризующие сегодняшний день народа.

* * *

С чем можно сравнить химический комбинат, чтобы получить о нем образное представление? Пожалуй, с химической лабораторией. Те же поставленные вертикально пробирки, пузатые колбы, соединенные трубками различного сечения. Только все это гигантского размера и сделано не из стекла, а из других материалов — стали, алюминия, металлических сплавов. Таких «лабораторий» построено в стране за последние шесть лет много. Дух времени. Что верно, то верно. Но из духа не сделаешь каучука или фенола. Нужно реально осязаемое сырье. В Румынии его предостаточно. Это нефть. На ее базе и возникли химические предприятия, оборудованные по самому последнему слову мировой техники. На комбинатах выпускают все мыслимые продукты из нефти начиная с высокосортного бензина и горючего для ракетных двигателей, кончая ароматическими маслами. Полученные товары идут на внутренний и внешний рынок. Вывозимые за рубеж готовые химические продукты дают заметно бóльшие прибыли, чем экспорт сырой нефти. Выгода государству. Следовательно, не в накладе остается и народ. О правильности этих выводов убедительно говорит динамика валовой продукции химической промышленности. Среднегодовой темп ее роста — двадцать два с лишним процента. Из всех отраслей промышленности химию на немного обогнала лишь электротехника, что, кстати, тоже свидетельствует о передовых индустриальных позициях республики. Человек никогда не станет направлять свои усилия туда, где он не получит ровно никаких ощутимых результатов. Тем более этого не станет делать государство, хозяином которого является сам труженик.

Все эти мысли высказывались на Комбинате по производству синтетического каучука и нефтехимикатов имени Георге Георгиу-Деж. Мы сидели в светлом, просторном кабинете дирекции, уставленном образцами продуктов предприятия и вазами с цветами. К слову сказать, цветов в Румынии целые реки. Они текут, переливаясь на солнце всеми красками и оттенками, по улицам и переулкам городов и сел, образуя на площадях и скверах целые озера; брызгами взлетают на фонарные и телеграфные столбы, на фасады домов; ручейками проникают в квартиры, во дворы и цеха предприятий. Говорят, что если подсчитать, то Румыния по количеству цветов на душу населения выйдет на первое место в мире. И действительно, путешествуя по многим материкам и странам, я нигде не видел такого любовного отношения к цветам.

Кто же за ними ухаживает, со вкусом их подбирает и умело сажает на клумбах, газонах, а то и просто на грядках? Отнюдь не профессионалы-садовники. Содержание их обошлось бы слишком дорого. Занимается всем этим с увлечением само население, как у нас говорят, на общественных началах. И стар и млад причастен к цветоводческому делу.

Как в Польше или Венгрии при каждой беседе обязательно присутствует кофе, так в Румынии — гвоздика или астра, фиалка или пион.

Цветы стали как бы культом нации.

Естественно, не обошлась без цветов и встреча на комбинате. Беседа шла неторопливо, иногда, как бывает у добрых друзей, отклонялась от главной темы. Например, заговорили вдруг о цветах. Но отступления не мешали, а, наоборот, придавали встрече сердечность и теплоту. Тудор Маринеску, главный инженер по производству, охотно отвечал на все вопросы. Конечно, с бóльшим удовольствием он рассказывал о своем любимом деле. Черные глаза его светились ярче, желваки на скулах выступали отчетливее, слова соскакивали с тонких губ быстрее. Предприятие, говорил Тудор, еще молодое. Первую партию каучука получили всего три года назад. Мощность завода (построен он по советскому проекту) — пятьдесят тысяч тонн каучука в год. Много ли это? Раньше такого количества, может, и хватило бы. Теперь нет. Тракторы, грузовые автомобили требуют все больше и больше хорошей обувки. В новую пятилетку вступит в строй завод легковых машин. Еще подавай баллонов и покрышек. Кроме того, каучук идет и в другие отрасли промышленности.

— Года через три мощность завода значительно возрастет,— говорит Тудор.

Жизнь Тудора Маринеску где-то сродни Румынии. Как и она, он был беден. Рос в крестьянской семье. Учиться начал с приходом народной власти. Крепчала его родина — поднимался и Тудор на ступеньку выше. После заочной школы мастеров в Плоешти поехал учиться в Бухарестский институт нефти и газа. Послал его туда Плоештинский нефтеперегонный завод. В 1957 году закончил курс и вернулся в Плоешти. Вскоре началось строительство комбината. Тудора командировали монтировать оборудование. Опыт у него еще был невелик. Набираться умения и смекалки отправился в Сумгаит.

— Памятная пора... Здорово помогли мне ваши ребята.

Советские специалисты принимали румынских коллег не только у себя на родине, но и сами приезжали на комбинат с ответным визитом. Консультировали, участвовали в монтаже. Мастер цеха электролизов Георгий Барна, с рыжеватой щетиной на пухлых щеках, подружился в ту пору с инженером Владимиром Воргатюком. Сердечные отношения до сих пор не прерваны. Переписка продолжается между ними вот уже шесть лет.

— Если встретимся, сразу узнаем друг друга,— говорит Георгий,— мы ведь не только письмами, но и фотографиями обмениваемся.

Рабочие, инженеры и служащие комбината живут в городе Георгиу-Деж. Почему вдруг с производства разговор перекинулся к быту? «Не для того, чтобы сравнить прошлое с настоящим»,— сказал Тудор Маринеску. Каково было прошлое румынских рабочих, широко известно. Сейчас, правда, подробно узнать о горестном дне вчерашнем можно лишь из книг. Есть, конечно, и живые свидетели. Но воочию увидеть грязные, приземистые бараки, душные, загазированные цеха невозможно. Экскурсоводы Музея истории РКП, революционного и демократического движения румынского народа покажут вам лишь фотографии. В реальной натуре от прошлой жизни румынских тружеников не осталось и следа, хотя до порога, от которого началось настоящее, рукой подать — всего каких-нибудь двадцать два года. О городе Георгиу-Деж уместно здесь вспомнить главным образом потому, чтобы показать, в каких условиях живут люди в социалистической Румынии, как решается в стране жилищная проблема — одна из острых проблем на земле. Правда, таких городов, как Георгиу-Деж, в стране еще немного. И жилищная проблема покуда не решена до конца. Но город этот является как бы эталоном будущего.

Город — наиболее яркое воплощение материального благосостояния народа. От того, как он построен, распланирован, насыщен удобствами, культурными учреждениями, можно судить об общественной формации и экономическом положении нации. Строительство новых городов, реконструкция старых волнует не только архитекторов и инженеров, но и писателей, педагогов, философов да и простых тружеников. Георгиу-Деж — новый город. Первое впечатление о нем — впечатление легкости и простора. Словно многомачтовый парусник, плывет он по зеленым волнам. Окаймленный лесистыми Карпатами, город естественно слился с природой, пустив ее в свои кварталы. Искусное использование рельефа местности — одно из достоинств города.

Количество населения Георгиу-Деж — пятьдесят тысяч человек. Цифра немалая. Но город очень компактен. Это достигнуто за счет высотности домов. В основном здесь десятиэтажные здания, причем разных цветов, что придает ему праздничность. В строительстве использовано очень много стекла, отсюда прозрачность и улыбчивость кварталов, особенно в солнечные дни. Рядом с архитекторами работали художники. Мозаика, керамика, скульптура лишают его монотонности, главной беды современных городов.

Скульптура ненавязчива, нетяжеловесна. Она не давит, не выпрыгивает, не раздражает, а поясняет, подчеркивая назначение здания. Например, в центре фасада девятиэтажной больницы горизонтально к цоколю расположен рельеф, выполненный из легкого, золотистого металла. Женщина с младенцем словно парит над входом в больницу. Скульптор с большим тактом и мастерством воплотил в своей работе идею жизни и здоровья.

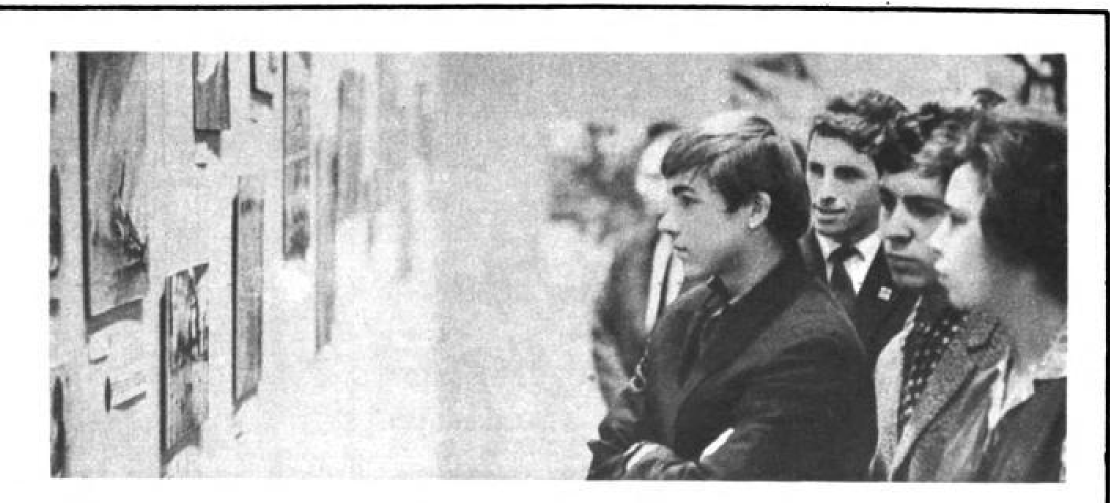
Парадное — первое знакомство с домом. От него тоже в какой-то степени зависит настроение всяк сюда входящего. Двери парадных широкие, стеклянные. Вестибюли освещаются через широкие окна.

Квартиры двух- и трехкомнатные, отлично отделанные, со всеми современными удобствами. Для молодежи и одиноких квартиры, как правило, однокомнатные.

Магазины рядом. Их витрины протянулись вдоль фасадов жилых домов. Общеобразовательные школы, лицеи, клубы, кинотеатры тоже под боком у горожан. Здесь все взаимосвязано, рационально. Время, здоровье, труд, отдых, развлечения — эта пятерка заключила союз с первым броском бульдозера.

Строительство Георгиу-Деж продолжается. То, что уже сделано, вселяет уверенность: союз пяти будет крепнуть вместе с ростом города.

(Окончание в следующем номере.)

В Центральном выставочном зале открылась Всемирная выставка «Интерпресс-фото-66». На выставке представлено 1 106 работ мастеров фотоискусства из 71 страны мира.

На снимке: молодежь в зале выставки.

Фото В. Хухлаева и В. Мусаэльяна (ТАСС)

В сельскохозяйственном кооперативе «Гимбав» все молодо и ново: и дома и люди. Елена Луреа вышла погулять по родному селу.

В зеленой долине Карпат раскинул свои кварталы новый город Румынии Пятра-Нямц.

Фото Б. ИВАНОВА.

«На веревке»,— так говорит капитан.

Фото Г. КОПОСОВА.

Матрос А. Черемушкин из Ярославля.

О. КУПРИН

СОЛЗА ВПАДАЕТ В БЕЛОЕ МОРЕ

ЛИХТЕР

ак медленно тянется время! Я, кажется, жалею, что поддался искушению посмотреть собственными глазами Ледовитый океан. Ничего особенного. Никаких льдов, потому что еще лето. Вода, правда, красивая, цвета вороненой стали, с синевой. Небо чистое, безоблачное. И тишина. Ни ветерка, ни всплеска волны.

Капитан Николай Семенович Селиверстов смотрит на меня и улыбается. Я знаю, о чем он думает: «Ведь говорил же, что зря со мной пошел. Предупреждал, несовременный получится материал. Лихтер не та посудина, о которой стоит писать».

Я и сам вижу, что не та. Что такое лихтер? Большая морская баржа, груженная лесом. Старенький и какой-то несолидный буксир по имени «Поной» тащит нас вдоль пустынных тундровых берегов «на веревке», как говорит капитан. Дней пять прошлепает, если ничего не случится. Обгоняют нас все кому не лень. Даже маленькие рыбачьи суденышки с шиком оставляют позади «Солзу» — так называется лихтер.

Почему «Солза»? Говорят, есть где-то такая река. Где — никто толком не знает. В атласе мира, который я вожу с собой, Солзы нет. Наверное, никто всерьез не принимает ее за реку, как не считают и лихтер полноправным кораблем.

Должно быть, самое страшное на лихтере — ощущение застывшего времени, минуты растягиваются, как резина. После водоворота большой стройки, где я был несколько дней назад и где время неслось как угорелое в скрежете бульдозеров, в спорах бригадиров, мастеров, кажется, что очутился ты в какой-то совсем иной эпохе.

Капитан сидит в рубке на табуретке и скучает. Механик Александр Яковлевич Мужиков смотрит в окно и нагоняет на себя хорошее настроение.

— Смотрите, ход-то у нас какой, аж шапку ветром сдувает.

Я тоже смотрю в окно и думаю, что вовсе механику не весело.

Матрос Петя Кошельковский — восемнадцатилетний парнишка, это его первый рейс после окончания морской школы — стоит у штурвала. Его забота — точно копировать все повороты, которые делает штурвальный на «Поное». Вахта в рубке круглосуточная, смена каждые четыре часа. Четыре часа можно стоять и думать о чем угодно, потому что такая работа никаких мыслей и решений не требует.

Рулевое управление все время шипит, словно на нем без конца жарят яичницу. Когда вахтенный поворачивает колесо, дружно чавкают поршни.

— Ползунова знаете? — посмеивается Селиверстов.— Так это сооружение почти на том же уровне.

Я заметил: стоит с капитаном или механиком заговорить о лихтере, они всякий раз улыбаются, не скрывают иронического отношения к своему судну, но нет в той иронии ни злобы, ни пренебрежения.

Смотрю на часы и ловлю себя на мысли, что жду, когда наступит наконец полдень и буфетчица Марина позовет нас обедать. Есть не хочется, и все-таки приятно, когда ждет тебя впереди какое-либо событие, пусть даже самое обыкновенное.

— Погода нынче — чистый курорт! Шесть градусов жары,— опять улыбается Мужиков.

— Смазал бы самовар, механик,— кивает капитан на рулевое управление,— а то угробим такую музейную редкость.— А потом наконец серьезно говорит мне: — Сейчас в нашем пароходстве лихтеров осталось меньше десятка. Было много. Быстренько они состарились. Один, правда, прогремел на весь мир. «Лодьма». Тот, что турбины из Ленинграда в Дивногорск возит.

— А почему состарились?

— Известно, почему. Корабли стали строить не те, что раньше. Такие приходят, что лихтеры по сравнению с ними — седая древность. Пережиток прошлого...

Несколько лет назад вел он такое же судно в последнее крупное плавание — из Белого моря в Азовское. Стал там лихтер уже не лихтером, потому что срезали с него все колонны и стрелы, а посудиной без названия, предназначенной для перевозки агломерата на «Азовсталь». Его место заняли новые суда, быстроходные, современные. Все правильно, а капитану, однако, грустно, потому что полжизни протаскался он по морям и океанам «на веревке» за буксиром. Хотя и посмеивается он сейчас над «Солзой», понимая, что недолог ее век, но дорога она ему очень. Потому и насмешки его не злые, просто грустные. Так старые шахтеры расставались с отбойными молотками и садились за парты изучать угольные комбайны.

САНПРОПУСКНИК

Вышли в Печорское море, можно считать, в Ледовитый океан. Давно не видно берегов. А закроешь глаза, чудится, будто стоишь ты в бору. Так пронзительно пахнет в океане сосной. Доски, курганом наваленные на палубе, блестят под арктическим солнцем до рези в глазах. Еще ярче горят на шершавых сосновых щеках капельки смолы.

Матрос Дьячков неторопливо водит кистью, опоясывает трубу свежей красной полосой. Спешить некуда, в Архангельск придем нескоро. Палубу уже надраили добела. Боцман Вишневский отправился по деревянному кургану на полубак. Дел там особых нет, мог бы и не ходить, пошел так, для порядка.

«Поной» пыхтит далеко впереди. В море буксир положено отпускать до четырехсот метров. Поэтому у нас на капитанском мостике тихо, шум двигателей сюда не долетает.

Вахту несут старпом Виктор Иванович Соколов и матрос Черемушкин, красавец бородач из Ярославля. Черемушкин — в рубке у штурвала, мы с Соколовым — на мостике.

— Хорошие матросы на лихтерах не задерживаются,— говорит старпом.— У нас вроде как санпропускник. Одни исправляются, искупают прошлые прегрешения, другие проходят проверку перед загранкой. Если хотите — испытание на верность морю да и проверка кое-каких человеческих качеств.

Я, кажется, уже понял на маленьком собственном опыте, что экзамен этот нешуточный. Представляю, как трудно парням, ставшим взрослыми в шестидесятых годах XX века, прожить целую навигацию в темпе годов тридцатых или пятидесятых, которые для них — история. Они молча работают, не очень разговорчивы, когда отдыхают. После вахты, не произнося ни слова, играют в кубрике в шахматы. Или молча рассаживаются в радиорубке на столе и ищут в эфире песни про тайгу, про пургу, которая качается над Диксоном. Или, тоже молча, стоят на палубе, смотрят, как обгоняют лихтер большие и малые суда. Даже балагур Володя Белоусов, недавно демобилизовавшийся из армии, не пользуется у них особым успехом.

Часов в пять выходит подышать свежим воздухом кочегар Коля, плечистый парень, громадный и немного медлительный. Коле как нельзя лучше подходит его фамилия — Широкий. Он неизменно появлялся на палубе в голубой нейлоновой сорочке и, постояв часок, спускался в прачечную стирать свою роскошную рубаху.

Повар Гена Пекишев после ужина уходит в каюту и до ночи читает какую-то толстенную книгу. Его не интересует, что происходит вокруг. А впрочем, что может произойти на лихтере, на морской барже, которую тянет буксир?

В каюте капитана, где я живу, над письменным столом на крючке висит заявление: «Прошу уволить по собственному желанию...» Кто-то не выдержал.

И Петя Кошельковский, и Володя Белоусов, и Коля Широкий, да и все прекрасно знают, что судьба их зависит от характеристики, которую напишет капитан в конце навигации, знают также, что характеристика эта будет абсолютно честная, значит, работать надо честно, на всю железку или сразу вешать на крючок в капитанской каюте листок бумаги: «Прошу уволить по собственному желанию...»

Заявление пока одно, на борту семнадцать человек. Никто больше не пишет, хотя причин взяться за перо достаточно. Главное — эта «Солза», пережиток прошлого, названная в честь речушки, которая неведомо где течет.

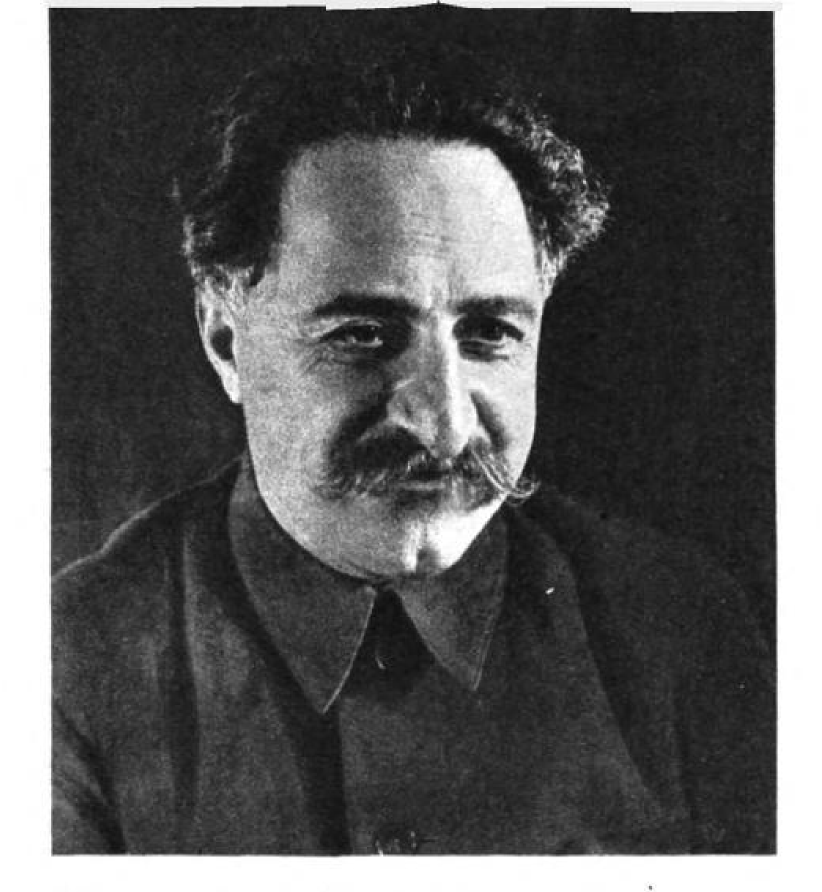
Вечером я стою на палубе с Белоусовым.

— Все-таки уйду,— говорит он.— В институт поступлю, в медицинский. Только вот лягушек боюсь. Кошмар. Как думаете, примут? И опять же жениться пора. Возраст. Скоро четверть века стукнет. Какая жизнь: она на берегу, ты черт-те где! Романтикой пусть другие забавляются. А море... Что в нем особенного? Да еще этот лихтер. Тут любого романтика в реалиста перевоспитают.

Вот вам и балагур.

Из кубрика выскочил Коля Широкий и побежал в рубку за биноклем. Прежде я не замечал за ним такой прыти. Встал у капитанского мостика и, не отрываясь, смотрит вперед.

На горизонте показалось судно. Идет нам навстречу. Лицо кочегара растягивается в улыбке. А когда корабль в сотне метров проходит мимо нас, Коля машет руками, потом складывает их рупором, кричит: «Ребята-а-а!» Кто-то

К 80-летию со дня рождения Г. К. Орджоникидзе

И. ПЕШКИН

СЕРГО

ОРАНЖЕРЕЙНЫЕ УСЛОВИЯ

Это было в 1934 году. Со старого Енакиевского завода в Донбассе пришло сообщение: на одной из мартеновских печей достигнут втрое больший съем стали, чем тогда получали на таких же печах и в Енакиеве и на других заводах.

Нарком тяжелой промышленности Георгий Константинович Орджоникидзе в то время лечился в Кисловодске. Сообщение из Енакиева не прошло мимо его внимания. Его теперь не оставляла мысль о том, какого прироста производства стали можно бы добиться в стране, если бы все печи варили сталь так же быстро, как енакиевская рекордсменка. Об этом он беседовал с металлургами, оказавшимися в Кисловодске. Большинство отнеслось к известию скептически. Возникли даже сомнения в его достоверности. Может быть, газетный корреспондент что-то напутал? А когда достоверность была подтверждена, специалисты стали объяснять этот успех тем, что для печи созданы были особые, так сказать, оранжерейные условия. И Серго стал внимательно наблюдать за енакиевской печью. Сводки о ее работе передавались в Кисловодск.

Прошло недели полторы, наступило время возвращаться в Москву. Поезд, к которому в Минеральных Водах прицепили вагон Орджоникидзе, миновал Иловайское. Путь лежал через Донбасс. Во тьме осенней ночи ярко горели огни шахт, металлургических и машиностроительных заводов. Серго еще не ложился, хотя было пора. Неожиданно Серго сказал: «В Никитовке отцепимся». Остановка не была предусмотрена.

— На несколько часов завернем в Енакиево. Надо посмотреть эту... оранжерейную печь.

В Никитовке вагон прицепили к рабочему поезду, и в Енакиево приехали к утренней смене. Серго сразу отправился на завод. Охрана пропустила Орджоникидзе на территорию и тут же стала звонить по начальству о нежданном приезде наркома. Тем временем Орджоникидзе уже был в цехе, у «оранжерейной печи».

Цех старый. Были, правда, завалочные машины, но древней конструкции. Работа на всех печах шла как будто одинаково. Так почему же одна дает больше стали, чем другие?

На вопрос, правда ли, что рекордсменке создали оранжерейные условия, начальник смены — им оказался молодой инженер — ответил:

— За этой печью лучше смотрим, обеспечиваем...

Тем временем заводской диспетчер оповестил всех, что нарком в цехе. День был воскресный, и руководящие работники завода уехали за город, а кое-кто отправился в областной центр. Отыскали начальника мартеновского цеха, инженера старой школы Сергея Гудовщикова.

— Могут все печи работать так, как ваша рекордсменка? — спросил его Орджоникидзе.

Гудовщиков, не задумываясь, ответил:

— Нет, не могут!

— Стало быть, верно, что печи созданы оранжерейные условия?

— Не знаю, можно ли это назвать оранжерейными условиями. Мы попытались хотя бы одну печь поставить в нормальные условия, обеспечить ее всем, что требуется для успешной работы. И сталевары на ней более опытные.

— А на других печах нельзя создать такие же нормальные условия?

— К сожалению, пока нет... Хозяйство цеха и завода этого еще не позволяет...

— Пока нет,— повторил Орджоникидзе.— Стало быть, это эксперимент?

— Пожалуй, просто реплика в дискуссии о технических возможностях сталеплавильных печей, в дискуссии, которую ведет наша печать.

— Убедительная реплика,— заметил Серго.— Почему-то я вас до сих пор не знал и не слыхал о вас?

— Я ведь работаю на старом заводе, как говорят, бесперспективном. И сами мы, старые специалисты, бесперспективные...

— Вовсе нет,— горячо возразил Орджоникидзе.— Таких специалистов мы ценим. Вы нашли точку, с которой перед советской металлургией открываются широкие перспективы.

...Потом нарком отправился к доменным печам. Теперь ему предстояло убедиться, насколько правильна информация, что на этом заводе выпуск чугуна производится строго по графику.

Как только появился Орджоникидзе, старший горновой дал команду: начать выпуск чугуна. Георгий Константинович увидел, как из летки потекла огненная струя металла. И в этот момент

ему отозвался и тоже махнул рукой.

— «Лена» прошла. Сухогруз,— сказал Белоусов.— Коля раньше на ней плавал.

— А здесь как очутился? Проштрафился, верно?

— Не знаю. Он об этом не рассказывал.

Сухогруз быстро таял в сумерках.

— А я все-таки уйду отсюда,— опять заговорил Белоусов.— Не верите, да?

— Нет, почему же...

Его нетрудно понять. Тяжело плавать парню на судне, где ничего не происходит, где нет сотни самых современных корабельных забот, к которым он вполне готов, ради которых он учился. Человек, смеясь, расстается со своим прошлым. Но обидно начинать жизнь с чужого прошлого. Обидно, но иногда нужно.

ТРЕВОГА

— Сегодня будет тревога,— сказал мне по секрету старпом Соколов.

— Какая тревога?

— Раз в месяц на лихтере положено быть пожару. Учебному, разумеется. Поближе к вечеру запалим дымовую шашку. Хотите дым красного цвета? Отлично, будет красного.

Где-то слева от нас оставался полуостров Канин, через несколько часов дошли до мыса, который запомнился еще со школьной скамьи своим смешным названием — Канин Нос. В бинокль хорошо виден красивый маяк и несколько домиков на остром краешке земли.

Мы с капитаном разглядывали штурманскую карту. Рядом с Каниным Носом стояли какие-то цифры и незамысловатые значки — косые крестики.

— Цифры — это глубина,— объяснил Селиверстов,— а значки — затонувшие корабли. Не столько затонувшие, сколько потопленные. Во время войны немецкие подводные лодки тут ходили сворами. И вообще место недоброе, штормовое.

— Вы бы посмотрели, сколько этих крестов возле Медвежьего,— сказал Мужиков. Он опять стоял у окна на своем излюбленном месте и задумчиво смотрел на канинский берег. — Медвежий... Есть такой остров в Баренцовом. Братское кладбище.

Мужиков во время войны ходил на кораблях в Америку и видывал всякое.

— Топили нас тогда нещадно. И немцы и японцы. Бывало, отправляется караван, десятки судов, а приходят к месту единицы. Каждый благополучный рейс — событие. Не пустые ведь шли, что-нибудь для фронта привозили.

— Сейчас тоже не пустые идем,— заметил Кошельковский,— только никакого события в этом нет.

— С какой стороны смотреть... А японцы после Сталинграда не очень-то к нам лезли. Вдарили немцев на Волге, а на Тихом океане нам полегче стало. Улавливаешь, браток, связь? На том и жизнь построена. Рейс наш нынешний тоже не мелочь. Пустяков в жизни куда меньше, чем кажется.

— Все события государственного значения,— ехидно вставил Белоусов, пришедший в рубку просто так, от нечего делать.

Мужиков словно не слышал реплики и продолжал:

— А сколько стоят вот эти доски? Не знаете? То-то. Дорого стоят. Кто-то сосны валил, потом кто-то к реке их оттаскивал. Кто-то распиливал и сушил. Мы вот везем. Потом в поезд перегружать. А где-нибудь в Ташкенте из них рамы для окон или полы в до-

появились директор завода и начальник доменного цеха.

Орджоникидзе поздоровался сначала с начальником цеха, затем с директором и продолжал наблюдать за тем, как наполняются ковши. Затем подошел к начальнику, спросил:

— Можно на несколько минут отвлечь старшего горнового?

И когда тот подошел, нарком осведомился:

— График выпуска соблюдается?

Горновой ответил утвердительно. Тогда Георгий Константинович задал еще вопрос: когда должен был быть очередной выпуск?

— В семь.

Нарком посмотрел на часы:

— По моим — без двух минут восемь. Вы начали выпуск минут десять — пятнадцать назад. Стало быть, вы опоздали на сорок — сорок пять минут. График нарушен!

— Мы готовы были выдать плавку ровно в семь, но узнали, что вы направляетесь на домну, и выпуск задержали,— объяснил горновой.

— А кто дал вам такое распоряжение?

Горновой посмотрел в сторону начальства.

— Выходит, что мой приезд,— сказал Георгий Константинович,— вызвал нарушение графика. Нехорошо.

— Когда в доме гость, да еще такой, распорядок жизни несколько нарушается,— шутливо заметил директор.

— В таком случае,— ответил Орджоникидзе,— я постараюсь к вам приезжать пореже. Но вы продолжайте работать по графику, только... без коррективов.

Орджоникидзе не стал скрывать, что доволен работой завода.

— Стало быть, можно организовать работу доменных печей так, чтобы они работали равномерно и точно по графику. А ведь специалисты утверждают, что домна капризна, как кисейная барышня, и ее ход может расстроиться без всякой причины.

Год с небольшим спустя Орджоникидзе совершал поездку по Донбассу. Побывал в Макеевке, Мариуполе, Алчевске, а Енакиево миновал. Директор Енакиевского завода послал Орджоникидзе телеграмму, пригласил посетить завод. Орджоникидзе ответил запиской:

«Товарищу Пучкову. К сожалению, приехать не могу. Но мне передали о том, что на заводе проделана большая работа и завод выглядит очень хорошо. С. Орджоникидзе.

Постскриптум. А где хорошо, туда я не езжу. Продолжайте в том же духе...»

ПРЕСТИЖ

Поучительную историю поведал мне профессор Николай Федоровский. Встретились мы в санатории. Как-то после обеда завязался горячий спор. Все были возмущены взысканием, которое директор санатория наложил на очень хорошую сестру. Как выяснилось, она ни в чем не была виновата, но директор отказался снять взыскание. По ассоциации разговор сосредоточился на весьма деликатном вопросе — о престиже руководителя.

— Корень многих неприятностей и даже бед,— говорил профессор Федоровский,— в том, что как только человек усядется в административное кресло, он начинает считать себя непогрешимым, и уж о том, что он может хоть в малом ошибиться, и речи быть не должно. Лишь настоящие, цельные люди ставят на первый план не свой престиж, а интересы дела и еще...— он помедлил, видимо, чтобы подобрать подходящее слово,— душевное состояние своих сотрудников. Такие люди не побоятся признать иное свое решение ошибочным и принести извинения нижестоящему, коли с ним неправильно обошлись.

— Я что-то не встречал руководителей, которые снимали бы шляпу перед подчиненными,— отозвался один из участников беседы.— Возможно, что директор санатория и прав: сегодня он извинится перед сестрой, завтра — перед уборщицей. А в конце концов его слово не будут ставить ни в грош.

— Нет, нет,— возражал профессор.— Вы совершенно не правы. Признание ошибки не умаляет авторитет руководителя, а, наоборот, укрепляет его.

— А вы хоть один пример смогли бы привести?

— Извольте. Мне самому посчастливилось ощутить тепло от общения с таким человеком. Это был поистине душевный человек, а пост он занимал совсем не маленький.

Вот что рассказал профессор:

— В тридцатые годы я был назначен директором научно-исследовательского института. Под институт отвели старое, запущенное здание. Чтобы создать более благоприятные условия для работы, мы здание это несколько переоборудовали и отремонтировали. Нашлись люди, которые посчитали, что это была зряшная трата денег, блажь. Вскоре в институте появились ревизоры. Они, видимо, стояли на той точке зрения, что стиль военного коммунизма — это навечно. Нашли у нас тысячу проступков — и краски дорогие и мраморную крошку... Составили длинный акт, подготовили проект постановления, в котором мне, рабу божьему, объявлялся выговор. Дело было доложено председателю ВСНХ—незадолго до того на этот пост был назначен Орджоникидзе. Была у меня надежда, что Орджоникидзе в деле разберется и с выводами комиссии не согласится. Но, увы, надежды мои не оправдались. Проект превратился в постановление. В официальном отделе на четвертой странице газеты было напечатано, что мне за расточительность объявляется выговор. Вы сами понимаете, что такой «подарок» настроение не улучшает. Но приказ подписал Орджоникидзе, кому же я мог жаловаться?! Я стал подумывать об уходе... А дальше произошло вот что. В тот самый день, когда в газете появилось это сообщение, у Орджоникидзе было какое-то совещание по импорту. Оказалось, что одно из проведенных в нашем институте исследований позволяло снять с импорта материалы, на которые тратилось много валюты.

— В каком институте проведено исследование, кто руководитель этого института? — спросил Орджоникидзе.

Ему назвали институт и мою фамилию. На столе у него лежала свежая газета. Он заглянул на последнюю страницу, нахмурился, сказал:

— Выходит, институт делом занимается, а у меня создалось другое впечатление...

И он приказал вновь показать ему акт проверки. И в полночь, я отлично помню, что это было ровно в полночь, у меня на квартире раздался телефонный звонок: «Сейчас с вами будет говорить товарищ Орджоникидзе».

Георгий Константинович попросил извинения за столь поздний звонок и стал расспрашивать о работе института, об исследовании, которое его заинтересовало: кто в нем участвовал, как отмечены участники этой работы, какие из законченных уже исследований внедрены в производство, какие нет, что тормозит дело. Я отвечал ему точно, коротко и суховато: обида была еще очень свежа.

В конце разговора он сказал:

— Мой звонок вас, наверное, удивляет. Утром в газете вам объявляют выговор, а вечером председатель ВСНХ звонит вам, расспрашивает о том и о сем. А ведь должно было быть наоборот. Сначала поговорить, а потом уж решать, кто в чем виновен. Это мне урок. К сожалению, я с некоторым опозданием познакомился с вашим делом. Доверился товарищам, производившим ревизию института, и ошибся. Нахожу, что выговор вам вынесли неправильно, вы его не заслужили. Считаю своим долгом просить у вас извинения и лично и в печати. Прошу вас зайти ко мне. Подготовьте материалы и скажите, чем вашему институту надо помочь.

После этого мне не раз приходилось бывать у Георгия Константиновича.

мах сделают. И всем надо заплатить. И тебе, и мне, и лесорубам, и железнодорожникам. Дорогая эта доска. До нас к ней, может, сотня людей отношение имела, мы должны передать ее дальше, чтобы другая сотня ее до готового дома в Ташкенте довела. Построят город новый. Разве не событие государственного значения? Не перетащи мы этих досок из Нарьян-Мара в Архангельск, глядишь, в Ташкенте стройка задержалась бы, ну хотя бы на час или пусть на двадцать минут.

— А Ташкенту, говорят, чуть ли не две тысячи лет. Тысячи лет и двадцать минут...— начал было Белоусов очередное свое возражение, но не кончил.

— Тревога! Пожарная тревога!

Это кричал в рупор старпом. Для такого случая он даже надел морской китель с блестящими пуговицами.

Из середины деревянного кургана валил красный дым. Ребята выскакивали на палубу в оранжевых спасательных жилетах с огнетушителями. Повар Гена Пекишев примчался на пожар в белом колпаке. Кочегара Колю Широкого тревога застала голым под душем, но он не опоздал. Под спасательным жилетом на нем была знаменитая нейлоновая рубаха. Быстро размотали пожарный шланг. Работали дружно, быть может, с излишним азартом, словно давно ждали этого лихорадочного мгновения, чтобы вложить в него всю свою тоску по стремительному, захватывающему делу, чтобы отдать ему ту любовь к головокружительному темпу, которую воспитал в них наш быстроногий век.

Учебное чрезвычайное происшествие было ликвидировано в считанные секунды. Ребята возвращались в кубрик, весело переругиваясь. Самая обыкновенная учебная тревога обернулась для команды маленьким неожиданным праздником. У всех вдруг появилось хорошее настроение. Не было в тот вечер задумчивых одиноких фигур на палубе, шахматный турнир шел с прибаутками и веселыми розыгрышами, а в радиорубке под соответствующую романтическую музыку состоялся коллективный перекур и разговор кто во что горазд.

— Сегодня вы проспали колоссальное зрелище,— говорил мне Белоусов.— Часа в четыре утра. Восход. Сила! Выползало оно медленно. Лучи от него, как на кокарде фуражечной. А когда совсем выплыло наружу — большой румяный шар,— так море под ним как будто подогнулось и получилась ровненькая ямка на горизонте. Жаль, что вы проспали! На земле такого не увидите. Только на море.— И он сочувственно посмотрел в мою сторону.

— Да что говорить, море всегда красивое,— вздохнул Кошельковский.

— И лягушек тут нет.— Все удивленно посмотрели на меня, дескать, при чем здесь лягушки. Но Белоусов понял. Бросил окурок за борт и ушел в кубрик. Сидит, должно быть, грустный и решает вопрос: быть или не быть? Это всегда было трудно решить, потому что надо еще понять, кто ты такой в этом сложном мире, где ничто не происходит само по себе, где прошлое не сразу становится историей, где пустяки и мелочи порой только кажутся мелочами.

А речку Солзу я нашел. На штурманской карте Белого моря. Искал долго. И только когда второй или третий раз буквально пальцем вел вдоль линии берега, наткнулся на крошечную закорючку. Солза впадает в Белое море. Быть может, это даже не речка, а ручеек. И все-таки Белое море без Солзы стало бы чуточку иным. Разница почти неуловимая, ничтожно малая, как два тысячелетия без двадцати минут. Но тысячелетий не было без этих секунд и минут.

Хороший улов...

На рассвете мы вышли в море.

НА РАЗНЫХ Б

Н. ХРАБРОВА

Фото А. УЗЛЯНА.

Море... Одно и то же у разных берегов. Холодное, сизое, всегда туманное у горизонта. Одинаковые волны бьются в серый камень шхер, лижут откосы тонкого белого песка. Одна и та же загадка зыбкого простора и вечного движения, один и тот же, всегда прохладный, ветер.

Но по-разному живут люди на разных берегах.

...Море спит. Дышит тихо и ровно. Слилось с молочно-белым северным рассветом. Оно зовет их в свои дали, людей, но не обещает ничего — ни добычи, ни шторма, ни тишины. Будет так, как захотят стихии, и человек тут ни при чем.

В ночном тепле домов встают люди, собирают нехитрые пожитки. Выходят на берег по одному. По одному садятся в лодки. В молочном тумане тих и глух плеск весел. Недружен стрекот моторов: их мало, они слишком дороги, купишь — надолго закабалишься...

Вот что пишет в газете «Нашунен» Егил Веа, норвежский эксперт рыболовного дела: «Когда анализируешь развитие здесь, в стране, в последние годы, то приходишь к плачевному выводу, что положение рыбаков с каждым годом ухудшалось. В особенности это касается тех, кто решил обзавестись своим собственным ботом. Власти не смогли обеспечить подходящих условий этому промыслу, не следят в должной мере за развитием в данной области... Только в исключительных случаях рыбные катера, построенные в наши дни, в состоянии окупить себя. Совсем не учитывается, что расходы на строительство да и на приобретение снастей возросли за несколько лет на сто с лишним процентов...»

Так живут норвежские рыбаки, большие мастера морского дела.

Четверть века назад те же беды были и у рыбаков эстонской деревушки Виймси. Жили рыбаки в низких, старых, соломой крытых домах на каменных фундаментах. Угрюмая и пустая, утыканная валунами, лежала вокруг земля. Художники из Таллина любили приезжать сюда, писать типичный приморский пейзаж: низкие строения, сети на ветру, валун у дороги да кривую сосну. И правда, была в этом пейзаже печальная красота.

...Море спит, дышит тихо и ровно, слившись с молочно-белым северным рассветом. Парит чуть-чуть — отдает предрассветному холодку затаенное тепло предыдущего дня. А зеленая от садов предутренняя мгла на берегу зацветает желтыми цветами огней. Хлопают оконные рамы и двери, добродушно ворчат женщины. Берег пахнет горячим кофе, жареным мясом, укропом, рыбой: жены готовят завтрак мужьям, стараются посытнее накормить уходящих в море. Мужчины выходят на улицу в своих непроницаемых для дождя и ветра плотных робах, закуривают на ходу, ждут друг друга у окон, поторапливают. Взглядывают в небо, на полоску зари, передают один другому сводку погоды и сводку ихтиологов-поисковиков: надвигаются прохладные ветры, подходят ближе к берегу холодные течения, а с ними придут косяки салаки, начинается осенняя путина. Море гулко повторяет выхлопы моторов. Описав от пирса красивую дугу, уходят траулеры к островам и дальше — за синеву. Там пути их расходятся. Распоряжаются ловом, каждый на своем морском поле, бригадиры Энн Валамаа, Кальо Микк, Эйни Вуус и вот уже четыре года затмевающая мужчин своим организаторским талантом рыбачка Лилия Юллас.

Солнце всходит. Краски зари растекаются в зеленой прозрачной глубине золотыми и красными потоками. Где-то там, в глубинах, разбуженная светом, просыпается килька. Пути ее не видны, но все равно известны ихтиологам и рыбакам, и они опускают поперек рыбьих дорог капроновые, с широкими раскрыльями, мешки тралов. Проходит время, и лебедки вытягивают тралы наверх. Тралы эти круглы и плотны от рыбы, и на судах густеет запах глубинной свежести, донных водорослей, холодка. Привычно и быстро укладывают рыбаки свою добычу в ящики, пересыпают кусочками припасенного в трюмах льда. И снова посылают тралы в волну, снова прочесывают морские глубины.

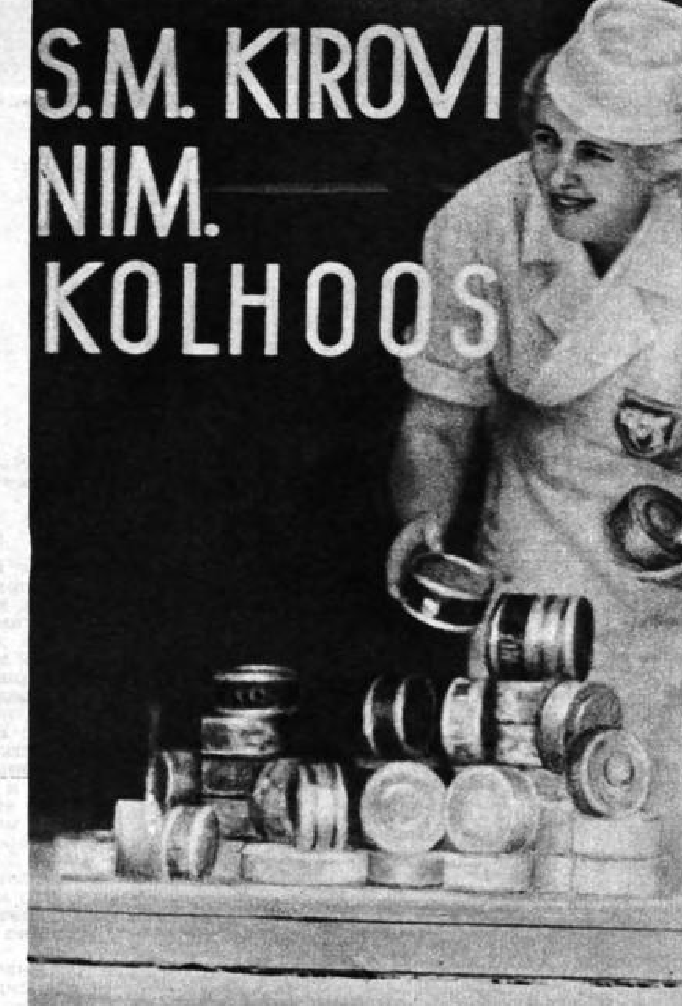
Нелегок труд. Но в дружбе с морем и в борьбе с ним человек становится богатырем. Теперь он сильнее моря, потому что вооружен моторами и защищен заботой оставшихся на берегу: ведь случись что — выйдут на поиск катера и самолеты, а если надо, то и целые эскадрильи. Так было, это проверено жизнью: самолеты снимали рыбаков, унесенных на льдине.

Нелегок труд. Но здесь, на нашем берегу, с рыбаков снята забота о том, куда продавать рыбу: вся она идет на рыбокомбинаты и заводы, и чем больше ее, тем лучше.

На месте рыбачьей деревушки Виймси стоит новый поселок из каменных домов. Они ничем не отличаются от соседних, в дачных пригородах: дома рыбаков по индивидуальным заказам проектировали архитекторы «Эстонпроекта».

Одиннадцать лет руководит колхозом Оскар Кууль. Он знает, как построен каждый дом, у кого какой балкон и сколько яблонь в саду, ничто не происходит в колхозе имени Кирова без его участия.

— В поселке построено восемьдесят новых домов, сейчас строится еще сорок,— рассказывает он. И ведет нас на новый завод, весь в кафеле и металле конвейерных линий, в аппетитном запахе горячей свежей рыбы. Тут хозяйничают жены и дочери рыбаков в белых шапочках и белых халатах с голубой нарукавной эмблемой колхоза. Ящики с жареной и копченой рыбой, с банками кильки особого посола, с коробками шпрот и салаки в разных соусах каждый день уходят отсюда в Таллин, в фирменный магазин колхоза. Продукция колхоза имени Кирова раскупается очень быстро. Связь колхоза с покупателями самая прямая: телефон колхоза есть в городской телефонной книжке. И как только рыба не поступает с утра в магазин, покупатели звонят, справляются, надолго ли непогода и когда идти в магазин за свежей рыбой.

Продавщица колхозного магазина Вильве Симм.

Колхозный цех.

Магазин колхоза имени Кирова. Таллин, улица Пярну-Манте, 36.

«ЗАПОРОЖЕЦ» ЗА КАСПИЕМ

На дорогах Туркмении все чаще можно видеть новые модели легковых автомобилей. В этом году за Каспием побывали «Запорожец»— ЗАЗ-966, микроавтобусы ЗИЛ-118 «Юность» и РАФ-977 «Латвия». Здесь они проходили испытания.

Еще несколько лет назад только некоторые модели грузовиков и вездеходов проверялись на дорогах Средней Азии. Теперь же среднеазиатский этап обязателен почти для всех испытуемых автомобилей.

Что это значит? Во-первых, появилась у заводов уверенность в своей продукции, во-вторых, повысилась требовательность государственных комиссий, принимающих новые марки машин. Ведь испытания при 40—45-градусной жаре, по очень пыльным и порой плохим дорогам— весьма серьезная проверка двигателя, подвески, кузова новой машины.

Маршруты испытаний стали почти традиционными: по Кавказу до Баку, на пароме до Красноводска и через Небит-Даг, краем Каракумов до Ашхабада. А некоторые машины (например, РАФ-977 в этом году) идут и дальше, вплоть до Памира.

На этот раз в конце нынешнего лета мы испытывали здесь новый «Запорожец». От прежней модели — ЗАЗ-965 — он отличается и кузовом, и салоном, и двигателем.

Это красивый, современной формы автомобиль, в котором могут удобно разместиться четыре человека.

Бензобак переместился под заднее сиденье, что значительно увеличило объем багажника. Заправка стала удобнее, и теперь можно не опасаться облить бензином вещи в багажнике, что нередко случалось в машине прежней модели. Двигатель мощностью 40 лошадиных сил (у старого было всего 27!) обеспечивает вполне удовлетворительную динамичность (способность к разгону) и высокую максимальную скорость.

Испытания показали, что новый «Запорожец» может работать с полной нагрузкой при среднеазиатской жаре.

Новая машина понравилась всем, кто ее видел. Автолюбители засыпали испытателей вопросами, хотели знать о новом «Запорожце» всё.

А. БРОДСКИЙ

На снимке: «Запорожец» в Каракумах.

Владимир **ФЕДОРОВ**

КАЛИНА ВО РЖИ

●

ТВОИ СОЛОВЬИ

Отцу моему

Слышишь, батя,
Как в роще
Щелкают
Подмосковные соловьи?
Годы, годы,
Разлуки долгие...
Что задумался?
Не так.

Силы темные
Не осилили:
Верил в правду —
Не маловер!
Что ж грустишь
Ты, Иван Васильевич,
Персональный пенсионер?

А не в этой ли
Самой рощице
Пели первые соловьи?
Над тобою
Знамя полощется,
А рубаха твоя
В крови.

Над березами
Ветер веющий
Не принес
Твою рань назад.
Грянул гром —
Ты, солдат седеющий,
Постучался
В военкомат.

Слышишь, батя,
Как в роще
Щелкают
Подмосковные соловьи?
Годы, годы,
Разлуки долгие...
Не стыдись,
Наклонись,
Сорви
Эти майские,
Эти яркие
Удивительные
Цветы.

СТЕКЛЯННЫЙ ДОМ

Морская волна набежала на плоский, пологий берег и замерла. Застыла огромным, прозрачным, как хрусталь, кристаллом. И поселился в том кристалле могучий дуб... Так могла бы начинаться сказка, если бы жизнь не опередила ее.

Дом, накрытый зеленой волной и просматривающийся насквозь, действительно существует. Стоит он на главной улице курорта Паланга. Любопытна история его появления.

В Прибалтике говорят: «У нас есть море и солнце, дюны и сосны. Но, кроме того, есть еще дождь и ветер». Дождь тут слишком капризен, может идти, когда ему вздумается, даже при солнце. Куда деться отдыхающему в такую непогодь? И тогда один находчивый гостеприимный человек предложил: «Давайте построим читальню. Просторную и современную. Она должна быть совершенно прозрачной, чтоб посетитель чувствовал себя в ней, как в парке». «Очень хорошо! — сказали ему.— Но где взять проект, деньги и все остальное?..» «Проект я разработаю сам,— отвечал тот,—а остальное...»

Проект было сделать ему легче всего, потому что этот человек — главный архитектор Паланги Альбинас Чепис. Город получил этот проект как подарок — Чепис разрабатывал его на общественных началах, вечерами. Теперь надо было найти заказчика. Им оказалось Министерство культуры Литовской республики, и дело обрело, наконец, материальную базу. Появились деньги, лес, стекло, металл. Особенно много понадобилось стекла: ведь Чепис задумал читальню легкой, воздушной, как бы подвешенной к сегментам кровли. Чтоб в точности исполнить свой замысел, он стал даже прорабом на стройке.

Пришли рабочие и увидели, что на выбранном участке чуть ли не посредине стоит огромный дуб. Что с ним делать? Срубить? Но тут прибежал испуганный Чепис.

— Ни в коем случае! Он станет деталью оформления зала,— остроумно решил архитектор и показал, как вести кровлю, чтобы она ничуть не повредила ствол, даже не коснулась коры могучего дерева.

Так дуб «вошел» в стеклянный дом со своими корявыми широкими ветвями и зелеными сочными листьями, под которыми стоят сейчас столы и кресла светлых, цвета песка, тонов.

Автор проекта читальни думал: «Ну, придет сюда в день человек 150—200». А приходят многие сотни. И перед открытием всегда вот такая, как на фотографии, очередь. В читальне свежие газеты и журналы чуть ли не из всех республик, на разных языках и по всем вопросам: литературе, науке и технике, искусству, спорту.

Лето кончилось, опустели пляжи, а Альбинаса Чеписа обуревают новые творческие планы. Он склонился над проектом шахматного зала, потом будет детская читальня, а потом так называемый телевизионный зал, в котором посетитель сможет, сидя за столиком, пить кофе и смотреть передачу из Москвы, Ленинграда или Вильнюса.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Фото автора.

Годы, годы...
В селе под Харьковом
В семь десятков
Не гнешься ты.
Гулко сердце
Стучит солдатское.
До сих пор в нем поют
Твои
Подмосковные ли,
Карпатские
Или курские
Соловьи.

Улыбнешься,
Посмотришь молодо,
Зашагаешь,
Чуть-чуть смущен.
Вот вальцовка
«Серпа и молота»,
Твой «Гужон»,
Где огнем крещен.
По рабочим
Московским
Улицам,
Моложавый,
Идешь пешком.
И Октябрьская
Революция
Не стареет
С большевиком.

●

МАСТЕРА

Вам бы спорить с тучами,
Вы бы все шумели,
Тополя могучие
Петровской аллеи!

Силачи великие
В два и в три обхвата,
Кто в болото дикое
Вас сажал когда-то,
Чтоб корнями цепкими
Высосали жижу?
Умного и крепкого
Мужика я вижу.

Говорит с отвагою,
А глаза смеются:
— Да в России всякие
Мастера найдутся!
Знаю, кем железная
Здесь руда открыта.
Мастера чудесные
В лапотках разбитых!

Вот мужик неистовый
Льет чугун горячий.
Пламя брызжет искрами,
Искры к звездам скачут.

...Рвется в небо давнее
Пламя домен новых.
Видно, силы правнуков
Помощней Петровых.
И, с огнем калякая,
Правнуки смеются:
— Да в России всякие
Мастера найдутся!
Липецкие, курские,
Из Орла орлята,
Молодые русские
Крепкие ребята.

Эх, на землю лучше вы
Гляньте поскорее,
Тополя могучие
Петровской аллеи!

●

ПРЯМОЙ РАЗГОВОР

Ровесники мои,
Однополчане!
Не робких
Необстрелянных
Юнцов,
А ветеранов
С крепкими плечами
Сегодня видеть вас
Хочу в лицо!
Есть разговор
Прямой,
Как ствол винтовки,
Как стропы,
Что кинжалом
Только рвут.
У нас в крови
Десантная сноровка.
А тяжесть долга,
Словно парашют.

Нелегкий груз.
Вонзились лямки
В плечи.
Друзья, у нас
Россия на плечах.
Пусть бросит строй,
Кто ищет груз полегче,
Кто в микромире комнатном
Зачах,

Кто в сорок лет
Кривляется стиляжкой,
Кто, завывая,
Песенки поет,
Кто ордена
Зовет ехидно:
«Бляшки»!
Поверьте мне,
Что тот
Уже не тот!

Давно не тот.
Я видел подсудимых,
За ворох тряпок
Купленных врагом,
И вспомнил Волгу,
Застланную дымом,
И к горлу подступил
Соленый ком.

А где-то у глухих
Карельских стежек
Еще витают фронтовые сны
Над теми, кто в два раза
Нас моложе...
Молчат над ними
Глыбы-валуны.

А где-то там,
В горах
И парках Вены,
Спят в верных плащ-палатках,
Не в гробу
Те, что до смерти
Были откровенны,—
Друзья, нам завещавшие
Борьбу.

Ровесники мои,
Однополчане!
Услышьте голос их
Из смертной тьмы.
За шум одних
И за других
Молчанье
Перед Россией
Отвечаем
Мы.

●

СОСНА И ЕЛЬЧИК

Есть река — не видно дна,
Есть речушки мельче.
Принимай, река Сосна,
Чуть журчащий Ельчик.

На бугре стоит Елец —
Городок старинный,—
Золотых огней венец
Озарил седины.

Любят вдаль глядеть с бугра
На Сосну и Ельчик
Пожилые мастера,
Редкие умельцы.

Из слобод и деревень
Родом вы, ельчане.
Талица, Лучок, Паже́нь —
Древние названья.

Мартом вдруг от них дохнет
Или знойным летом.
Ты всегда, родной народ,
Был в душе поэтом.

Ремесло — не баловство,
Если пот струится.
Ремесло — как волшебство,
Русская жар-птица.

Так звени, звени, струна,
Сказочный кузнечик.
Принимай, река Сосна,
Чуть журчащий Ельчик!

●

НЕЖЕГОЛЬ

Там, где Нежеголь течет
Под горою белой,
Соловьи ночь напролет
Свищут оголтело.

В серебристых лозняках,
Опьянев от щелка,
Парень держит на руках
Русую девчонку.

Одурели от любви
И леса и воды.
Соловьи вы, соловьи,
Курская порода!

●

РАЗГОВОР С ДОЧКАМИ

Вы привыкли
К праздникам:
Октябрь,
Май
И вот цветущий
День Победы.
Дочки,
Вы задумались
Хотя б:
Майский флаг
Взметнули
Наши деды,
А отцы
Костром зажгли Октябрь,
Мы добыли
Кровью
День Победы.
Ваш грядущий
Праздник
С ними в ряд
Встанет,
Только он
Еще неведом.

СКВОЗЬ СТЕНУ ОГНЯ

Мама на работе, папа где-то задержался. Игорь и Света Широковы остались дома одни. Мама заперла двери на замок, а ключи взяла с собой.

Чем же заняться? И вдруг Игорь вспомнил, что утром видел на кухне спички.

В доме № 10 по Малой Коммунистической улице Москвы начался пожар.

Шофер Михаил Ильич Щербаков, возвращался с работы. Шел не спеша. И вдруг... Из окон выплескивались багровые языки пламени и шлейфы бурого дыма.

— Эй, хозяева, у вас пожар! — колотил в дверь Щербаков.

Ответа не было. Дверь на замке. Послышался детский плач.

Михаил Ильич рванул на себя соседнюю дверь. Кладовая. К стенке прислонен лом. Он как раз и нужен сейчас.

Под ударами затрещали массивные доски. Наконец путь свободен. Не тут-то было! Снова дверь. Со всего маху ударил плечом. Заныла рука.

В кухне бушевал огонь. Заслезились глаза от дыма. Щербаков упал на пол. Дышать стало легче. Пополз в квартиру. Прислушался. Тишина.

«А вдруг потеряли сознание?» — подумал Михаил Ильич, стараясь рассмотреть что-нибудь сквозь рыжую стену дыма и огня. И тут увидел на полу, в углу, детскую фигурку. Рванулся в угол. Пламя хлестануло по лицу. Бережно взял ребенка на руки и выбежал из огненного кольца.

— Дядя, там Света,— прошептал малыш.

— Побудьте с ним. Я сейчас вернусь,— сказал Щербаков незнакомому мужчине, прибежавшему к горящему дому.

И опять путь сквозь пламя. Снова и снова шарил Щербаков руками по полу. Под кроватью нашел перепуганную насмерть девочку.

Михаил Ильич не помнит, как нашел выход, как миновал стену огня. Легкие, казалось, вот-вот разорвутся от горячего воздуха.

Вл. НАЗАРОВ

Михаил Ильич Щербаков.
Фото Г. Егорова.

Радуница

Я оттуда, где речь, как рассол,
И людские улыбки, как зори,
Где того приглашают за стол,
У кого на ладонях мозоли.

Этими стихами поэта Виктора Бокова с полным правом мог бы сказать о себе художник Федор Шурпин — крестьянский сын из Смоленщины.

Почти сорок лет жизни отдал Федор Саввич живописи. Нынешним летом в Москве, в Доме художника на Кузнецком мосту, была открыта выставка его работ. А сегодня жители Смоленска идут в городской Художественный музей на встречу с творчеством своего земляка. Первые ученические вещи и последняя, только что снятая с мольберта картина, холсты, много лет хранившиеся в мастерской, и произведения, прибывшие на персональную выставку художника из многих музеев страны, составили большую — около трехсот работ — экспозицию. Какой ворох воспоминаний, мыслей, чувств подняло такое свидание с картинами, когда-то владевшими всеми помыслами живописца, всем его существом!..

День вернисажа необычайно радостный и торжественный для художника. Сколько народу в гостях у него и его картин!.. Пожалуй, особенно запомнилась Федору Шурпину в тот день одна встреча.

— Подошла маленькая седая женщина,— рассказывает Федор Саввич.— Протянула руку. «Здравствуй, Федя. От полноты сердца поздравляю»... Антонина Николаевна!.. По добрым лучистым глазам, хоть и окружили их годы сетью морщинок, сразу узнал я школьную мою учительницу. Ведь по ее совету и напутствию отважился я когда-то пойти учиться живописи. Теперь удивляется Антонина Николаевна: «Никогда не думала, что этот отчаянный озорник такую выставку создаст!» А я слушаю ее и вижу себя не 62-летним человеком, а тем самым озорным деревенским подростком в лаптях, косоворотке... Вижу школу нашу, открывшуюся в девятнадцатом году в покинутом хозяевами просторном помещичьем доме. Вижу свою избу, где хлопочет мать по хозяйству. Отца вот только не смог себе представить: погиб он еще в японскую, как раз в год моего рождения... И, конечно же, с малолетства хорошо знал я всякую крестьянскую, мужицкую работу. Косить, молотить, пахать. Вспоминаю все это и даже самому иногда станет удивительно — как случилось со мной такое, что сделался я художником?!.

...И вот уже в двадцать втором году поезд везет меня в Москву. На мне полушубок, солдатские ботинки с обмотками, но на шее галстук-бабочка, а в кармане, рядом с комсомольской путевкой, пенсне с простыми стеклами и с черным шнурком, как на полюбившемся мне портрете Чехова...

От Белорусского вокзала мимо Триумфальной арки вышел я на Тверскую. Катят по ней никогда мною до тех пор не виданные трамваи. Дай, думаю, и я проедусь. Встал на рельсы, машу рукой и кричу что есть мочи: «Останови!» — как бывало на проселке мужика с телегой останавливал. А этот едет себе, только в звонок звончей раззвонился. Махнул я рукой — дойду, дескать. И дошел. Ноги будто сами привели, никому и вопроса задавать не пришлось... На Мясницкой замер перед вывеской: «Высшие художественно-технические мастерские». Так ведь мне ж сюда! Здесь и земляк мой Василий Сидоров на художника учится. Но сразу войти не решился. Ходил, ходил, караулил все — вот сейчас появится настоящий художник! Не заметил, как стемнело, и заночевал я прямо на улице. А утром через двор, заваленный снегом, отважился все же пойти к подъезду. На узенькой тропинке среди высоченных сугробов нос к носу столкнулся с молодым человеком (теперь это народный художник Белоруссии И. Ахремчик), спросил робко: «Мне бы Сидорова Василья отыскать...» «Очень просто,— говорит.— Вон по коридору общежития сотая квартира».

Переступил я порог. На цементном полу костер горит, около него студенты греются. Другие лежат на кроватях, где вместо матрацев вконец разломанные громадные корзины, какие украинцы ставят на телеги...

Да, трудное то было время. Голодное, холодное, но счастливое, согретое невиданным энтузиазмом. Помню, в дни пролетарских праздников москвичи стояли на улицах и ждали, пока пройдет колонна ВХУТЕИНа, потому что каждый раз мы что-то новое, увлекательное изобретали и своим молодым задором, выдумкой, песнями да плясками заражали всю демонстрацию.

...В первый же день повел меня Василий показывать вывеску, сделанную им одному булочнику. Бублики, на ней нарисованные, показались мне точь-в-точь живые. С восхищением и завистью я подумал: «Вот бы мне так!»

Потом отправились мы глядеть на «Черный квадрат» Малевича, о котором тогда шло столько разговоров. Поглядел — не понял!

А дня через два-три состоялся мой первый в жизни поход в Третьяковку. Вот тут меня все по-настоящему ошеломило. У левитановского «Омута» ахнул: «Да ведь по этим же самым кладям возвращался я домой с косой, граблями!..»

Особенное же потрясение вынес я перед суриковским «Утром стрелецкой казни». Я, собственно, тогда и не увидел самой картины в целом, не понял, что в ней происходит. Откуда мне было! Загипнотизировало, сразило меня тележное колесо, облепленное грязью. Я даже потрогал его пальцем, несмотря на страшный шепот Сидорова: «Нельзя-а!» Никак не могли совместиться в голове эти две несоединимые вещи — картина, написанная красками, висящая на стене музея, и обтянутое стертым железным ободом, все в комьях земли деревянное колесо... Ведь только что я от него-то и ушел, чтобы стать художником!

...Не враз, не с маху, не легкодумно, но прочно и увесисто, с того именно часа и начал я понимать: вот про что должны быть мои картины. Про то, откуда сам я вышел. Про землю, каждый ком которой обласкан трудовыми руками, про людей ее, простых и крепких.

На долю моего поколения — поколения художников 30-х годов — выпала тревожная молодость, скудная учеба и нелегкая дорога в искусстве. Не могу я не пожалеть о том, что не пришлось в свое время получить настоящей, обстоятельной профессиональной школы. Заменила ее впоследствии сама жизнь. Контакты же с непосредственными учителями оказались у меня слабыми. Не дали они мне, да и сам я еще, быть может, не мог взять от них необходимого мастерства.

ВХУТЕИН... Александр Давыдович Древин приходил редко. Сделает постановку и, пока мы «творим», заглянет раза два. Стремился он, естественно, научить нас тому, что сам понимал и любил в живописи, как сам работал — добиваться единства, гармонической целостности холста. Человек он был щедро талантливый, широкий и умел угадать возможности, стремления и склонности студента. Запомнилось, что один натюрморт мой, написанный вовсе не в характере учителя, а законченно, бережно, Древин похвалил.

Был у нас и Фальк и Давид Штеренберг, сумевший научить меня одному, но очень важному — умению вчитываться в творения мастеров прошлого, желанию всю жизнь учиться у них. И когда уже был получен диплом ВХУТЕИНа, я с увлечением и благодарностью копировал мастеров Возрождения, голландцев, постигая тайны композиции, колорита, художественной выразительности, учился мастерству и ремеслу.

...«Двадцатипятитысячник в гостях у крестьянина» — эту мою картину, написанную еще в 1934 году, зрители увидели только на последней выставке в этом году.

В то бурное и сложное время, когда я задумал ее и осуществил, изображенную мной сцену сочли «отставшей». Помню, шли у нас тогда важные и жаркие споры об искусстве. Говорили о возможностях, которые таит в себе искусство древней русской иконы... Но все громче, категоричнее, безапелляционнее звучали голоса якобы в утверждение социалистического реализма, требовавшие от художника, чтобы он «обгонял время, прозревал завтрашний день». А как вышло на поверку, все сводилось к изображению набора обязательных деталей, к приукрашенному бытописательству. Но очень уж беспрекословно и «учено» звучали те голоса, и думалось, что, должно быть, они правы, если так настаивают на своем... Так, пришлось в моей картине постелить на дощатом столе скатерть, вызвать умиление на лице хозяина избы, распря-

Ф. Шурпин. У КОЛЫБЕЛИ.

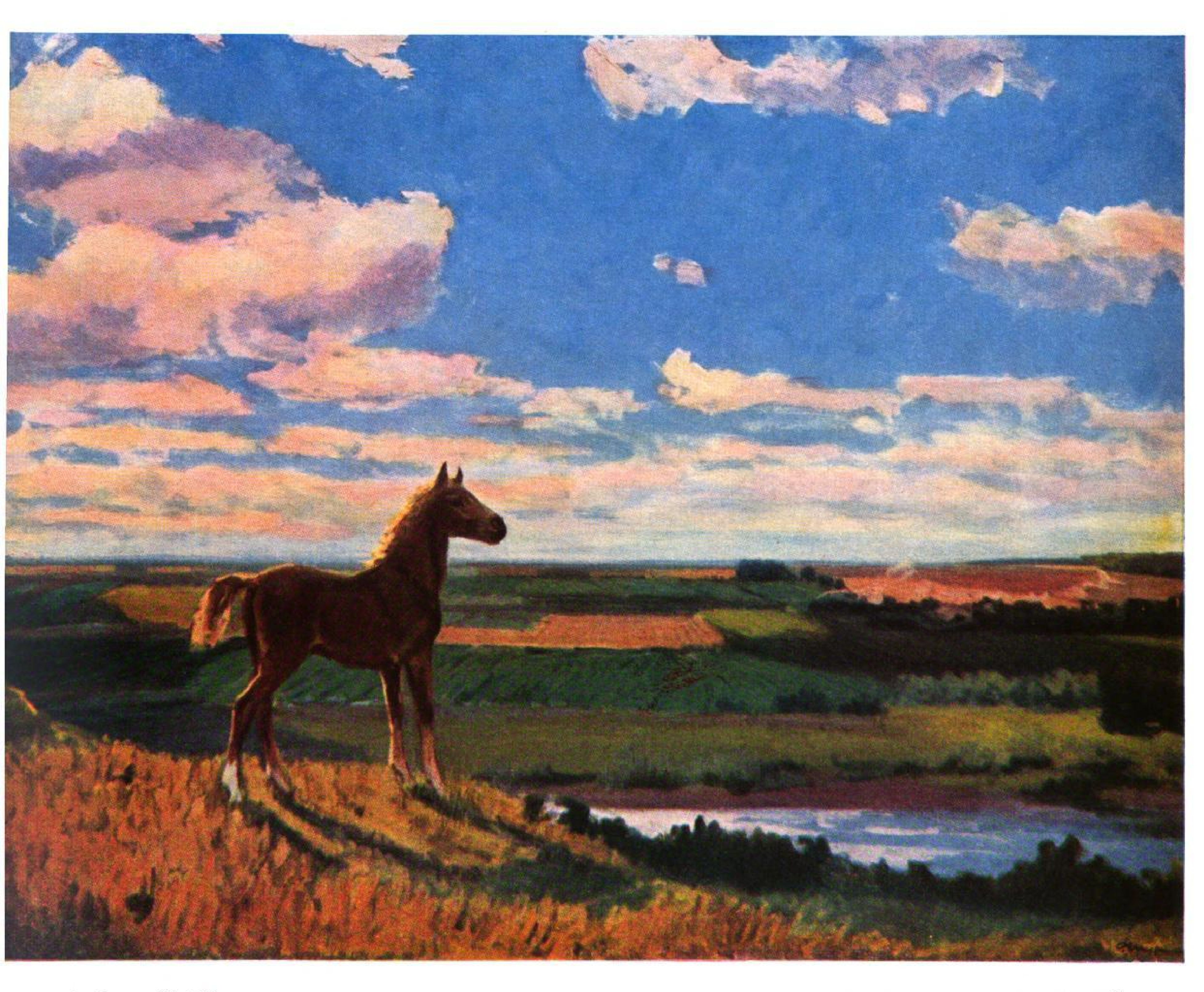
Государственная Третьяковская галерея.

На развороте вкладки: ПАМЯТЬ НАРОДНАЯ.

УТРО В ГОРАХ.

Ф. Шурпин. НА ОКЕ. **Дальневосточный художественный музей.**

Письмо дяди Гиляя

Вспомнилось, что есть у меня письмо старого-престарого русского поэта на бумаге с давленым экслибрисом, исполненным славянской вязью. Такие экслибрисы делались в московских типографиях в прошлом веке.

Эк куда хватил, может подумать читатель, пахнет сказкой, сейчас соврет, что у него была встреча с Афанасием Фетом или Яковом Полонским. Нет, с этими классиками не встречался. А с поэтом, который был другом Полонского и рассказывал мне о нем, встреча была.

Шел я по Столешникову переулку летом 1933 года с журналом «Красная новь», где были напечатаны мои стихи, и увидел приземистого невысокого человека, на отвороте пальто которого сияла огромная бляха почетного пожарника.

— Вы дядя Гиляй? — спросил я.

Владимир Алексеевич не помнил, что меня с ним знакомили, когда я был школьником, поморгал, вытащил из кармана коробочку с нюхательным табаком, зарядил нос и, не удивляясь, сказал:

— А тебе, племянник, что?

— Это мои стихи,— раскрыл я «Красную новь»,— прочтите.

— Прочту,— сказал Гиляровский и вместе с табакеркой сунул журнал в карман.

Через несколько дней я получил от него письмо в конверте без марки. Не потому, что в этом письме самый старый из поэтов, с которыми я был знаком, делает мне комплименты,— тридцатилетняя давность перекрывает нескромность иронией,— считаю возможным сделать данную публикацию. Поэзия В. А. Гиляровского не достояние архивов: экспромты, эпиграммы «короля московских репортеров» должны найти свое место в истории русской советской поэзии. Поинтересуйтесь, прочтите:

«9-е июня 33 г. Москва.

Милый Шура! — так я звал тебя 10 лет тому назад, а ты меня звал тогда Дядя Гиляй. С той поры мы не видались. И вот, сейчас, на Петровке ты узнал меня и назвал: Дядя Гиляй. А потом показал апрельскую книгу Красной Нови. Когда же прочел, тут же, на улице, прочел твою лирику, то был несказанно удивлен и порадован безмерно. Я не помню дословно этих прекрасных строк — в 80 лет память изменять стала — но все-таки коечто удержала, потому: — хорошо!

Я вижу обладательницу «с красным камушком колечка», «спортивного покроя юбку» и «смелый лоб и скромный рот» и «осторожность в разговорах»... я вижу ее как живую.

Завтра достану Красную Новь, еще перечту стихотворение, а пока под впечатлением нашего разговора и три раза прочитанного, импровизирую, воскрешая мне знакомые картины Крыма, образно названного тобою горбатым! Так и встает передо мною Медведь Аю-Даг, пьющий воду. И далее:

...Будто стадо носорогов,
По дороге в Симеиз
Скалы каменных отрогов
От Ай-Петри смотрят вниз.
Там я вижу Крымский
роздых,
От него ты сам не свой —
Бирюзовый моря воздух,
«Смех и промельк
за листвой».
Я доволен Красной Новью:
Познакомился я в ней,
Юный друг,
с твоей «Любовью»
И с поэзией твоей.

Получив это письмо, загляни ко мне, рад буду повидать тебя у себя в Москве, а потом надеюсь, что ты побываешь у меня на даче в дикой джунгле, где я живу по летам.

...Там и доныне глухомань
беспросветная,
В зарослях хатка моя
незаметная,
А подо мною речные
извилины,
Каменный берег с грозящими
кручами,
Гнездятся в зарослях совы
да филины,
Дремлют в оврагах с норами
барсучьими.

Приезжай для отдыха в глуши. А пока забеги ко мне поскорее, милый Саша. Тогда я тебя звал маленького Шурой, а теперь уж ты Саша.

Ал. Блок в своих детских письмах подписывался Сашура (Шура), а потом уже с 1903 года всегда в письмах к матери стал подписываться Саша. Хорошее для поэта имя, Александр,— память Пушкина!

Твой дядя Гиляй.

P. S.

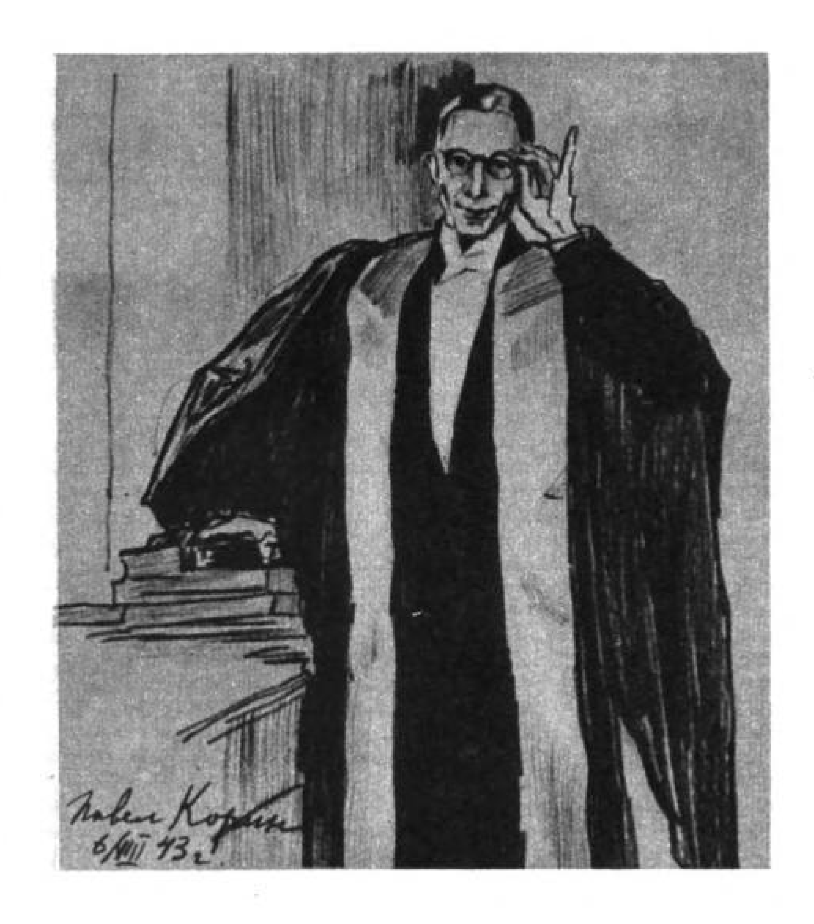
Красивое новое слово: промельк. Если есть «проблеск» — «промельк» должен быть! И как его все прозевали!»

В комнате Гиляровского на шифоньерке стоял портрет Льва Толстого с дарственной надписью.

Владимир Алексеевич стал мне показывать альбомы с автографами всех, кто бывал у него в гостях.

Насколько знаю, эти интереснейшие литературные документации еще и сейчас не опубликованы.

А. КОВАЛЕНКОВ

ЩЕДРОЕ СЕРДЦЕ ХИРУРГА

В эти дни на здании Московского научно-исследовательского института скорой помощи имени Н. В. Склифосовского появилась новая мемориальная доска работы скульптора М. П. Оленина. На доске барельеф замечательного хирурга Сергея Сергеевича Юдина. Ему исполнилось бы сейчас 75 лет.

Имя Юдина широко известно во всем мире. Его «золотые руки» вернули жизнь и здоровье тысячам людей, а мысль ученого, новаторские приемы, разработанные Юдиным для операций легких, пищевода, желудка, легли в основу современной хирургии. В институт Склифосовского съезжались врачи со всех стран, чтобы присутствовать на артистически отточенных операциях Юдина, учиться у него.

На рисунке: портрет С. С. Юдина.

Художник П. КОРИН

мить натруженные плечи крестьянки. И вот уже совсем другая получилась картина. Да и название ее стало другим: «В гостях у колхозника».

Именно так вот и появлялись тогда на выставках в огромных золотых рамах вещи часто пустые, «лакированные», далекие от жизни. Да что греха таить, ведь случалось, писал такие картины и я сам...

Сейчас сама наша жизнь отвергла подобные «постановки» в живописи. И художники и, главное, многие критики поняли, что правда должна быть правдой, что как нельзя отставать от жизни, так не след и обгонять ее без оглядки, выдавая желаемое за действительное. Надо жить, трудиться, бороться, искать...

С этими мыслями вот уже лет десять как вернулся я на родную Смоленщину. Здесь реальная жизнь, богатая, значительная, сложная, со всем новым, что вросло уже в ее толщу, и тем старым, вечным, без чего она, видно, вообще немыслима, вот — перед моими глазами. Выйди только из дому и пиши. Людей, пейзаж, события...

Поглядеть на одних наших смолянок, когда в праздник, надев старинные наряды, поют они и пляшут. Рядом с такой красотой меркнет боттичеллиевская «Весна»!

А как не написать вот такое? «Тонкие ноги, закидывая к голове», выбежал на берег жеребенок, словно бы все тот же, воспетый Есениным «милый, милый, смешной дуралей». Только теперь при этой встрече иные возникают ассоциации и нет в сердце грусти, что победила коней «стальная конница». Победила ли?.. Так ли оно все просто на планете Земля?.. И сквозь эти мысли, пока глядишь, охватит тебя неодолимая радость бытия, красоты его, посетит бодрость, удивительная свежесть, молодость чувств. О том и в картине речь.

Последнее же свое полотно — «Память народная»— углядел я прямо из окна мастерской.

Весна. Теплая синева полых вод. Молодая, пронзительная зелень, пробивающаяся сквозь прошлогоднюю, жухлую траву. Это жизнь начинается и продолжается. Вечная, прекрасная, раздольная. В тот весенний день, что зовется в народе р а д у н и ц е й, каждый год по древнему, вековому обычаю идут люди на встречу с теми, кого уже нет среди них, но кому они обязаны жизнью, простым счастьем, домом, родиной, историей ее и славой. Надев лучшее свое платье, ведут за собой детей, несут снедь в накрытых полотенцами корзинах. И меня когда-то вела мать на встречу с дедами, прадедами... Да ведь в этом же запомнившемся с детства и сейчас происходящем перед глазами словно бы воплощено единение и родство поколений народных!

Самые сочные, живые, яркие краски старался я отбирать на свой холст. Хотелось, чтобы в сердцах зрителей вызвал он то же светлое, благодарное чувство, какое нес в тот день в душе каждый из моих земляков. Тема эта такая, что буду я к ней возвращаться еще и еще. Возвращение закономерно для художника, потому что однажды взволновавшее живет в душе не день, не год, а порой целую жизнь.

...С зарей начинается мой рабочий день в мастерской, и все же часов не хватает. Та новая картина о народе, над которой теперь работаю, требует максимальной отдачи сил, знаний, умения. Хочу вместить в нее все пережитое, прочувствованное, осмысленное.

Юрий БОНДАРЕВ

Рисунок А. БРУСИЛОВСКОГО.

ПОСЛЕ

Чужая комната, в которой проснулся он, была до горячей духоты нагрета полуденным солнцем.

Он открыл глаза — и сразу почувствовал, как накаленно веяло в распахнутое окно железом пропеченных крыш, суховатым и лекарственным запахом известки. Звучно постукивая когтями по карнизу, ходили, возились за подоконником дворовые голуби и, истомленные жарой, настороженно заглядывали в комнату, дышали раскрытыми клювами.

«Что это? Где я? Я не у себя дома? — подумал Никита, вытирая пот на груди, на шее.— Я не в Ленинграде?..»

Жгучее солнце припекло ему во время сна голову: голова болела немного, звенело в ушах, и была неприятная расслабленность в замлевших мускулах. Он спал всю ночь неудобно, лицом вниз, сжав руки на груди.

Никита с отвращением сбросил прилипшую к телу простыню и, весь мокрый от пота, сел на диване, удивленно огляделся.

«Мама умерла — и я здесь?.. Я приехал?..»

В этой комнате, видимо, не жили давно: старые обои дожелта выгорели; было не прибрано и тесно от широких потертых кожаных кресел, от старомодных стульев меж расставленных по углам тумбочек, от неуютно загромоздивших углы книжных полок; удушливо пахло от дивана теплой и горькой пылью.

В пепельнице у изголовья чернели ссохшиеся, раздавленные окурки сигарет. Это ночью, распахнув в темноту двора окно, Никита долго лежал один, курил с давящим ощущением пустоты и тоски после своего приезда.

А незнакомая квартира за дверями, казалось, была выжжена июльским солнцем. Невнятный шорох полз там, не слышно было в коридоре шагов — никто не стучал, не входил в комнату. Но там кто-то затаенно и тихо жил, двигался, иногда шепотом разговаривал по телефону, и Никита догадывался, что шептались, говорили о нем, о смерти матери, и растерянно взглянул на себя в зеркало над диваном. В пыльной желтой его глубине замерло красное, заспанное лицо с нелепой, обросшей по кругу бородой, серые глаза всматривались хмуро-испуганно. Никита медленно провел по щекам пальцами и отдернул руку. Эту бороду он отпустил месяц назад после похорон и не привык к ней.

Он представил, что такое же испуганное выражение, какое как бы все время видел со стороны, было на его лице вчера, когда после приезда из Ленинграда он скованно сидел за столом в окружении незнакомых, сочувствующих, то и дело опускающих глаза людей, когда на чей-то вопрос растерянно ответил, что мать в больнице ничего не просила, никого из знакомых не хотела видеть, хотя она умирала в сознании.

И по тому, как они смотрели на него, переглядывались между собой, со вздохом называли мать Верочкой, Никита понял, что все эти люди, тихо сидевшие вчера в длинной старомодной столовой, были или его родственниками, или знакомыми, ни разу не встречавшимися ему в Ленинграде,— он всех их впервые видел. И когда он сказал о последних словах матери, хозяин дома, профессор Георгий Лаврентьевич Греков, нахмурив брови, нервно покашлял в салфетку, проговорил, ни к кому не обращаясь: «Да, она была мужественной женщиной»,— и встал и излишне решительной походкой, свойственной часто людям маленького роста, вышел из столовой.

Все молчали, неловко склонясь над тарелками, сдержанно, уже с какой-то замкнутой опасливостью постукивая вилками; иные горько усмехались — и он почувствовал, как от этих незнакомых лиц повеяло на него холодной осторожностью.

Он виновато покосился на Ольгу Сергеевну, жену Георгия Лаврентьевича, сидевшую возле. Рассеянно комкая салфетку, она молчала скорбно, в пунцовых мочках ее ушей, легонько покачиваясь, сверкали серьги, молодили ее когда-то красивое, теперь уже полнеющее лицо. Во всей ее позе хозяйки дома были воспитанная сдержанность, сочувственное понимание, и она, тронув его руку, сказала ласковым голосом:

— Вы, кажется, устали, правда? Вы, очевидно, плохо спали в вагоне. Но... если не возражаете, я покажу вашу комнату.

Он поднялся, пробормотал, ни на кого не глядя: «До свидания»,— и последовал за Ольгой Сергеевной, ощущая взгляды на своей спине. И, как только закрыл дверь комнаты, странное безмолвие затопило квартиру: казалось, все из столовой разошлись на цыпочках, даже не слышно было, как они прощались.

«...Сейчас они говорят обо мне,— вспомнив все, хмуро подумал Никита и прислушался.— Почему они не входят, не стучат, а стоят там, в коридоре? И кто жил в этой комнате? Чьи это боксерские перчатки? Что я должен делать теперь?»

Он нехотя встал с дивана, долго смотрел на тренировочную грушу, висевшую в углу, на затянутые слоем пыли боксерские перчатки — они валялись на стуле. Перчатки ссохлись, покоробились, лежали здесь давно. Он тихонько сдул с них пыль; медленно натянул жесткую, корявую, до скрипа прокаленную солнцем перчатку на правую руку и, не зная зачем, слабо ударил по груше. Она с тупым звуком метнулась на подвеске, закачалась. Никита ударил еще раз и, стиснув зубы, стоял, ожидая.

Было жарко, тихо.

В дверь внезапно постучали.

Никита поспешно отряхнул, отбросил в угол перчатку, стал, торопясь, натягивать ковбойку, опустился на диван.

— Да, да! — крикнул он.— Да, пожалуйста!

— Простите... Доброе утро, Никита. Можно к вам? — И осторожно вошла Ольга Сергеевна, послышался свистящий шорох платья.—Простите, Никита, я не разбудила?..

Ольга Сергеевна подошла. Не подымая головы, он, торопясь, неловко искал пуговицы на ковбойке. И ему странно было видеть совсем рядом ее прямо освещенные солнцем, круглые колени, выступавшие под коротким белым платьем, ее сильные, с высоким подъемом ноги, золотистые волоски, будто разглаженные и открытые солнечному свету.

На Никиту повеяло горьковатым запахом духов.

— Какое же это несчастье, какое несчастье!..— негромко и скорбно заговорила Ольга Сергеевна.— Поверьте, я понимаю. Потерять мать... Господи, что же делать?

Ольга Сергеевна так близко стояла перед ним, что он явственно вдыхал терпковато-теплый запах ее платья.

Она вдруг неуверенно и робко погладила его по голове, и он словно мгновенно ощутил свои жесткие волосы, свою нелепую рыжеватую бороду и, дернув головой, сглотнул с неприятным щелчком в горле.

— Ольга Сергеевна...

— Я понимаю. Я все понимаю...

От ее близкой руки повеяло свежим запахом земляничного мыла. Умытая после сна, Ольга Сергеевна всматривалась в него, глаза были размягчены состраданием, жалостью; белое летнее платье — такие никогда не носила мать — стягивало ее прямо торчащую грудь, чистые каштановые волосы убраны в пучок на затылке, в алых мочках прижатых ушей покачивались серьги.

— Бедный, бедный,— сочувственно отыскивая темными зрачками его взгляд, проговорила Ольга Сергеевна, и ее пальцы дрожаще и щекотно зашевелились на его груди, помогая ему застегнуть пуговицу.— Вы все время думаете о ней? Я тоже несколько лет назад пережила страшную потерю...

Никита угрюмо глядел в пол, на рассохшийся старый паркет, отчетливо видел завязший в пыли голубиный пух, грязные пятна раздавленного пепла, точно несколько лет никто не входил в эту заброшенную комнату. Никита еле слышно спросил:

— Он... тоже умер? Он жил здесь? Боксерские перчатки... это его?..

Она отошла на шаг, подняла полные оголенные руки к измененному испугом лицу.

— Нет, он жив! Он только не живет у нас! У него семья... Почему вы так сказали?

— Не знаю.

— Господи боже мой, какая нелепость! — проговорила Ольга Сергеевна и сейчас же опустилась в кресло, жалко улыбнулась, прикрыла рукой лоб.— Как вы это сказали ужасно! Какая нелепость!

Никита тоже попытался улыбнуться, но тотчас нахмурился и со смешанным чувством стыда и неловкости от своих неуклюжих слов пробормотал:

— Простите, я не знал. Я подумал только...

Вздохнув, Ольга Сергеевна отняла пальцы ото лба и через силу закивала ему.

— Я понимаю ваше состояние, Никита. Как все это тяжело!

Никита молчал.

— Да, да... Я хотела вам сказать, Георгий Лаврентьевич придет из института в первом часу,— проговорила утомленно Ольга Сергеевна и встала.— Он хочет встретиться с вами. Обязательно.

— Спасибо.

— Я зайду за вами.

— Спасибо, Ольга Сергеевна.

— Через полчаса я вас жду к завтраку, Никита.

— Спасибо. Я не хочу есть.

— Но так нельзя. Так нельзя! Вы должны есть. Вы так ослабнете, Никита. Я вас жду к завтраку!

Она вышла. Тихая, жаркая пустота была в комнате. Ни звука, ни шороха не доносилось из других комнат квартиры. Где-то внизу, в глубине двора, кричали дети.

Он лег на диван. И вдруг вся стена над ним, усыпанная унылыми вензелями, теплая, прямая, покрытая пушком пыли, слилась во что-то однообразно серое, душное, бессмысленное — и он испугался, что в эту минуту может заплакать.

— Очень хочу с вами поговорить, оч-чень хочу!.. Вчера, к сожалению, не смог. Да и вы были только с поезда. Да, теперь мы сможем!

Георгий Лаврентьевич Греков ходил по кабинету нервной, даже танцующей какой-то походкой, странной при его широких плечах, крупной голове и маленьком росте; подпоясанный халат был длинен, извиваясь, мотался над голыми щиколотками. И было странно видеть среди этого просторного, залитого солнцем кабинета с высокими старинными книжными шкафами по четырем стенам его подрагивающие, беззащитно обнаженные ноги в домашних шлепанцах. Они быстро двигались, мелькали по ковру.

— Оч-чень хочу! — повторил Георгий Лаврентьевич.— Да, я хочу с вами поговорить!

«Он мой дядя?» — неловко сидя в кресле,

Глава из романа «Родственники».

ПРИЕЗДА

подумал Никита, еще сомневаясь, что этот маленький, широкоплечий, тщательно выбритый и закутанный в халат старик может быть его родственником, известным профессором.

Но успокаивая себя, он вспомнил адрес на привезенном им письме, слова на конверте — «профессору Грекову», написанные и подчеркнутые рукой матери. И, невольно улавливая вчерашнюю настороженность в тоне Грекова и вместе с тем испытывая стыд и отвращение к самому себе после разговора с Ольгой Сергеевной, подумал:

«Нет, они не знали, что умерла мать».

— Оч-чень хочу! Значит, вы приехали?—снова быстро повторил Греков и, остановившись перед книжным шкафом, встал на цыпочки, забросил руки за спину, хрустнул пальцами. И спросил радостно поднятым голосом: — Как вы спали? С дороги, так сказать, выспались? Удобно вам было? Вы впервые в Москве?

— Что? — спросил Никита, переводя взгляд с домашних, непонятно почему приковавших его внимание шлепанцев профессора на его шевелящиеся в широких рукавах пальцы за спиной.

Греков стоял, выпрямив круглую спину, лицом к книжному шкафу и, показалось Никите, в стекле, как в зеркале, наблюдал за ним, нервно похрустывая пальцами.

— Так. Значит, это письмо? Письмо моей сестры?

— Да,— сказал Никита.

— Да, да, да... Но это могло быть ошибкой, невероятной, страшной ошибкой! — зазвеневшим голосом заговорил Георгий Лаврентьевич, приблизился к двери, задернул над ней портьеру.— Все это может быть ужасной ошибкой!..

— Вы о какой ошибке?— не понял Никита.

— Нет, никому не сообщить о болезни... умереть в одиночестве — надо быть немыслимо сильным человеком! И вы один, конечно, были с ней? И она никого из родственников не хотела видеть в больнице?

Георгий Лаврентьевич все шагал по кабинету, по толстому ковру, мимо дубовых книжных шкафов, кожаных кресел; волнами колыхался его длинный халат перед глазами Никиты.

Говоря, Греков со страдальческой гримасой потирал кулаком высокий лоб; затем сел к полукруглому письменному столу в глубине кабинета. Неспокойно повозившись в кресле, он молча, с болезненной осторожностью на лице вытянул из-под книг какую-то бумагу и пристально стал смотреть на нее. Он не читал, а только, казалось, смотрел в одну точку.

«Это письмо матери»,— подумал Никита.

— Она... страдала?—сквозь полукашель проговорил Греков, и пальцы его недоверчиво зашевелились на письме.— То есть, как она умирала? Тяжело? Она страдала? Нет, я не хотел у вас этого спрашивать. Но я старик, я на десять лет старше вашей матери. В моем возрасте уже ничему и не удивляешься. В некрологах каждый день читаешь знакомые фамилии. Наше поколение уходит... Роковой круг каждодневно суживается. Эти модные беспощадные болезни — инсульт, инфаркт, рак — это ужасно! Но это реальность... И всем, всем нам суждено умереть не своей смертью...

Он, зажмурясь, медленно покачал головой.

На столе зазвонил телефон. Греков открыл глаза, повторил: «Да, не своей смертью» — и, как бы отталкивая что-то, махнул рукой в ши-

роком рукаве халата и, с трудом преодолевая себя, потянулся к аппарату.

— Да, милый мой,— слабым голосом заговорил он в трубку.— Да, да. Через два часа. Начинайте без меня. Ах, здоровье? У людей моего возраста, да еще накануне юбилея, уже нетактично спрашивать о здоровье.— Он расслабленно улыбнулся.— Спрашивают: как анализ, как электрокардиограмма? Да. Спасибо, мой друг, спасибо.

Он положил трубку задумчиво-мягким движением. Лицо его сразу стало розовым, на мгновение показалось, что прозрачно-голубые глаза блуждающе скользнули по столу и снова остановились, замерли на листе бумаги.

Никита молчал, по-прежнему напряженно сидя на краешке кресла.

— Самое естественное и самое непоправимое — это физическая смерть,— произнес тихо Греков.— Мелькнула в мироздании, вспыхнула материя — и погасла, растворилась во вселенной. И как будто ее и не было. Каждый доходит до своей вехи — и время беспощадно сталкивает его в небытие. Навсегда. И так со всеми. Закрыты все двери. И закрыты все счеты с жизнью. Скажите... что она в последние часы говорила вам обо мне?.. Говорила ли она что-нибудь? Обо мне... Только вы один можете знать. Я ее не видел в последние годы...

Георгий Лаврентьевич проговорил это потухающим голосом и, потирая прямой ладонью переносицу, чуть покачивался в кресле, как в дремоте. И было Никите непонятно, успокаивает ли он себя, или страдает оттого, что не видел мать перед ее смертью, или так странно думает вслух, и, все больше испытывая неудобство, сказал:

— Нет, она не говорила.

Георгий Лаврентьевич широко открыл глаза — в их голубизне, казалось, скользнул мгновенный испуг резким толчком разбуженного человека — и стремительно наклонился к столу, будто падал.

— Моя сестра, моя сестра...— пробормотал он.

И, откинув голову, замер на секунду с жалким, удивленным лицом и, сейчас же легонько вздохнув не на полную грудь, ощупью отодвинул ящик стола, достал коробочку с валидолом.

— Вам плохо?— спросил Никита и заерзал с неловкостью.— Может быть... воды?

Сделав неопределенный жест, Греков брезгливо оттолкнул валидол, долго сидел неподвижно, как будто ждал, когда отпустит боль.

— ...Ничего... Это звонки,— успокаивающим шепотом сказал он.— Звонки. Возраст. Не беспокойтесь. Ничего, ничего... Она... в этом письме...— после молчания заговорил он отрывисто,— просит меня, чтобы я посодействовал вашему переводу. Из Ленинграда. В Московский университет. Вы этого хотели? Я постараюсь... Я постараюсь это сделать.

Никита зашевелился на теплом краешке кожаного кресла, ничего не понимая, машинально полез за сигаретой.

— То есть как?— спросил он.— Зачем же?

— Что вы?— Греков перевел дыхание и, заметив сигарету в пальцах Никиты, умоляющим взглядом попросил не курить. Никита тоже невольно покосился на сигарету и смущенно смял ее, сунул в карман.

— Вы сказали «зачем»? — повторил Георгий Лаврентьевич.— Позвольте... Вера также просит, чтобы я помог вам обменять ленинградскую квартиру на московскую. Я помогу вам, хотя это нелегко. Но я все, что смогу...

— Но я не хотел, это не так,— ответил Никита неуверенно, нахмурясь, пытаясь понять, почему мать в своем предсмертном письме просила о его переводе в Москву.— Мать сказала мне в больнице, что я должен буду поехать к вам. Когда передавала письмо. Она об этом просила. Потом она не знала, что я сдал комнаты. Их нельзя обменять.

Он замолчал. Греков наблюдал за Никитой с каким-то странным, ощупывающим выражением.

— Ваша мать была известной ученой... И у вас должна быть большая квартира.

— У нас не было большой квартиры,— нетвердо возразил Никита.— А две комнаты в общей... Нам с матерью не было тесно. Потом, когда мать заболела, я сдал комнаты полковнику, у него трое детей... А сам жил в чулане. Только приходил ночевать. После смерти матери полковник подал заявление об уплотнении. Я попросил койку в общежитии. В университете. Мне обещали.

— Но для чего, для чего вы сдали свои комнаты?

— Мне нужны были деньги.

Греков опустил брови, спросил суховато:

— Простите, разве вы не получали стипендию?

— Да. Но мать полгода лежала в больнице,— сказал Никита и, сказав это, увидел заалевшие, как от внутреннего жара, щеки Георгия Лаврентьевича.— И я хотел, чтобы... Разве вы не знаете, для чего нужны деньги, когда кто-нибудь болеет?

— Но именно? — Георгий Лаврентьевич несколько недовольно стукнул костяшками пальцев по подлокотнику.— Мать болела, а вы делали расходы? Впрочем, конечно! Реактивная современная молодежь!..— Он сухо кашлянул и продолжал все так же раздраженно: — Вы уж простите, мое поколение слишком много потрудилось, слишком много пролило пота, чтобы не видеть некую, так сказать, безалаберность у нынешней молодежи, и в первую очередь даже, позвольте сказать, к самим себе. К сожалению!

— Это вы обо мне? — не сразу и полувопросительно спросил Никита.

Но Георгий Лаврентьевич странно молчал, будто только что не говорил ничего, смотрел в стол, сутулясь, его седые, нависшие брови двигались, он словно прислушивался к своему дыханию. Это прислушивающееся, углубленно-растерянное выражение удивило Никиту, и удивил его голос, ослабленный, разбитый:

— Скажите, Вера... моя сестра говорила что-нибудь перед смертью о своих ошибках? Она мучилась, жалела о чем-нибудь?

— У нее не было ошибок,— сказал Никита.— Я не знаю.

— И у нее были ошибки,— слабым голосом возразил Греков и утвердительно полуприкрыл глаза.— И у нее....

На письменном столе опять зазвонил телефон. Греков вздрогнул, потом невнимательно поднял кончиками пальцев и опустил трубку. Она упала на рычаг. Телефон замолк и снова затрещал требовательным звоном, резко отдаваясь в ушах.

— У матери не было никаких ошибок,— повторил Никита, испытывая какое-то настороженное сопротивление словам Грекова.

В дверь постучали, и голос Ольги Сергеевны:

— Георгий, можно? К тебе пришли из комитета. И звонят из газеты.

Греков выпрямился в кресле и почти неприязненно повернулся к двери. Затем в руках его мелькнуло, зашуршало письмо матери, и, колыхая широкими рукавами халата, он встал и излишне суетливо, опустив конверт в карман халата, выскочил из-за стола и своей нервной, танцующей походкой подбежал к двери, оттолкнул портьеру.

— Оленька! — решительным и вместе умоляющим тоном крикнул Греков в приоткрытую дверь.— Из комитета в два, в два часа,— я предупредил! Я занят. Кто там? Пискарев? Пусть ждет! И прошу, пожалуйста, или выключить телефон, или всем говорить, что я болен. Неужели нельзя меня избавить от телефонных разговоров по утрам? Опять консультация? Я не стол справок. Есть другие специалисты, наконец.

— Ты должен принять Пискарева,— с вежливой настойчивостью ответил голос Ольги Сергеевны.— Ты обещал и должен. Ты забыл? И подойди, пожалуйста, к телефону.

— Я никому ничего не должен, это немыслимо! — Греков даже в отчаянии прижал щепотки пальцев к вискам.— Скажи, что у меня стенокардия, что я болен...

И — ровный, спокойный голос Ольги Сергеевны:

— Подойди, пожалуйста, к телефону. Это неудобно, Георгий.

Дверь кабинета захлопнулась. Греков задернул портьеру, сердито и вроде бы беспомощно обернулся к молчавшему Никите — и вдруг в каком-то подчеркнутом негодовании стремительно подошел к телефону (замелькали белые щиколотки под халатом) и, фыркая носом, сдернул трубку, крикнув звонким фальцетом:

— Скажите, милейший, могу я спокойно поболеть или уж, позвольте... Кто? Не имел чести! Да-с, мой день рождения на носу, а вам, собственно, что?

«Он больной человек, со странностями,— думал Никита, вслушиваясь в то, как с веселым бешенством кричал Греков по телефону, и терпеливо сидел в ожидании, водя ладонью по кожаному подлокотнику: — Сколько ему лет? И сколько Ольге Сергеевне? Что это я! Нет, она моложе его лет на двадцать!»

— Что вы там написали юбилейное про меня, я не знаю! Нельзя, молодой человек, говорить «нет», когда не знаешь, чем подтвердить свое «да». Именно!

Он видел повернутую круглую спину Грекова, его широкий кивающий, седой до нежной серебристости затылок и несоответственно с этим домашние шлепанцы под длинным халатом. «О чем он, кроме дел, говорит с Ольгой Сергеевной? Она любит его?»

— Привезите гранки статьи, и я завизирую. А может быть, и нет! Я должен прочитать, что же вы написали! Я терпеть не могу фантазии корреспондентов! Да, да!

«Он всем нужен? И Ольге Сергеевне? И мне? И матери? И редакции газет? Что он сказал об ошибке матери? Мать тогда сказала о нем: «Мой брат — известный профессор истории».

— Так. Так на чем же мы остановились?

— Что? — Никита пошевелился.

— Да. Так. На чем же мы?..

Греков уже не разговаривал по телефону; он сидел за столом, еще не отпуская трубки, поглаживая ее, а из прозрачной голубизны глаз уходила весело-мстительная, как у злорадного ребенка, улыбка, с которой он отчитывал кого-то по телефону. И теперь растрепанные кустики седых бровей медленно наползали на высокий лоб лохматыми уголками, и весь вид его выказывал сосредоточенное изумление перед чем-то, что в эту секунду мысленно видел он.

Профессор рассеянно смотрел на Никиту пустым взором, как бы мимо него. И с этим же отсутствующим выражением встал и, словно ничего не видя, сделал несколько шагов от стола к нише меж книжных шкафов. Медлительно вынув из кармана халата ключик, Греков вложил его в замочное отверстие маленького, вмонтированного в нише домашнего сейфа, так же медлительно открыл дверцу. И после этого спросил нащупывающим голосом:

— Скажите... Вам, вероятно, нужны деньги? Вы, кажется, говорили, что вам нужны деньги?

— Я не просил,— пробормотал Никита.— Мне не надо.

— Да, мы не говорили с вами,— вспоминающе перебил Греков, и круглое, выбритое лицо его дрогнуло, как от беззвучного смеха.— Конечно. Странно... Это рефлекс. Когда я вижу молодые, именно молодые, так сказать, лица родных и своих аспирантов, я открываю этот сейф. К сожалению, деньги, как и слава, приходят к человеку слишком поздно, когда все радости бытия, которые дают деньги, становятся лишь историей... лишь воспоминанием. Как они нужны мне были когда-то, лет сорок назад! Как нужны!.. Был бедным и к тому же без ума влюбленным в какие-то русые косички студентом. Теперь даже не помню, какой цвет глаз был у этих косичек. А она была подругой Веры. И Вера была тогда красавицей. И вдруг это письмо...

Никита увидел, как письмо, вынутое Грековым из кармана халата, замоталось в его пальцах, он нервно теребил конверт, точно не знал, что делать с ним. Потом, затоптавшись, наклонился к открытому сейфу, бережно положил туда и долго не мог закрыть замок — поворачивал ключик вправо и влево, нелепо оттопыривая локти; белые, по-стариковски аккуратно выбритые щеки его дрожали.

— Идите, идите, я буду рад, я все сделаю, я все что смогу сделаю,— заговорил Греков и, весь сразу обмякший, приблизился к столу, упал обессиленно в кресло, как-то жалко закивал Никите: — Мы еще поговорим. Мы еще, конечно, поговорим. Простите, я устал. Я чрезвычайно устал.

Никита неуверенно поднялся и, зажимая в потных пальцах сигарету, которую все время, разговаривая, мял в кармане, пошел к двери. В дверях он невольно задержался, неуклюже запутался в портьере, обдавшей сухим, душным запахом.

Он отдернул портьеру и вышел.

Дежурный повар Лариса Клюева.

— Пора устраиваться на ночлег,— говорит инженер 5-й Ленинградской ГЭС М. Иванов.

Сервировка по-туристски.

МЫ ДОВОЛЬНЫ...

ФОТОПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ

Почти каждый день с Череменецкой турбазы (Лужский район, Ленинградской области) уходят в поход туристы. Они совершают увлекательные походы на лодках, по живописным рекам Луга, Оредеж, проходят озера Череменецкое, Тамань, Хвойлово и многочисленные протоки и перекаты.

Ежедневный путевой рацион на лодках 15—25 километров, а потом костер, рыбная ловля, обильный ужин.

О жизни туристов рассказывают снимки.

Б. БОЯРИНСКИЙ

Ленинград.

Песня на десерт.

Ростислав ОРЛОВ

ПОЧЕМУ ГАСНУТ ЗВЕЗДЫ?

РЕПЛИКА ПОСЛЕ ДВУХ СОРЕВНОВАНИЯ

Легкоатлеты в нынешнем сезоне не часто радовали нас. Но вот на этом довольно сером фоне наметился многообещающий просвет на состоявшихся в Одессе Первых европейских играх юниоров (юноши до 19-ти, девушки до 18 лет). Эти игры без преувеличения можно назвать чемпионатом надежды. Если хотите,— олимпийской надежды. Через два года сегодняшние юниоры будут выступать на олимпийском стадионе в Мехико, а потом и на первенстве Европы в Афинах.

После Токийской олимпиады руководители сборной страны вынуждены были признать печальный факт: команда СССР в Токио оказалась самой великовозрастной, что не могло не отразиться на ее выступлении. Нужно было обновлять состав, но тут-то выяснилось, что в целом ряде видов заменять ветеранов некем. У первой сборной команды страны не оказалось надежного резерва.

— Ну, а как же массовость? — спросит любознательный читатель.— Ведь у нас в стране, если судить по статотчетам, более шести миллионов легкоатлетов! Неужели эта армия — недостаточный резерв для сборной команды СССР?

Этот резерв оказался недостаточным, потому что уже давно образовался слишком большой разрыв между основной массой наших легкоатлетов и ведущей элитой. Вполне удовлетворенные теми медалями и рекордами, которые завоевывала из года в год команда, руководители нашего легкоатлетического спорта упустили из виду подготовку смены. Нам следовало бы создать не только вторую сборную, но и юниорскую и юношескую команды, но до сих пор этого нет. Выступавшая в Одессе сборная юниоров — это команда одного состязания. Ее участников собрали незадолго до соревнований, и после их окончания команда прекратила свое недолгое существование. А ведь в большинстве европейских стран сборные команды юниоров существуют постоянно, регулярно участвуя в разнообразных состязаниях.

Дойдут ли наши юниоры, столь успешно проявившие себя в Одессе, до взрослой сборной? Это не праздный вопрос, и от его решения во многом будут зависеть успехи сборной СССР в ближайшее время. До сих пор новые атлеты приходили в сборную, как правило, случайно, не после систематической подготовки, а лишь в силу своих выдающихся физических качеств и притом в возрасте 22—25 лет.

Почему же так поздно появляется легкоатлетическая смена на большой спортивной арене? Происходит это потому, что в сети спортивного образования отсутствует у нас одно важнейшее звено. После окончания детской спортивной школы юные спортсмены должны продолжать занятия в спортивной школе молодежи, но этих школ в десять раз меньше, чем детских спортивных, и существуют они только в крупных городах. Куда же деваться юниорам?

По-своему ответил на этот вопрос тренер ростовской детской спортивной школы Т. В. Прохоров. Жалко ему ребят, которых его школа выпускает на все четыре стороны, и он решил тренировать их бесплатно, в свое свободное время. Но это же не выход из положения! Нужно создать значительно больше молодежных школ, причем объединив их с детскими. Только тогда удастся избежать многих потерь и обеспечить наконец планомерную, многолетнюю подготовку молодых атлетов.

Однако не только организационные недостатки мешают нормальному росту наших молодых легкоатлетов. Не хватает нам опытных тренеров, специализирующихся в отдельных видах. Возьмем спринтерский бег. Результаты юных бегунов не радуют нас. За исключением А. Братчикова, ни одному советскому спортсмену не удалось показать достаточно высокого мастерства на соревнованиях в Одессе.

Способные спринтеры у нас есть, во всяком случае, почти каждый год появляются все новые имена, однако проходит совсем немного времени, и они, так и не успев проявить себя, исчезают. Где С. Солнцев, Ю. Броян, А. Петров? Все они подавали большие надежды, но никто из них не дошел до сборной страны. За последние несколько лет в сборную команду попал только один спринтер моложе 20 лет — А. Лебедев. В чем же, спрашивается, дело? Нет высококвалифицированных тренеров по спринту. На протяжении уже многих лет на страницах печати, на конференциях и семинарах ведутся споры, дискуссии, идет обмен мнениями о том, как тренировать наших спринтеров. Споры не утихают, а спринтеры не бегут...

Может быть, хватит дискуссий? Сколько можно терпеть отставание в беге? И поскольку своими силами нашим тренерам, видимо, не вывести питомцев из прорыва, очевидно, есть смысл прибегнуть к помощи зарубежных коллег. Мы не хотим сейчас предлагать формы этого сотрудничества — будет ли это поездка группы наших тренеров по спринту на стажировку за рубеж или приезд к нам в страну известного зарубежного специалиста,— пусть решают спортивные руководители. И не следует ссылаться на престиж. От систематических неудач наших спринтеров он страдает в гораздо большей степени.

* * *

Статья была уже написана, когда пришло сообщение из Италии. Сборная команда юниоров Российской Федерации проиграла международный матч хозяевам поля. Дебют оказался очень неудачным. Из 19 видов, входящих в программу матча, наши юные атлеты смогли выиграть лишь 7. И основная причина поражения — сплошные неудачи в беге. Так еще раз подтвердились мысли, высказанные в этой реплике. Да, наша взрослая сборная будет проигрывать в беговых видах до тех пор, пока не появятся у нас сильные бегуны среди юниоров.

Леонид СТЕПАНОВ

НАСЛЕ
МАКАР

Встреча была случайной. Но оставила в сердце такое сильное впечатление, что знаю: не забудется никогда.

Войдя в служебную комнату моего приятеля, я увидел, кроме него, еще троих незнакомых мне людей. Двое молодых говорили по-французски. Третий — пожилой, но необыкновенно крепкий, горячий, красивый — говорил по-русски, с чуть заметным украинским выговором. Смеясь карими глазами, он спокойно выжидал, пока мой друг переведет на французский кусок его рассказа, и потом очень свободно, с большим увлечением продолжал.

То, что рассказывал седоголовый богатырь, было сурово и драматично по существу, но сдобрено таким сочным, умным юмором, согрето такой горячей нежностью к человеку, о котором шла речь, что слушать рассказ было редким наслаждением. Он говорил о Макаренко, о том, как в 1920 году Антон Семенович пришел в тюрьму для малолетних преступников, чтобы взять первых поселенцев для будущей колонии имени М. Горького.

В тот раз Макаренко взял из тюрьмы троих. Ознакомившись с личными делами юных бандитов, он с каждым встретился по-разному. Звероподобного Лешего отправили в колонию под конвоем, простоватый Голос явился в колонию сам, доставив пакет для «гражданина начальника Макаренко», а за третьим Антон Семенович пришел в тюрьму.

«Как, говоришь, тебя зовут-то?» — спросил он широкоплечего хлопца, похожего на цыгана.

«Семен»,— не слишком приветливо буркнул тот.

«Ну?! Это, брат, очень здорово! Повезло нам с тобой, понимаешь! А я как раз по отцу Семенович».

Подросток улыбнулся. За шесть лет скитаний так с ним еще никто не разговаривал.

А человек в очках, в потертой солдатской шинельке как ни в чем не бывало продолжал:

«Слушай, Семен... Задумал я, понимаешь, одно шальное дело... Может быть, ты согласишься помочь мне?»

«Я?! Помочь?..»

«А что ж? Ты парень вроде подходящий. Пойдем со мной?»

«Куда пойдем? Как пойдем?»

«Вот так возьмем и пойдем».

Они прошли по темным тюремным коридорам и вышли на белую от снега улицу украинского городка. Молча дошагали до угла. Тут Антон Семенович неожиданно остановился и сказал:

«Ты постой-ка здесь, подожди меня. Забыл, понимаешь, башлык».

Удивленно хлопая глазами, парень глядел вслед странному человеку. Башлык был у него на плечах. «Чи у його два?»

— ...Только много лет спустя, когда я окончил рабфак и сам стал воспитателем, Антон Семенович признался мне в своей оплошности. Ему нужно было вернуться, чтобы оставить начальнику тюрьмы расписку, поручительство за меня. А с башлыком он сплоховал: «Не знал, что ты такой глазастый».

Седоголовый рассказчик задумчиво улыбается.

— Не хотел Антон Семенович, чтобы я присутствовал при унизительной процедуре с распиской. Это было бы совсем не то начало. А началу отношений, первому впечатлению от воспитателя он всегда придавал большое значение.

Опять зазвучал французский перевод:

— Мсье Карабанов говорит...

Карабанов? Семен Карабанов?! Неужели тот самый, из «Педагогической поэмы»? Отчаянно смелый и нежный, упрямый и бесшабашно веселый, гроза кулацких погребов, а потом верный друг Макаренко. Это ведь он был изгнан из колонии, и не смог — вернулся. «Не можу, понимаете, не можу...» Макаренко послал его в город за деньгами — верхом, через лес, где еще прятались бандиты. Карабанов привез деньги, заставил Макаренко пересчитать и жалел только об одном — что не напали на него грабители: «Я стрелял бы, зубами кусав бы, рвал, как собака, аж пока убили бы...»

Семен Афанасьевич Калабалин.

Да, конечно, это он, Семен Карабанов, или, если по паспорту, Семен Афанасьевич Калабалин. Совпадает и его внешний портрет, написанный Макаренко, хотя тому Карабанову было на сорок пять лет меньше: «Он неотразимо ярок и грациозен... От него несет выдержанной в степях воловьей силой, и он как будто ее нарочно сдерживает».

Но, конечно, изменился он тоже сильно, Семен Карабанов, за эти четыре десятилетия. От него веет теперь совсем другой силой — силой человека большой культуры, силой педагога с железным тактом, силой коммуниста, увлеченного своей тяжелейшей и нужнейшей работой.

Да, у Семена Афанасьевича много силы и сегодня. Никто по внешнему виду не скажет, что ему шестьдесят четыре. А сколько его силы уже израсходовано, сколько отдано щедро и безвозмездно! Чем и как измерить ее? Ведь Семен Карабанов не из тех служивых педагогов, что занимаются с детьми от звонка до звонка. Еще когда впервые остался за Макаренко начальником колонии, он следовал заповеди своего учителя: «Если ты хочешь быть настоящим человекоделателем — страдай и радуйся вместе с воспитанниками, совершенствуйся с ними каждый день, и пусть тот день длится не меньше 27 часов».

Система воспитания, педагогические методы Макаренко утвердились не легко и не сразу. Самому Антону Семеновичу и его ученикам пришлось вести тяжелейшую борьбу с бюрократами от педагогики, с бездушными теоретиками и рутинерами. Они тупо или злонамеренно утверждали, что опыт Макаренко узок, что его методы коллективного и трудового воспитания применимы только к детям ненормальным, к беспризорным и малолетним правонарушителям, а для обычной школы или детского дома они не пригодны. Уже после смерти А. С. Макаренко его ученикам и последователям приходилось не только бороться, но и расплачиваться за свои убеждения. Но они были стойкими борцами, они помнили мудрый и мужественный завет:

«...Нужна проверка. Проверка убедительная, точная — долгим опытом. Только он убеждает».

И вот теперь есть он, долгий, сорокалетний опыт. Последователи Макаренко на педагогическом поприще давно уже работают с «нормальными» детьми. И что же? Устарел ли коллективный и трудовой метод, отброшен ли за ненадобностью его принцип воспитания нового человека в духе оптимизма, уверенности в «завтрашней радости»?

Нет, не устарел и не отброшен. В новых, несравненно лучших условиях жизни педагогическая система Макаренко получила дальнейшее развитие. И одно из ярчайших доказательств — труд и творчество Семена Карабанова, опыт которого используют и изучают теперь во многих странах мира. Французские педагоги Морис и Даниэль Приу, которые теперь беседуют с Семеном Афанасьевичем Калабалиным, далеко не первые паломники, прибывшие на родину Макаренко, чтобы побеседовать с первым из его учеников. На имя директора Клемёновского детского дома в Подмосковье под Егорьевском С. А. Калабалина приходят письма со всех концов планеты. Иногда эти зарубежные письма адресуются с трогательной лаконичностью: «СССР. Семену Карабанову из «Педагогической поэмы». И доходят.

Морис и Даниэль Приу продолжают задавать вопросы. Оказывается, они хорошо знакомы с жизнью и педагогической практикой Семена Карабанова по трем книгам — «Педагогическая поэма» и две книги Фриды Вигдоровой «Дорога в жизнь» и «Это мой дом». Однако вторая книга Ф. Вигдоровой обрывается на предвоенном периоде жизни «мсье Карабанова». Педагоги Приу из пригорода Парижа хотели бы знать, что было потом.

— Когда началась война,— задумчиво говорит Семен Афанасьевич,— когда фашисты напали на нашу страну, я написал заявление: прошу использовать меня там, где я могу принести максимальную пользу. Меня послали в глубокий тыл к немцам. Больше двух лет я работал в условиях строгой конспирации на территории третьего рейха.

— О! Так вы были там, как легендарный Рихард Зорге?

— Совсем нет. Моя задача была намного скромней.

— Нет, это вы сами очень скромны, мсье Карабанов! Значит, то, что вы хромаете... возможно, имеет отношение к войне?

— Имеет. Меня заслали под видом военнопленного с легендой кулацкого последыша. Попал в лапы бендеровцам. Те не поверили, пытали. Живого места не было. Однако выдержал.

— Для этого нужно быть очень сильным человеком. И большим патриотом. Скажите, а как воспитывал у вас чувство патриотизма мсье Макаренко?

— Обстоятельства, конечно, были чрезвычайные. Но «первый урок» патриотизма проходил примерно так... Колония несовершеннолетних правонарушителей под Полтавой. Зима. Мы сидим вечером около буржуйки. Антон Семенович читает вслух «Мои университеты» Максима Горького. И вдруг он прерывает чтение:

«Не могу читать! Скажите: патриоты вы или не патриоты?»

«Нет, что вы!» — отвечаю я как самый грамотный из ребят. (У меня все-таки было за плечами четыре класса приходской школы и... полтора года тюрьмы! Я думал, что «патриот» — это что-то связанное с мелким воровством.)

ДНИК
ЕНКО

«А я патриот! — говорит Антон Семенович.— Потому я не могу видеть, как качаются на ветру повешенные комиссары. Не могу терпеть, чтобы у нас в округе хозяйничали бандиты. И сегодня же ночью я иду ликвидировать банду».

«Тогда и мы патриоты тоже!» — ответили мы.

В ту же ночь ватага оборванных подростков во главе с Макаренко, с одним-единственным покореженным наганом напала на банду, вооруженную пулеметом, гранатами и обрезами. Помню, когда мы их привели и сдали в ЧК, молодой боец вынул из кармана галифе кусок сахару и протянул мне. Сахар был весь в махорке.

«Ты что? — буркнул я.— Я не маленький!»

«Чудило!— сказал он.— Я ж как товарищу».

Были и другие уроки патриотизма. В голодные годы мы видели, как наши воспитатели отдавали ослабевшим детям свои скудные, драгоценные пайки хлеба. А кулаки на хуторах прятали пуды хлеба, варили из зерна самогон. Никто не агитировал, мы сами проводили рискованные рейды и крушили самогонные аппараты. Мы это тоже считали патриотизмом. Конечно, с тех пор жизнь в нашей стране неузнаваемо изменилась. Но и теперь нельзя воспитывать чувство патриотизма только назиданиями. Нужны убедительные примеры, нужны яркие поступки. Трудно воспитать патриота, если не предоставлять подростку условий, в которых он пусть и в небольшом масштабе, но все же мог бы проявить свой патриотизм. Макаренко был убежденным сторонником активных методов воспитания. В крайних случаях он признавал благотворную роль психологических «взрывов». Хотя, должен вам сказать, и теперь еще есть теоретики, которые отрицательно относятся к этому положению.

— Не могли бы вы, мсье Карабанов, привести пример «психологического взрыва»?

— Сколько угодно. Из книги Макаренко вы знаете, что колония под Полтавой была создана в 1920 году. Еще мало было сделано для воспитания вчерашних воров, бродяг, бандитов. А тут, вскоре к нам ворвался тиф. Кроме трех-четырех человек, в тифу метались все. Чудом не заразившийся Антон Семенович боролся за жизнь каждого. Он променял в кулацких хуторах на молоко всю свою одежонку, остался в одной старенькой шинельке. Обходя ночью больных ребят, которые замерзали в холодных спальнях, он ложился к самым слабым, согревал их своим теплом и прикрывал шинелькой. И ни один, поймите, ни один из тридцати воспитанников не умер! Весной, когда бледные, осунувшиеся хлопцы стали выползать на солнышко, я слышал, как Антон Семенович сказал завхозу Калине Ивановичу:

«Все же хорошо, что был тиф!»

«Что за радость?»

«Никто не умер. Но на свет родились другие люди».

И ведь верно! Спала с нашей души короста, наросшая за годы бродяжничества и воровства. Мы стали роднее друг другу, а всех родней нам стал Антон Семенович. Это было зарождение больших человеческих чувств, возникновение коллектива.

— «Взрыв», мсье Карабанов,— это не обязательно несчастный случай? «Взрыв» может быть также позитивным потрясением?

— Разумеется. Я сам однажды пережил такое. Это была моя первая любовь...

— О! Это очень интересно!

— Да. Перед самым моим уходом из колонии на рабфак я влюбился. Здоровенный хлопец и вроде не трус, а вот боялся, что товарищи узнают и засмеют. А полюбил по-настоящему, так, что и невмоготу. От всех таил, а Антону Семеновичу решил сказать. Как лучшему другу. А он... а он засмеялся!

«Выходит,— говорит,— ты у меня совсем нормальный парень? Очень хорошо!»

А потом совсем другим тоном, таким, что никогда не забуду:

«Спасибо тебе, Семен! Спасибо. За то, что полюбил».

«Пожалуйста»,— ответил я. (Лучшего не нашел, что сказать!) И уж тут он стал говорить о том, как драгоценно мое чувство. Как нужно хранить и беречь его.

Уехал я учиться на рабфак. Приезжаю на каникулы и узнаю: отец моей Оли поспешил выдать ее за «порядочного человека». Вбежал я к Антону Семеновичу, готовый взорваться от горя и обиды. Бросил ему на стол рабфаковское удостоверение.

«Зачем мне это, раз все равно никто не верит? Повешусь!»

«Как это никто не верит? Я верю. Ребята верят. Сама Оля тоже».

«Нет! Все равно повешусь!»

«Ну что ж, тогда вешайся! Только, пожалуйста, подальше от колонии, чтоб не смердело тут твоим влюбленным дурацким трупом. Пошли!»

Мне показалось, что он повел меня показать место, где я могу повеситься. И тут он заговорил...

Всю ночь до рассвета ходили по просеке. Я молчал. А он... Какие роскошные ковры стелил он в мое будущее! В каких чистых родниках омывал мою воспаленную душу!.. Всходило солнце. И я заорал:

«Буду жить! Хочу жить!»

— Жена теперь говорит: «Правильно сделал, что тогда не повесился».

Рассказчик заразительно смеется. Смеются супруги Приу. А Семен Афанасьевич с неожиданной серьезностью продолжает:

— Вообще к педагогическим рекомендациям Макаренко нельзя подходить шаблонно. Мне, к сожалению, не раз приходилось встречаться с вульгаризаторами методов Антона Семеновича, которые жаловались на то, что «Макаренко чего-то недодумал». Один директор школы сказал мне както: «Вот ваш Макаренко рекомендует, чтобы провинившегося наказывал его коллектив. Я поверил, позволил одному моему классу осудить виновного. И что вы думаете? Этот ученик стал вести себя еще хуже». Пришлось мне объяснять директору, что в этом случае, возможно, нужно было как раз обратное: доверительно поговорить с учеником.

Я много лет работал рядом с Макаренко и никогда не видел, чтобы он дважды наказал виновного одинаковым образом. Он говорил: «Если они способны на два миллиона разных проступков, то мы должны быть способны на два миллиона разных порицаний и наказаний».

Антон Семенович был очень требовательным человеком. Чем больше он уважал воспитанника, тем больше с него требовал. Я тоже неоднократно был наказан и получал от него взыскания. Несколько раз сидел в кабинете Антона Семеновича под знаменитым «арестом», читая на диване какую-нибудь книгу. Но приказ об «аресте» всегда звучал по-разному. То он произносил его как бы между прочим, даже вроде добродушно: «Отсиди-ка, Семен, сегодня пару часов». То строго, как чужому: «Отсидишь!» А в третий раз младший воспитанник приносил мне от него записку об аресте и вручал ее с демонстративнoехидным видом.

— А какова, мсье Карабанов, система наказаний в вашем детском доме?

— Основной принцип нашей жизни — один за всех, все за одного. Мы хотим, чтобы человек учился отвечать не только за свои поступки, но и за поступки своих товарищей. Наказание у нас — большая редкость. И это прерогатива самого коллектива. Однако отношения в нашем коллективе строятся на полном доверии и уважении друг к другу.

Настоящее доверие должно быть во всем. Именно на таком цельном доверии построена жизнь в нашем Клемёновском детском доме. Так было и во всех других детских учреждениях, куда посылали меня работать. Мне помогают старшие воспитанники, а они опираются на подрастающий актив в отрядах. Это традиция Макаренко.

— Чем, мсье Карабанов, заняты ваши дети, помимо школьных занятий?

— У нас десять гектаров земли, свои огороды и сады. Овощами и фруктами ребята обеспечивают себя сами. Есть лошади, свиньи. За животными тоже ухаживают ребята. Есть у нас и мастерские, где можно получить некоторые рабочие навыки. Хороший спортзал, гараж, свои автобусы. Летом мы поотрядно выезжаем на отдых. Были в Прибалтике, в Крыму, а в этом году ребята поедут на Кавказ — по городам Черноморского побережья.

— Сколько детей выпустили вы в этом году в жизнь и как они устроились?

— В этом году мы выпустили сорок воспитанников и столько же получили новеньких. Девять выпускников, окончивших 10-й и 11-й классы, пошли в институты, еще двенадцать, окончивших 8-й класс,— в техникумы, а остальные пошли в производственно-технические училища. Несколько выпускников зачислены в педагогический институт. Это тоже наша старая традиция, традиция Макаренко. Бывшие наши воспитанники, которые решили стать педагогами, нередко проходят практику в нашем детдоме. И мы тоже чем можем помогаем нашим студентам, хотя государство обеспечивает их всем необходимым. Они наши. Куда бы и как бы далеко они от нас ни ушли, все равно мы в ответе за них навсегда. И у них, у большинства наших воспитанников, связь с родным домом крепкая, на всю жизнь.

— Но ведь бывают и исключения, мсье Карабанов?

— Бывают, конечно. Это случается и в семье. Мы относим это за счет своих недостатков в воспитательной работе.

— Какой, мсье Карабанов, по-вашему, самый большой недостаток воспитателя?

— Бездушие. К воспитанникам надо относиться, как к собственным детям. Нельзя быть воспитателем, если ты не можешь относиться к ним, как отец,— строго, требовательно, но с любовью... Я довольно часто спрашиваю себя: а так ли я поступил бы со своим кровным сыном или дочерью?

С. А. Калабалин, кроме родных детей, воспитал в своей семье восемь приемных. Всего было пятнадцать. Дети шести разных национальностей. И никто ни в чем никогда не заметил разницу в отношении к «своим» и «чужим». Все были родные для Семена Афанасьевича и его супруги Галины Константиновны, такого же замечательного педагога и человека.

— Сорок лет жизни воспитателя,— говорит напоследок Семен Афанасьевич,— мы старались заполнять тем богатством, которое получили от Макаренко в наследство. Меня часто спрашивают: «Коротко, в двух словах, что такое метод Макаренко?» Я отвечаю: сам Макаренко! Его прекрасная жизнь, самозабвенное творчество, любовь вся, без остатка детям. Если бы каждый педагог жил и поступал, как он, это было бы полное торжество советской педагогики.

Имя Жака Ива Кусто — замечательного французского исследователя подводного мира широко известно в Советском Союзе. Сегодня мы публикуем его статью, присланную ученым специально для «Огонька», об одном из его последних блестящих экспериментов.

Жак Ив КУСТО

НОВАЯ АТЛАНТИДА

Шесть молодых французов-океанавтов завершили недавно исследования нового континента, по размерам большего, чем Африка, и почти такого же, как Азия. Вот что на самом деле означает эксперимент на Преконтиненте III. Этим историческим экспериментом человек добавил к сокровищнице своих познаний еще одну территорию — континентальное плато, естественное продолжение суши, но скрытое водами океанов и морей.

В течение 23 дней океанавты вели очень сложную и очень трудную работу, находясь в своем подводном доме на глубине 110 метров. Их путешествие было необычайно интересным и необыкновенно утомляющим.

Преконтинент — сложная подводная станция весом в 130 тонн, жилая часть которой представляет собой шар в черно-желтую клетку диаметром 6 метров.

В течение всего эксперимента подводная станция была связана кабелем с центральным пунктом управления, расположенным на маяке мыса Ферра и далее при помощи радиоволн — с электронным мозгом Океанографического музея в Монако. Мы предупредили океанавтов, что наше наблюдение жизненно необходимо для них и что оно будет настоящим подглядыванием. День и ночь они будут находиться в поле зрения телевизионных камер, а команды на поверхности будут заносить в дневники малейшие их движения, каждое их слово. Сами же океанавты во время ночных вахт записывали свои впечатления в собственные дневники. Во время уменьшения давления на станции каждый из них также ответил на целый ряд вопросов, порой нескромных. И теперь благодаря обширной документации я пишу мой первый отчет об этом эксперименте...

Рассказ о Преконтиненте III — дело самих океанавтов

Вот те, кто пережил и сам описал это необычайное путешествие: Андре Лабан, 37 лет, глава экспедиции, инженер и директор французского Управления по подводным исследованиям; Кристиан Бонничи, 39 лет, Раймон Колл, 27 лет, и Ив Омер, 24 года,— все трое испытанные ныряльщики, любители подводного спорта; Филипп Кусто, 24 года, кинематографист и фотограф; Жак Роллэ, 28 лет, физик Океанографического института в Монако.

Когда люк закрылся за ними...

«Какова была ваша первая мысль, когда люк закрылся за вами, и, как вы знали, надолго?»

Привожу несколько ответов. «Наконец». «Наконец началось». «Я с трудом осознаю, что в этот раз я здесь, так как на Красном море я входил всего лишь в состав интендантской службы». «Быстрее на стометровую глубину».

...Порт Монако. Целая армия техников соединяет с кораблем 143 баллона с сжатым гелием, чтобы затем перелить их содержимое в Преконтинент III. Давление поднимается, и шесть океанавтов зажимают нос, чтобы уменьшить мучительную боль в ушах. У них есть три дня для того, чтобы обжить свой новый двухэтажный дом. На втором этаже находится общая комната, имеющая форму полушария, она служит одновременно и салоном и столовой, кухней и лабораторией. На первом — вход (дверь которого не что иное, как шлюзовая камера, открывающаяся в полу), спальня, санузел, внизу — трюм... Три дня, чтобы привыкнуть к давлению и поиграть с их новыми непривычными утиными голосами.

Проделки гелия

Легкий нейтральный газ гелий заменил в воздухе, которым дышат океанавты, азот. Преимущество его заключается в том, что он снимает состояние опьянения при погружении, а также улучшает вентиляцию легких. Но во время всего эксперимента гелий не прекращал играть с океанавтами всевозможные шутки. Прежде всего в среде гелия голос становился утиным, едва различимым. Дело в том, что голосовые связки при такой плотности воздуха и этом составе работают совершенно иначе. Океанавты пишут следующее:

«В первый же вечер я просто выбился из сил, заставляя себя понять... Я был доведен до исступления, слыша свой собственный голос». Или же: «Спустя три дня мы начинаем привыкать к нашим новым голосам, не знаю, наш ли слух или голосовые связки немного адаптировались». «В каком-то отношении гелий смягчает нравы. Например, сегодня вечером я, разъяренный, обратился к..., который смотрел на меня удивленными глазами. Моя ярость перешла в добродушный смех. И, наоборот, за столом наши лучшие шутки теряют всю соль... их надо несколько раз повторять...» «Сегодня вечером я сделал открытие: лягушки в среде гелия мяукают, как маленькие котята» (Океанавты взяли с собой на борт станции двух красных рыбок, которые очень быстро погибли, и двух лягушек, которые прекрасно перенесли все изменения; они даже попрятались неизвестно куда, и потребовалась настоящая охота за лягушками, чтобы их найти. Одна спряталась в раковине, другая — в химической лаборатории.)

Условия жизни в воздушной смеси с преобладанием гелия, при давлении в 11 атмосфер, совершенно отличны от обычных, к которым мы привыкли. Вода закипает только при температуре 170°. Очень трудно сварить яйцо вкрутую. Гелий в 70 раз лучше проводит тепло, чем атмосферный воздух, поэтому все очень быстро охлаждается. Невозможно чинить электронную аппаратуру при помощи обычного паяльника. Невозможно закурить трубку или сигарету. Меняются ощущения: вкус, обоняние. Для того, чтобы океанавты чувствовали себя нормально в подобных условиях, придется постоянно поддерживать температуру в 32 градуса (на 10 градусов выше, чем рекомендуется в комнате больного!).

Гелий — летучий газ, он проникает повсюду: в изоляционные материалы, которыми отделан наш шар, в специальные костюмы из пористого каучука, предназначенные для ныряния, в манометры, что делает их непригодными, газ проникает в телевизионные трубки. В три-четыре дня телевизионное изображение на экране бледнеет, а затем совсем исчезает.

Гелий проник даже в герметические часы океанавтов, нарушив их работу. А на 30-й день, когда давление начало уменьшаться, во время последнего обеда в шарообразном доме, многие часы просто взорвались, с шумом выбросив стекла циферблата.

Спуск

И вот началась самая сложная и кропотливая морская операция из всех виденных мной.

Над тем местом, где произойдет погружение, покоятся два подъемных крана на понтонах ЛАБОР и ФИЗАЛИ. 500-метровая змея соединяет ФИЗАЛИ с мачтой, возведенной на краю мыса Ферра. Эта змея — электрический кабель под напряжением в 1000 вольт, в нем и телевизионный кабель и различные провода связи.

«Ныряющее блюдце», наша маленькая подводная лодка, предназначенная для разведки, спущена на воду Альбертом Фалько.

Начинается спуск. ЛАБОР медленно отпускает нейлоновый кабель, в то же время ФИЗАЛИ следит, чтобы носовая часть Преконтинента была обращена на запад, а ныряльщики поочередно выпускают воздух из металлических поплавков, чтобы одновременно опускался и электрический кабель.

На мысе Ферра океанавтов уже видят на двух телевизионных экранах. Марселен связывается при помощи передатчика с Преконтинентом для того, чтобы океанавты были в курсе всех операций. Для чего все эти предосторожности? Дело в том, что место проведения эксперимента было выбрано на самом краю континентального плато вдоль обрыва, который переходит в подводный каньон Вильфранш. Здесь находится очень небольшая плоская площадка, а дальше — пропасть. Была необходима точность маневрирования до одного метра. И только лишь блюдце под управлением Фалько могло управлять этими акробатическими действиями, отдавая команды двум плавучим кранам. Наконец с блюдца передали: победа! Коснулись дна как раз в том месте, где и предполагалось!

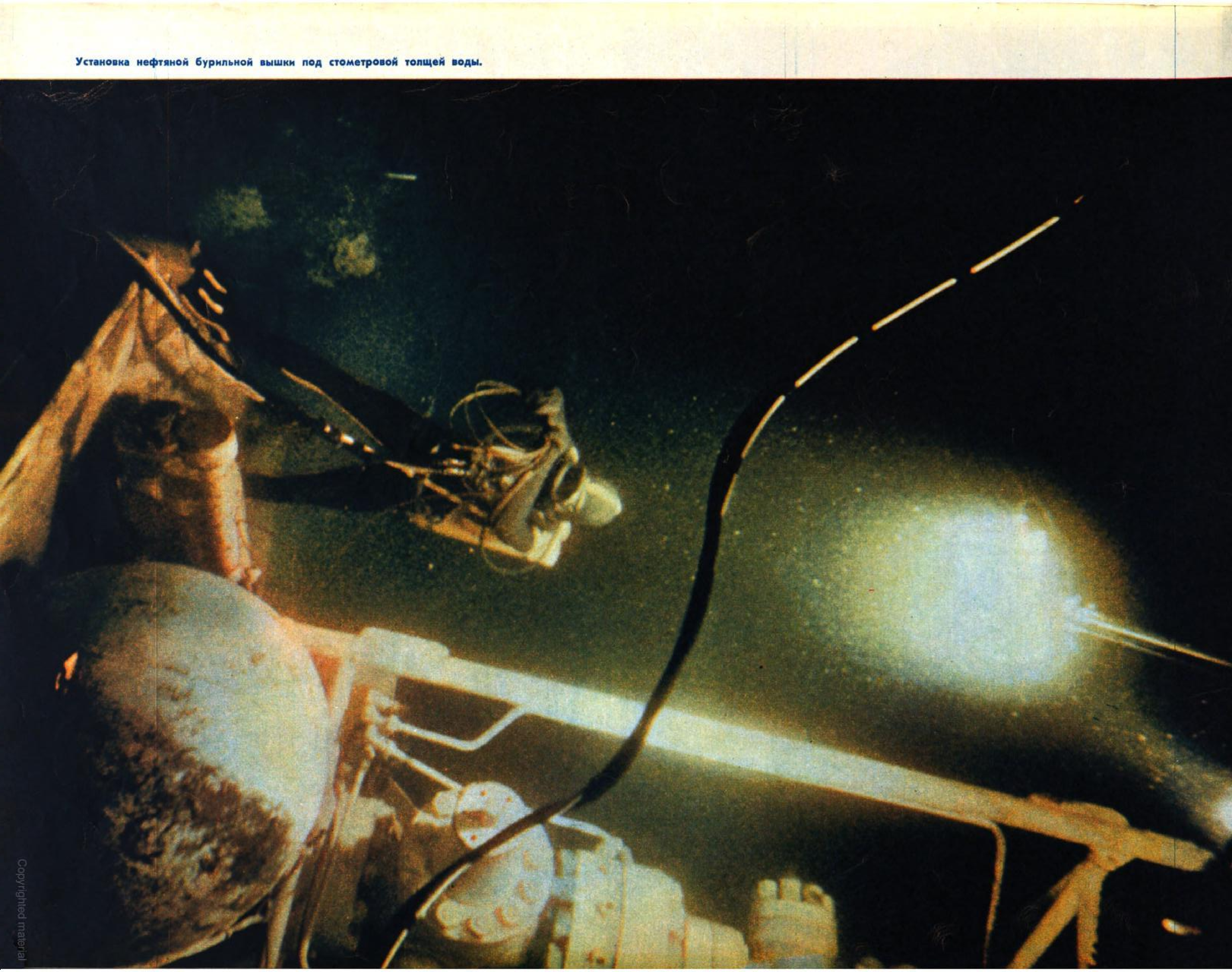
Не видя, что происходит вокруг них, океанавты только слышали, что происходит. В тот же вечер Лабан писал: «21-е число было самым длинным днем. Физически мы не устали, так как полностью отдались в руки наземной службы. С того момента, как наш дом был соединен с мысом Ферра, мы получили возможность следить за ходом операции по радио. Я представил себе Марселена с трубкой во рту, отдающего на все стороны приказания. И в этот раз, казалось бы, в беспорядочной обстановке все проходило без всякой паники. Опыт, практичность, интуиция, умение коллективно работать побеждали там, где, казалось бы, нарушалась дисциплина».

Окончилось погружение, папы!

Такие слова с гордостью написал на титульном листе бортового журнала глава экспедиции Андре Лабан.

Утром океанавты довели давление внутри дома в соответствие с давлением окружающего их моря на глубине 100 метров. А после этого один из них записал: «Дверь открыта...

Установка нефтяной бурильной вышки под стометровой толщей воды.

Наш дом в пучине моря.

Обед на глубине 100 метров.

открыта в пучину кристальных ледяных и черных, как ночь, вод».

В полном снаряжении океанавты походят удивительным образом на своих двоюродных братьев-космонавтов. Один из океанавтов так описывает свое первое погружение:

«Как только я покинул наш шарообразный дом, одна вещь меня сразу же поразила — отсутствие поверхности. Меня окружает ночь и холод, и еще—маленький луч фонарика, который теряется во всех направлениях и освещает лишь плоское серое дно и наш дом (О! Как я люблю наш дом!). И, конечно, основное — отсутствие пузырей. За 20 лет погружений на глубину я привык к пузырям. И я думаю, что для меня, как и для всех, пузыри — это пламенная поэзия, радость, жизнь. Сейчас поэзия повсюду, но молчаливая, тяжелая, и сразу трудно к ней привыкнуть. Нынешнее погружение — полный отказ от прошлого. Это одновременно прекрасно и печально. Нужно переучиваться или, точнее, учиться нырять заново. Трубки заменили пузыри, дно — земную поверхность, ночь — день, нужно найти способ защищаться от холода и забыть свой страх...»

На борту Преконтинента океанавты имеют запас газа и продовольствия как раз на месяц. Но необходимо разрешить проблему доставки почты, газет и множества запасных частей для частой починки оборудования. Этот вопрос был решен таким образом: герметические контейнеры прикреплялись к лифту с регулируемой плавучестью, который погружался и поднимался вдоль кабеля-гида.

Буря. Наводнение

«Кажется, там, наверху,— буря. Да такая, какой не было уже с 1947 года. Нам сообщают, что платформа сорвана с якоря, ослабли крепления мачты, к которой прикреплены все наши кабели. Товарищи, наверное, рисковали жизнью, чтобы спасти то, что могло быть спасено, несмотря на разбушевавшееся море. Главный передал нам советы о предосторожности и даже предупредил о возможном подъеме на случай, если произойдет обрыв кабеля...»

А вот что пишет другой океанавт:

«Во время моего ночного дежурства пропало электричество. Это из-за грозы, сообщили мне сверху. Все моторы замолчали, какая поразительная тишина! И все же есть столько различных шумов, которые неприятны, так как не знаешь, что это такое и откуда они исходят. Стало очень холодно, отопление не работает. С электрическим фонариком в руке я спускаюсь по лестнице. Бросаю взгляд на шлюзовой выход. Вода из него просачивается в дом. В трюме просто Ниагара. Не очень весело. Приличная порция гелия, и поток отступил. Мгновенное охлаждение нашей атмосферы уменьшило и ее объем. Когда электричество было починено, я почувствовал себя лучше...»

Гигантская пробка

Основной задачей океанавтов была установка и демонтаж головки нефтяного бура под искусственным давлением, создаваемым резервуаром сжатого воздуха. Наша команда перед этим уже тренировалась, устанавливая точно такой же бур под Марселем на 10-метровой глубине. Теперь оставалось доказать, что эта тонкая и трудная работа может быть проделана и на глубине 110 метров. Головка бура весит около 6 тонн. Ее спуск был задержан из-за бури. Ветер спал, но на море еще была большая зыбь.

«...Огромный предмет опускается и поднимается на несколько метров, повторяя волнение моря на поверхности, совсем как гигантская пробка. Каждый раз он вспахивает дно, поднимая огромные тучи ила, которые уносит течением, взлетает на 5—6 метров и снова падает. Он оставляет на дне огромные следы, словно следы какого-то доисторического животного».

Вскоре бур был установлен, смонтирован, в него было подано давление... Начинались самые трудные операции, как раз в это время врачи потребовали от океанавтов пройти ряд медицинских и психотехнических тестов. Решение вызвало иронический комментарий одного из испытуемых, который писал: «Теперь нам надо проделать необычайно тонкую работу—продеть струну от пианино через целый ряд маленьких соединений, находящихся внутри металлической капсулы. Долго нам пришлось мерзнуть, делая все почти неподвижно, чтобы при помощи наших обледенелых пальцев разложить этот бесконечно длинный пасьянс. Наконец, усталые, мы возвращаемся и узнаем, что там, наверху, д-р Б. хочет проверить нашу ловкость и сноровку, заставив нас продеть нитку в игольное ушко!..»

Алло! Тихий океан! С вами говорит Средиземное море!

Установлена телефонная связь на расстоянии 12 тысяч километров между американскими акванавтами со станции Си Лэб, спущенной на глубину 62 метра в районе Сан-Диего, и нашими океанавтами с Преконтинента III, которые живут и работают на глубине 100—120 метров в районе мыса Ферра. Чтобы избежать изменения голоса, вызванного гелием, наши океанавты пользуются НЕОВОКСОМ: они говорят, дыша через подушку со смесью кислорода и неона. Неон значительно исправляет голос, но это просто роскошь. Намекнув на приблизительную стоимость неона, один из океанавтов сказал: «Мы дышим золотом».

Связь хорошая, и мы делаем ее запись. Жаль, что взаимная вежливость несколько испортила дело: французы пытаются говорить по-английски: последние предоставляют слово лучшему среди них «французу». К концу разговора, когда ошибка становится очевидной, раздается взрыв хохота.

Напряженные дни. Последний прыжок в ночь

Кроме оборудования собственного жилища и территории вокруг него, кроме посылки различных предметов с Преконтинента на землю и наоборот, кроме проведения нефтяных работ, океанавты провели три научных исследования. Первое касалось искусственной продуктивности моря на глубине 100 метров, второе — радиоактивности и третье — завихрений водного потока. Все время океанавты постоянно подвергались медицинскому и психотехническому осмотру на расстоянии и, главное, должны были бороться с тысячами мелких и крупных повреждений электронного и механического оборудования.

Накануне подъема глава экспедиции Лабан в последний раз покинул станцию. Он описывает это так: «Было полпервого ночи, один на глубине 100 метров, я чувствую себя совсем маленьким, раздавленным реальностью моего положения. Передо мной открывалась великолепная картина. Я плыл над молочным свечением подводных оранжерей Бруарделя, почти надо мной наш светящийся дом как бы в дымке, и вдали четыре огня у скважины. Они напоминают Южный Крест. Я здесь на вершине треугольника звезд. Но мое восхищение омрачается грустью, так как я вижу этот спектакль в последний раз. Меня охватывает сожаление, что у меня не было времени просто так погулять, как турист, и осмотреть все кругом. Ужасно то, что мы прожили здесь так же, как это делают тысячи людей на земле: работают, едят, спят, не зная отдыха. Конечно, только поэтому наш эксперимент удался, но все же хорошо было бы просто так погулять. Но, признаюсь, у меня раньше не было даже такого желания — иногда от холода, иногда от усталости, которая клонила ко сну».

Подъем

Было предусмотрено, что после того, как закроется люк, океанавты сами спровоцируют подъем Преконтинента, сбросив 35-тонный груз чугунных болванок. Необходимо, чтобы они оставались под давлением одиннадцати атмосфер во время всего подъема и захода в порт. Значительная утечка газа в случае, если бы люк был негерметичен, означала бы для шести молодых людей верную смерть. На поверхности, как и на морском дне, мы все подчиняемся закону гравитации. Лабан пишет в своем дневнике: «После нескончаемых приготовлений мы готовы закрыть дверь — символический жест, но я все же скрупулезно проверяю все, так как от этого зависит наша жизнь. Я не волнуюсь, но я знаю, что если есть опасность для нас, то она не при погружении, а во время подъема. Люк будет герметичен. Я это гарантирую».

Наступает критический момент. Со своего командного поста на мысе Ферра я связываюсь по телефону с океанавтами и по радио с кораблями нашей маленькой флотилии во главе с капитаном Алина: Калипсо, Лабор, Эспадон, Винаретта, Сенжэ... и «ныряющее блюдце». Рядом со мной стоит инженер Ив Буске. Это он сконструировал Преконтинент. Блюдце, управляемое по-прежнему Фалько, опускается, чтобы следить за подъемом. Его пассажир Жорж Алепе очень взволнованно описывает, что происходило на борту блюдца на 100-метровой глубине: «...Прижав к уху телефонную трубку, я слышу далекие команды. Вытянувшись к иллюминатору, я думал о том, что скоро упадут черные бруски и это огромное металлическое строение начнет всплывать. Но когда? Как? С какой скоростью? Вместе с Бебером мы буквально вскрикнули, увидев огромное количество рыбы, которая стояла неподвижным косяком как раз в том месте, куда должен был обрушиться груз. Повернув головы в одну сторону, они, казалось, ждали выстрела стартера, чтобы пуститься в марафон. В этот момент мне казалось, что я поставил все свои деньги на рулетку и что игра моя идет из рук вон плохо. Бебер мне крикнул, что, когда подъем произойдет, это будет, наверное, впечатлительно. С другого конца телефона Гастон повторял: «Сейчас это произойдет». И это произошло. Но не так быстро, как это обещал Гастон. Зато эффектно, как предвидел Бебер.

У меня было такое впечатление, будто грузовик с песком ошибся и выбросил свой груз с 10-этажной высоты. Мгновенно я стал очевидцем «атомного» взрыва. Я крикнул в телефон: «Гастон, началось!» В то же самое время камера стала сумасшедшей. Тысячи рыб бросились врассыпную, прижимаясь к нашему блюдцу. Огромная, бесформенная туча поднялась, поглощая все своей серой грязью. Через некоторое время я наконец заметил нечто черное на дне, что должно было позволить станции подняться».

В то же самое время в шарообразном доме Лабан писал: «Маневрирование идет последовательно, все это я множество раз мысленно повторял. Я чувствую себя одновременно и командиром и главным механиком корабля без винтов. Ручка подъема доведена до отказа. После того как наш дом, освобожденный от груза, даже не сдвинулся с места, я остаюсь спокоен. Сверху нам советуют выпустить немного воздуха из центральных балластов. Мне это не по душе... Но что поделаешь...»

Алепе рассказывает, находясь в блюдце: «По-прежнему слушаю внимательно телефон, я слежу за продолжением операции, которая проходит при невероятном спокойствии. Я ничего не понимаю. Станция изучалась в течение долгих месяцев ребятами, которых я теперь прекрасно знаю. Вот почему я не мог понять, что происходит. После долгого молчания я обратился к Беберу: «Невероятно. Не останутся же они там, в этой тине!» Я не сразу получил от него ответ...»

«Мы были там уже почти два часа, устремив усталый взор на какой-нибудь предмет, могущий засвидетельствовать начало подъема... Я прислушивался также к разговору, который шел между мысом Ферра и кораблями, готовыми вмешаться, я также слышал странные прерывистые шумы ныряющего блюдца.

И вдруг я крикнул: «Он двигается!» «Кто двигается?»— спросил меня Бебер. «Дом, мне кажется так... Посмотри на маленькую цепочку...» «Ты прав. Он поднимается!»

Блюдце начало следить за станцией, которая поднималась с ускорением, да еще с таким, что вскоре я видел ее в верхний иллюминатор, уменьшающуюся, превратившуюся в детский шарик, который улетал в небо...»

Профессор **А. ГОНЧАРОВ**

УВАЖЕНИЕ СОБСТВЕННОГО

Вы берете в руки книгу и, полистав ее, равнодушно кладете обратно. Вы еще не знаете ее содержания, почему же вам не захотелось читать ее? А бывает, что ваш взгляд задержался на переплете, затем вам понравился титульный лист, на страницах шрифт красиво сочетается с белым полем, а орнаментальная виньетка в конце главы удивительно точно расположилась на странице и подчеркивает завершенность композиции. Вы во власти приятного чувства, которое возникает у человека, когда он слушает хорошую музыку, смотрит на хорошую картину. Книга — тоже произведение искусства. И весь ее облик, ее художественная структура имеют свои законы гармонии.

Вот об этом искусстве — искусстве сделать книгу — я и думал, знакомясь с последними полиграфическими произведениями издательства «Искусство».

Мне представляется самым сложным оформлять книги о своих собратьях по творчеству. В этом случае художник-оформитель должен обладать большой скромностью и иметь мужество остаться незамеченным. Ведь надо представить читателю наилучшим образом работы того художника, о котором говорит монография.

Я много лет слежу за изданиями «Искусства».

На последней международной выставке книги, которая проходила в Лейпциге, я с удовольствием не раз слышал добрые отзывы о наших изданиях по искусству и во время заседания жюри и в разговорах около стендов. Это мнение не раз находило отклик и в наградах международных выставок.

Советская графика в ее поиске реалистических путей, современного стиля, современного языка завоевала признание в Европе. Наибольшим вниманием отмечено творчество Владимира Андреевича Фаворского.

Нам, ученикам и почитателям Фаворского, особенно радостно было увидеть первый большой труд об этом мастере. Написал монографию Ю. Халаминский. Макет книги сделан по эскизу Л. Штейнера, а суперобложку и переплет выполнил Б. Сысоев. Монография издавалась в последний год жизни Владимира Андреевича. К нему приходили, показывали макет, верстку. Художник, уже тяжелобольной, помогал издателям своими замечаниями, советами. Он хотел, чтобы книга была простой, строгой и скромной, чтобы она отражала его собственное представление об изобразительной структуре полиграфического произведения. Поэтому Владимир Андреевич просил не загружать шрифтами, рисунками шмуцтитулы и спусковые полосы: белый цвет бумаги, так считал Фаворский, должен звучать как один из основных компонентов оформления.

И книжка о Фаворском получилась. С его гравюрами, рисунками, скульптурой, мозаикой, эскизами театральных декораций и костюмов, монументальной живописью—со всем этим можно познакомиться, рассматривая иллюстрации. Создатели книги стремились представить перед читателем по возможности всесторонне многогранное творчество мастера. Фотографии этого прекрасного, ясного и чистого человека, подлинно отдававшего свою жизнь творчеству, завершают оформление и дополняют представление об облике художника.

Мне приятно вспоминать, что подготовка этой книги, рассматривание готовых листов, разговоры, связанные с выходом монографии, радовали Владимира Андреевича. К сожалению, случилось так, что он из-за тяжелой, неизлечимой болезни не смог побывать на своей большой выставке, открытой в залах Музея изобразительных искусств имени Пушкина, и не увидел готового издания своей монографии. Книга вышла через три дня после его смерти.

Не следует думать, что этой первой монографией исчерпывается исследование творчества крупного советского мастера. Очень хорошо, что издательство «Детская литература» недавно выпустило сборник статей Фаворского, в которых он сам рассказывает о своем творчестве. Подготавливается к печати сборник его теоретических сочинений, пишется несколько новых монографических исследований. Мне представляется важным выпустить в свет письма Фаворского и письма к нему деятелей советской культуры, опубликовать воспоминания о нем, чтобы создать наиболее полное представление о личности этого художника.

«Должно приучать Россиан к уважению собственного»,— так писал Н. М. Карамзин. «Вкус не может быть правильно развит на одних только новейших произведениях. Необходимо изучение всего художественного предания, завещанного нам от прошедших времен»,— сказал Ф. И. Буслаев. Эти две цитаты писателя и ученого взял А. Н. Свирин в эпиграф своего труда «Искусство книги Древней Руси». Умное исследование в малоисследованной области. Мастера рукописной книги обладали глубокой художественной культурой. Их творчество было правдиво, поэтому миниатюры, а порой и орнамент приносят нам сведения о реальной жизни того времени. Так как миниатюры редко подвергались реставрации, они сохраняют документальность. Свирин ведет с читателем умный, живой разговор, и, сообщая о художественной ценности рукописей, он толково преподносит новый историко-бытовой материал. «Полнота понимания древнерусского искусства не мыслится без знания этой чрезвычайно обширной, яркой и глубоко национальной стороны русской художественной культуры»,— пишет Свирин, и с ним нельзя не согласиться. Могу только добавить, что люблю брать в руки эту книгу и внимательно рассматривать одну за другой миниатюры, к слову сказать, весьма неплохо репродуцированные. Еще раз вспомнив слова Карамзина и Буслаева, я с удовлетворением отмечаю, что издательство «Искусство» довольно часто посвящает свои издания творениям русской классики, иконе, фреске.

Правда, наше искусствоведение, к сожалению, еще редко обращается к исследованию одного произведения, и поэтому особенно ценно, что М. В. Алпатов взялся серьезно изучить и описать в большом труде только один памятник древнерусской живописи — икону «Апокалипсис». Она сложна и содержательна. Мы знаем немало зарубежных изданий, посвященных определенному произведению. Например, фреске Микеланджело «Страшный суд», написанной им в Сикстинской капелле в Ватикане, посвящено несколько исследований. Несомненно, и русское искусство заслуживает такого же внимательного к себе отношения.

Икона «Апокалипсис» находится в Успенском соборе Московского Кремля. К сожалению, история не сохранила нам имя ее автора. Но одного произведения достаточно, чтобы сказать: это был художник яркого и индивидуального дарования.

Книга М. В. Алпатова — блестящий рассказ о времени, о культуре народа и о прекрасном искусстве. Несмотря на то, что исследование серьезное, специальное и, казалось бы, предназначено для искусство-

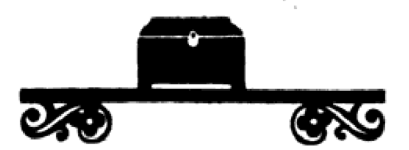
ЖЕМЧУЖИНЫ МУДРОСТИ НАРОДНОЙ

Издание пословиц в нашей стране насчитывает примерно двести лет. Многие десятки сборников твердо вошли в литературу и науку. За последние годы в разных областных издательствах, в Москве и Ленинграде также было издано несколько подобных книг, разных по тематике и объему.

Издательство «Московский рабочий» выпустило еще одну книгу русских пословиц и поговорок. В ней приведено около 14 тысяч жемчужин народной мудрости. Это один из самых содержательных и самых больших из сборников такого рода, изданных за последние сто лет. По богатству собранного материала его следует поставить на второе место после далевских «Пословиц русского народа», изданных в 1862 году, а переизданных в последний раз в 1957 году — с предисловием М. Шолохова.

Пословицы и поговорки обогащают речь, придают ей живость, образность, афористичность, красочность. Классики русской литературы Крылов, Пушкин, Грибоедов, Гоголь, Некрасов, Салтыков-Щедрин, А. Островский, Л. Толстой, Горький, Чехов и другие широко пользовались народными изре-

Русские народные пословицы и поговорки

«Русские народные пословицы и поговорки». Составил А. М. Жигулев. Издательство «Московский рабочий». 1965.

И СНОВА В ДОРОГЕ

Виктор Полторацкий. В дороге и дома. Издательство «Советская Россия», 1966.

Недавно вышедшая книга Виктора Полторацкого «В дороге и дома» включает лучшие прозаические произведения писателя, рассказывающие о наших советских людях, о русской земле, которая питает его творчество. Его страсть к путешествиям, жажда открытий и познания дают ему богатый материал для наблюдений. Вот так, из этих поездок по родной земле и другим странам, сложилась книга повестей, рассказов и путевых очерков «В дороге и дома». Читатель, вероятно, помнит, что книга с таким названием уже выходила много лет назад и была от-

чениями, видели в них неисчерпаемый родник мудрости народа. В свою очередь, многие образные выражения лучших писателей стали крылатыми словами и пословицами. К пословицам и поговоркам постоянно обращались великие революционные демократы — Белинский и Чернышевский. Добролюбов сотни пословиц записал непосредственно в народе и широко применял их в литературной критике. Общеизвестна любовь к мудрым народным изречениям В. И. Ленина; в его сочинениях использовано много пословиц, поговорок и метких крылатых слов. А. М. Горький считал устное творчество многомиллионного народа бессмертной поэзией — родоначальницей книжной литературы.

Книга А. М. Жигулева будет полезна в творческой работе писателей, учителей, воспитателей, а также в пропаганде.

Достоинство нового сборника состоит и в том, что он хорошо составлен. Есть несколько способов расположения материала в подобных сборниках. Принятый в этой книге принцип классификации пословиц следует признать вполне удачным: он дает возможность быстро найти нужное изречение. Для этого стоит только заглянуть в оглавление книги, где указаны слова-темы.

А. АНИКИН

ПРАВДИВОЕ ПЕРО

Ивану Шухову 60 лет. Но сейчас хочется вспомнить Ивана Петровича в те годы, когда ему еще не было и двадцати пяти, когда он стал автором двух превосходных романов.

О первой из этих книг Максим Горький писал Шухову: «Вы написали очень хорошую книгу, это неоспоримо. Читая «Горькую линию», получаешь впечатление, что автор — человек даровитый, к делу своему относится вполне серьезно; будучи казаком, находит в себе достаточно смелости и свободы для того, чтобы изображать казаков с беспощадной и правдивой суровостью, вполне заслуженной ими. Вам 25 лет, пишете вы о том, что видели, когда вам было 12 лет, и разумеется, вы не могли видеть всего, что изображается вами. Но когда читаешь вашу книгу — чувствуешь, что вы как будто были непосредственным зрителем и участником всех событий, изображаемых вами, что вы как бы подслушали все мысли, поняли все чувствования ваших героев...»

Горькая линия... Так некогда назывался государственный рубеж, обжитой казаками. Шухов родился на этой горькой линии, в семье коренного сибирского казака, который всю жизнь гнул спину на мироедов, жил не богаче и не краше «иногородца». На таких-то и опирались большевики в борьбе за казачество — бывших «слуг царских». Трудные и трагические судьбы сибирского казачества, которое вступило на путь революции, показаны в «Горькой линии» с большой силой правды.

Вторую из книг молодого Шухова также похвалил М. Горький. Это был роман «Ненависть», по праву вставший в ряд известных произведений о социальном переустройстве крестьянства.

М. Горький редактировал и третий роман И. Шухова — «Родина». В этой книге писатель как бы открывает ту тему, к которой он сам вернется и вся наша литература придет через четверть века,— тему трудового героизма на освоении целины.

Из других книг Ивана Шухова хотелось бы отметить роман «Действующая армия», развивающий тему «Горькой линии», а также очерковые книги послевоенных лет, среди них лучшие — о целине. В очерках Шухов щедр, как щедра земля, которую он с любовью живописует. И нам понятен его восторг, когда он вспоминает: «Перепелиные переклички в утомленных ветровой зыбью хлебах... Светловолосые, сквозные березовые перелески... за версту пахнущие шиповником, вишняком, сырыми груздями. Серп ущербного месяца, отраженный в зеркальных осколках заросшей кугой и осокой, беспечно слонявшейся меж хлебами и травами приблудной речушки... Сон под звездами, в скирдах свежего сена, истомившего за ночь душу нежными, полными светлой печали запахами...»

И. Шухов живет в Казахстане и много лет сотрудничает с казахскими товарищами-писателями. Он мастерски перевел на русский язык ряд сочинений М. Ауэзова, Г. Мусрепова, Г. Мустафина, С. Муканова. Уместно, мне кажется, отметить еще и то, что Иван Шухов — инициативный и смелый редактор одного из самых интересных республиканских русских журналов «Простор» (Алма-Ата), который в последние годы поистине выходит на всесоюзный простор, к большому читателю.

Алексей ПАНТИЕЛЕВ

мечена Государственной премией. Название, характеризующее склонность автора к дорогам, к путешествиям и открытиям, осталось прежним. По содержанию же новая книга значительно шире. Автор с особой художественной выразительностью передает влюбленность в свой родной край, в Мещеру, Владимирское ополье и в Синеборье. Путешествуя вместе с автором, читатель встречается с хорошими людьми, населяющими эти живописные уголки нашей страны, людьми труда, творящими прекрасное на земле.

Повесть «Киношники», открывающая книгу, стоит в ряду лучших и самых поэтических произведений автора, написанных о жизни колхозного села. Ее язык чист, скуп и точен, образы героев колоритны и тщательно выписаны. В ней рассказывается о событиях, участниками которых являются три парня, неутомимо разъезжающие по колхозам с кинопередвижкой.

В таком же ключе написана и повесть «Зеленая ветка» — о людях и природе Мещеры, о том, как изменилась она за годы Советской власти. Легко дышится в этом благословенном и благодатном краю. Там, у заветных Трех ключиков, у свежей родниковой «живой воды», из сокровенных глубин самой жизни и берет автор материал для своего творчества.

Последние страницы книги представлены путевыми очерками. Часть зарубежных очерков, вошедших в книгу, посвящена Франции и Америке. В. Полторацкий обращает свое внимание в очерках на важнейшие факты общественной жизни этих стран, дает им политическую оценку, в поле его зрения попадает главное и основное. Они полны метких наблюдений, публицистической страстности.

О чем бы ни писал автор, к каким бы сторонам нашей действительности ни обращался, он всегда на переднем крае жизни. Герои его произведений — люди труда: колхозники, механизаторы, рабочие, выхваченные из гущи народного бытия,— впечатляют своей душевной красотой, правдивостью, естественностью своих поступков. Новой книгой В. Полторацкий подчеркивает свою верность правдивому изображению жизни и продолжает тему большой дороги в мир светлых открытий.

Виктор ШИШОВ

Из монографии о В. А. Фаворском.

ведов, книга будет прочитана с неослабевающим интересом в самом широком кругу читателей, всеми, кто обладает некоторой любознательностью и любовью к родному искусству.

Мне представляется, что подобные издания найдут большой спрос и за рубежом. Наша история живописи и графики располагает такими ценностями, которые могут и должны быть показаны зарубежному читателю — ценителю изобразительного искусства.

Портретная живопись — сильная сторона русского искусства, она занимает значительное место в истории мирового изобразительного искусства. Почему в России так счастливо сложилась судьба портретного жанра? Я думаю, потому, что русское искусство всегда было демократичным. А портрет — это область искусства, особенно активно утверждающая ценность человеческой личности. Свое внимание к этой области живописи и скульптуры издательство «Искусство» выразило, выпустив «Очерки по истории русского портрета конца XIX — начала XX века». Этот жанр изобразительного искусства должен продолжать жить и развиваться и в наше время. Его нельзя заменить фотографией. Поэтому очень полезно привлечь внимание к работам выдающихся русских мастеров портрета. Текст сопровождают хорошо воспроизведенные живописные и скульптурные произведения. Но весь облик книги несколько старомоден. Видимо, вина и в шрифте, и в расположении иллюстраций, и в том, что мало фрагментов, деталей картин. В общем, оформительские достижения, которые уже превзошли и советские и зарубежные издания по искусству, здесь мало использованы.

Сейчас планы у издательства большие, начинается выпуск массовой популярной серии, посвященной художникам других стран. Это значительно расширит нашу информацию о большом и сложном мире творчества разных народов.

Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН

Роман

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОШЛОЕ ВАЛЕНТИНЫ

Не найдя звонка, он толкнул калитку, оказавшуюся незапертой, и вошел в сад. Нигде еще не встречал он такого обилия растительности на столь ограниченном участке земли. Цветущие кусты росли так тесно, что напоминали о джунглях. А из каждого свободного уголка выглядывали георгины, хризантемы, лупины и другие цветы, названий которых Мегрэ не знал,— их изображения он встречал только в витринах, на веселых, красочных этикетках пакетов с семенами.

Шиферная крыша дома, которую он заметил с дороги, все еще была скрыта зеленью. Дорожка петляла, и он сворачивал то налево, то направо, пока наконец не вышел на задний двор, вымощенный большими розовыми плитками. Здесь были кухня и прачечная.

Плотная, черноволосая, чуть с проседью крестьянка, одетая в черное, мрачно выколачивала матрац. Вокруг нее под открытым небом в беспорядке была расставлена мебель спальной комнаты. Раскрытая тумбочка, стул с соломенным сиденьем, разобранная кровать. Занавеси и одеяла висели на веревке.

Продолжение. См. «Огонек» № 42.

Не прекращая работы, женщина разглядывала его.

— Мадам Бессон дома?

Она молча указала ему на окна, увитые диким виноградом. Сквозь стекла он увидел Валентину в гостиной. Она не ждала, что он пройдет задним двором, и, не подозревая о его присутствии, готовилась его встретить. Поставив на круглый столик серебряный поднос с хрустальным графином и рюмками, она отступила на шаг, чтобы оценить эффект, затем поправила прическу, разглядывая себя в старинное зеркало в резной оправе.

— Постучите,— не очень любезно сказала крестьянка.

Он только теперь заметил дверь, выходящую на балкон, и постучал в нее. Валентина удивленно обернулась, но тут же на ее лице появилась предназначенная ему улыбка.

— Я знала, что вы придете, но надеялась встретить вас у парадного входа, если только слово «парадный» подходит к моему домику.

В первые мгновения у него снова появилось то же впечатление, что в Париже. Она была так оживленна, так резва, что напоминала молодую, даже очень молодую женщину, лишь переодетую старой дамой для любительского спектакля. И при этом она не молодилась. Напротив, покрой ее черного шелкового платья, прическа, широкий бархатный волан вокруг шеи — все подходило к ее возрасту.

Потом, разглядев ее внимательнее, он отметил и мелкие морщинки, и увядшую шею, и ту сухость рук, которая не может обмануть.

— Позвольте вашу шляпу, господин комиссар, и выберите кресло, где будет вам удобно. В моем кукольном домике вы должны чувствовать себя не совсем свободно, не правда ли?

Она все время словно подшучивала над собой и, видимо, знала, что это прибавляет ей очарования.

— Вам, должно быть, уже говорили, а если нет, наверняка скажут, что у меня есть странности. У меня действительно масса причуд. Вы не можете себе представить, сколько чудачеств появляется у одиноких людей. Может быть, вы присядете в это кресло у окна и доставите мне удовольствие — закурите вашу трубку? Мой муж с утра до вечера курил сигару. Сигарный дым заполнял весь дом. Между нами, я даже думаю, что это ему не нравилось — курить он стал поздно, после сорока. Как раз тогда, когда крем «Жюва» приобрел известность.

Она быстро, словно извиняясь за свою навязчивость, добавила:

— У каждого свои слабости. Надеюсь, вы уже пили кофе в отеле? Тогда позвольте предложить вам рюмку кальвадоса, которому уже больше тридцати лет.

Он понял, что глаза молодят ее ничуть не меньше, чем живость. Бледно-голубые, как сентябрьское небо над морем, они сохраняли всегда изумленное, восторженное выражение, какое могло быть у «Алисы в стране чудес».

— Если вас не шокирует, я также выпью с вами капельку, чтобы вы пили не один... Как видите, я не скрываю свои маленькие слабости. В доме у меня все вверх дном, я только что вернулась с похорон бедняжки Розы. Больших трудов стоило мне уговорить мамашу Леруа помочь убраться. Вы, наверное, догадались, что во двор вынесена мебель из комнаты Розы. Я ужасно боюсь смерти, господин комиссар, и всего, что с ней связано! До тех пор, пока весь дом от фундамента до крыши не будет вычищен и проветрен, меня будет преследовать запах смерти.

Лучи солнца сквозь кроны лип и оконное стекло проникли в комнату и заиграли на мебели золотистыми зайчиками.

— Я и не подозревала, что прославленный комиссар Мегрэ когда-нибудь будет сидеть в этом кресле.

— Вы, кажется, говорили, что собираете газетные вырезки о моей работе?

— Как же! Я часто вырезала их. Помню, еще девочкой собирала газетные вырезки — приключенческие романы с продолжением.

— Они у вас здесь?

— Сейчас поищу.

Он уловил сомнение в ее голосе. Слишком уж уверенно направилась она к старинному секретеру, пошарила в его ящиках, потом подошла к резному комоду.

— Может быть, они в моей комнате?

Она направилась к лестнице.

— Не утруждайте себя.

— Да нет же! Я очень хочу найти их. Я ведь догадываюсь, какие у вас мысли. Вы думаете, что в Париже я это сказала для того, чтобы польстить вам и убедить вас приехать сюда. Сказать по правде, бывает, что и привреешь иногда, как и все женщины, но, клянусь вам, это не тот случай.

Он слышал, как она ходила из угла в угол по верхней комнате. Спустившись, она довольно неловко разыграла сцену разочарования.

— Между нами, Роза не умела навести порядок. Она, проще говоря, была неряхой. Завтра я поищу на чердаке. Во всяком случае, я найду эти вырезки до вашего отъезда из Этрета. А теперь, я думаю, у вас есть масса вопросов ко мне, поэтому устроюсь-ка я поудобней в своем, бабушкином, кресле. Ваше здоровье, господин Мегрэ.

— Ваше здоровье, мадам.

— Я вам не кажусь смешной?

Он вежливо покачал головой.

— Вы на меня не сердитесь за то, что я похитила вас с вашей набережной Орфевр? Не правда ли, забавно, что моему приемному сыну пришла в голову та же мысль, что и мне? Он очень гордится тем, что он депутат, и, разумеется, поступил иначе — обратился к министру. Скажите откровенно, вы приехали ради него или ради меня?

— Ради вас, конечно.

— Вы считаете, что мне следует чего-то опасаться? Странно. Я никак не могу всерьез принять эту угрозу. Говорят, что старые женщины боязливы. Но почему? Ведь сколько таких же старых женщин, как я, живут тихо и уединенно! Роза спала в этом же доме, но трусила именно она и будила меня по ночам, когда ей мерещился шум на улице. Во время грозы она не выходила из моей комнаты и всю ночь в одной рубашке дрожала в моем кресле и бормотала молитвы.

А не боюсь я, возможно, потому, что ума не приложу, кто мог бы желать мне зла. Я ведь уже не богата. Все в округе знают, что я живу на скромную пожизненную ренту, оставшуюся после разорения. Этот дом также принадлежит только мне, никто не унаследует его. Мне кажется, я никому не причинила зла...

— Однако Роза мертва.

— Да, это так. Возможно, вы сочтете меня глупой и эгоистной, но даже теперь, когда она уже в могиле, я с трудом верю в случившееся. Вы сейчас, конечно, захотите осмотреть дом. Рядом — столовая, а вот эта дверь ведет в комнату для гостей, где ночевала моя дочь. И, кроме кухни, прачечной и кладовой, на первом этаже ничего нет, а второй этаж и того

меньше, потому что над кухней и прачечной нет надстроек.

— Дочь часто навещает вас?

На лице ее появилось смиренное выражение.

— Раз в год. В день моего рождения. Все остальное время я не вижу ее. И не получаю о ней известий. Она никогда не пишет мне.

— Она, кажется, замужем за зубным врачом?

— Я думаю, мне следует познакомить вас с историей всей семьи. Это естественно. Любите ли вы откровенность, господин Мегрэ? Или предпочитаете, чтоб я рассказывала вам, как светская дама?

— Надо ли спрашивать, мадам?

— Вы еще не видели Арлетту?

— Нет еще.

Она достала из ящика старые конверты с фотографиями.

— Взгляните. Здесь ей восемнадцать лет. Говорят, она на меня похожа. Да, что касается внешности, я вынуждена согласиться.

Действительно, сходство поражало. Арлетта была так же миниатюрна, как ее мать, те же тонкие черты лица и особенно те же большие светлые глаза.

— Как говорится, ангел во плоти, не правда ли? Бедняга Жюльен поверил в это и женился на ней, хотя я его предупреждала. Он ведь славный малый, работяга, начинал он на пустом месте, с большим трудом закончил учение и сейчас работает по десять, а то и больше часов в день в своем скромном зубоврачебном кабинете на улице Сент-Антуан.

— Вы полагаете, они несчастливы?

— Он-то, может быть, и счастлив. Бывают ведь люди, которые умеют быть счастливыми... По воскресеньям он располагается с мольбертом где-нибудь на берегу Сены и рисует. У них есть лодка...

— Ваша дочь любит мужа?

— Посмотрите на эти фотографии и решите сами. Может быть, она и способна любить, но я этого никогда не замечала. Когда я работала в кондитерской сестер Сёрэ — вам, наверное, говорили об этом,— случалось, что она бросала мне в лицо: «Не думаешь ли ты, что очень приятно иметь мать, которая продает пирожные моим подружкам!» Тогда ей было семь лет, мы вдвоем жили в комнатушке под лавкой часовщика, которая сохранилась до сих пор. Когда я вышла замуж, жизнь ее изменилась.

— Вам не трудно рассказать сначала о вашем первом муже? Мне наверняка будут говорить о нем, поэтому хотелось бы прежде послушать вас.

Она наполнила его рюмку, вопрос нисколько не смутил ее.

— Тогда я начну, пожалуй, с родителей. Я урожденная Фок, эту фамилию вы еще встретите в округе. Отец мой рыбачил здесь, в Этрета. Мать нанималась поденно прислугой в такие дома, как этот, но только летом, потому что зимой здесь никого не оставалось. У меня было три брата и сестра, все они умерли. Один из братьев убит на войне 1914 года, другой утонул в результате кораблекрушения. Сестра вышла замуж и умерла от родов. А мой третий брат, Люсьен, работал парикмахером в Париже и плохо кончил: его пырнули ножом в одном из кабачков возле площади Бастилии. Я никогда не стыдилась этого и не скрывала свое происхождение. Иначе на склоне лет я не приехала бы сюда, где все меня знают.

— Вы работали при жизни родителей?

— С четырнадцати лет я служила нянькой, потом горничной в отеле. Мать моя к этому времени умерла от рака груди. Отец жил до глубокой старости, но сильно пил — в последние дни он совершенно потерял человеческий облик. Я познакомилась с молодым человеком из Руана по имени Анри Пужоль, который служил на почте, и вышла за него замуж. Это был милый, очень спокойный и воспитанный человек. Но я еще не знала тогда, что означал лихорадочный румянец на его щеках. Четыре года я была молодой супругой и хозяйкой трехкомнатной квартиры. Потом стала матерью. Мужа, когда он возвращался с работы, я встречала с детской коляской. По воскресеньям мы покупали пирожные у сестер Сёрэ. Раз в год мы выбирались в Руан к его родителям, они держали бакалейную лавку в верхнем городе.

Но вот Анри начал кашлять, через несколько месяцев он скончался, оставив меня одну с Арлеттой... Я сменила квартиру, поселилась в одной комнате и пошла работать продавщицей в кондитерскую сестер Сёрэ. Говорили, что моя молодость и красота привлекают покупателей. И вот однажды я познакомилась в магазине с Фернаном Бессоном.

— Сколько вам было тогда лет?

— Несколько месяцев спустя мы поженились, тогда мне было тридцать.

— А ему?

— Примерно пятьдесят пять. Он овдовел много лет назад. И самое забавное, что его сыновья — мальчики шестнадцати и восемнадцати лет — казалось, вот-вот влюбятся в меня.

— Этого не произошло?

— Разве что Тео, в самом начале. Позже он стал холоден со мной, но я на него за это никогда не сердилась. Вам известна история Бессона?

— Я знаю, что он был владельцем предприятий, изготовлявших косметический крем «Жюва».

— В таком случае вы, наверно, представляете себе незаурядного человека? Увы! Все было иначе. Обыкновенный фармацевт из Гавра, где у него была тесная и темная аптека в бедном квартале, с двумя стеклянными шарами на витрине — зеленым и желтым. Сам он в сорок лет, как вы видите на фотографии, был похож на рассыльного газовой компании, а жена его — на прислугу.

В то время лекарства изготовлялись примитивно, не то что теперь, и он сам выполнял заказы клиентов. Как-то он приготовил крем для одной девицы, у которой с лица не сходили прыщи. Крем помог ей избавиться от них. Об этом стало известно соседям, потом всему городу.

Шурин Бессона посоветовал ему разрекламировать этот крем, подобрав для него звучное имя. Вдвоем они нашли название. И шурин сделал первый взнос в это коммерческое дело.

В короткий срок оно принесло чуть ли не целое состояние. Потребовалось построить несколько лабораторий, сначала в Гавре, потом в Пантене, в окрестностях Парижа. Слово «Жюва» появилось во всех газетах, огромными буквами замелькало на стенах домов. Вы не представляете, какую прибыль дают подобные вещи, если им обеспечена хорошая реклама!

Первая жена Бессона через некоторое время умерла, так и не успев насладиться богатством. Бессон решил переменить образ жизни. Когда я его встретила, он был уже очень богат, но еще не привык к деньгам и не совсем знал, что с ними делать. Вероятно, поэтому он и женился на мне.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что ему нужна была красивая женщина, которую он мог бы одевать и выводить в свет. Парижанок он опасался. Женщины из богатых семей Гавра просто отпугивали его. Он чувствовал себя свободнее в обществе девицы, встреченной за прилавком кондитерской. Думаю, он не огорчился, узнав, что я вдова и что у меня тоже есть ребенок... Не знаю, понятно ли вам все это.

Да, он все понимал. Его только удивляло, как безошибочно разобралась она в муже и как ловко все устроила.

— Сразу же после нашей свадьбы он приобрел особняк в Париже на авеню Иены. А несколько лет спустя — замок Анзи в Солоне. Он осыпал меня драгоценностями, одевал у лучших портных, возил в театр и на скачки. Он даже построил яхту, которой ни разу не воспользовался, так как страдал морской болезнью.

— Как, по-вашему, был он счастлив?

— Не знаю. Возможно, он был счастлив в своей конторе на улице Тронше, потому что там его окружали подчиненные. В других местах ему все казалось, что над ним посмеиваются, хотя он был приличным человеком, вполне разумным, как и большинство тех, кто ворочает делами. Разве что большие деньги пришли к нему слишком поздно.

Но он вбил себе в голову, что должен стать крупным промышленником, и наряду с кремом «Жюва» — настоящей золотой жилой — стал выпускать другие парфюмерные изделия: зубную пасту, мыло, бог знает что еще. На рекламу он тратил миллионы. Он построил заводы не только для выпуска самих этих товаров, но и для их упаковки. Тео тоже вступил в дело и строил еще более грандиозные планы.

Так продолжалось двадцать пять лет, господин Мегрэ! Теперь я с трудом вспоминаю это время, настолько быстро оно пролетело. Мы всегда торопились: из парижского дома спешили в замок, оттуда в Канн или Ниццу и снова впопыхах возвращались в Париж на двух автомобилях — второй вез багаж, дворецкого, горничную, повара.

Потом муж решил каждый год путешествовать, и мы отправлялись в Лондон, в Шотландию, Турцию, Египет. Дела требовали его обратно, и мы снова и снова спешили, переезжая с чемоданами, набитыми моими платьями и драгоценностями, которые в каждом городе для безопасности нужно было сдавать на хранение в банк.

Арлетта вышла замуж. Я так и не поняла, зачем. Вернее, я так и не узнала, почему она внезапно вышла замуж именно за этого юношу, которого мы даже не знали, хотя она могла бы выбрать себе мужа среди богатых молодых людей, посещавших наш дом.

— А ваш муж не увлекался вашей дочерью?

— Признайтесь, вы подозреваете, что это было больше, чем простое увлечение, не так ли? Я размышляла над этим. Весьма естественно, что мужчина в годах, живя в одном доме с молоденькой девушкой, не его дочерью, мог влюбиться в нее. Я наблюдала за ними. Он действительно осыпал ее подарками, исполнял все ее капризы, но ничего другого я не замечала. И не знаю, почему Арлетта вышла замуж в двадцать лет за первого встречного. Я могу понять многих людей, но никогда не понимала собственную дочь.

— У вас были хорошие отношения с сыновьями вашего мужа?

— Тео, старший, почти сразу невзлюбил меня, а Шарль всегда относился ко мне так, словно я его родная мать. Тео так и не женился. Несколько лет он вел ту рассеянную жизнь, какую не смог в молодости вести его отец, поскольку не был к ней подготовлен. Почему вы на меня так смотрите?

Его поражал все тот же контраст. Она говорила непринужденно, с легкой улыбкой, с тем же ясным выражением светлых глаз,— тем более удивляли произносимые ею слова.

— У меня было время для размышлений, вы ведь знаете — пять лет я живу здесь одна! Тео пропадал на скачках, в ресторанах «Максим» и «Фуке» [1] и прочих модных заведениях, а лето проводил в Довиле [2]. В то время дом его был открыт для всех, его окружали молодые люди из знатных семей, но без гроша в кармане. Он и сейчас продолжает вести ту же жизнь, вернее, посещает те же заведения, но теперь у него самого нет денег и его больше приглашают другие. Не знаю, как он выкручивается.

— Вы не удивились, узнав, что он в Этрета?

— Мы уже давно не видимся. Недели две назад я заметила его в городе и подумала, что он здесь проездом. В воскресенье Шарль привел его ко мне и просил нас помириться. Я подала руку Тео.

— Он не объяснил, почему приехал сюда?

— Сказал, что хочет отдохнуть. Но вы перебили мой рассказ. Я остановилась на том времени, когда мой муж был еще жив. Последние десять лет не всегда были безоблачными.

— Когда вы купили этот дом?

— Незадолго перед банкротством мужа, когда у нас еще был особняк в Париже, замок и все прочее. Признаться, я сама попросила его приобрести этот домик, где чувствую себя уютнее, чем в любом другом месте.

Видимо, Мегрэ невольно улыбнулся. Она сразу же это подметила:

— Представляю, что вы только думаете обо мне. И, возможно, в чем-то вы правы. В замке Анзи я играла роль помещицы-аристократки, как меня просил Фернан. Я председательствовала на всех благотворительных церемониях, но никто не знал, кто я такая. И мне стало обидно, что город, знавший меня в унижении и бедности, не видит моего блеска. Может, это и не слишком приглядно, но, согласитесь, по-человечески простительно... Нет, лучше скажу вам сама, все равно вам расскажут: иные здесь не без ехидства зовут меня помещицей. А за глаза они предпочитают называть меня просто Валентиной.

В коммерческих делах я никогда ничего не понимала. Но мне было ясно, что Фернан чересчур увлекся, он не всегда кстати расширял производство. Видимо, не столько для того, чтобы ошеломить других, сколько самому себе доказать, что он крупный финансист.

И вот сначала мы продали яхту, затем — замок. Как-то вечером после бала, когда я отдавала ему жемчуга, чтобы убрать их в сейф, он сказал мне с горькой усмешкой:

— Так даже лучше, никто не догадается... Но если их и украдут, несчастья не произойдет, они ведь поддельные.

Он стал молчаливым, искал уединения. Лишь крем «Жюва» все еще приносил какой-то доход, а новые затеи рушились одна за другой.

— Он любил своих сыновей?

— Не знаю. Вам покажется странным, что я так отвечаю. Принято считать, что родители любят своих детей. Это естественно. Но теперь я думаю, что чаще бывает наоборот.

Ему, конечно, льстило, что Тео был вхож в тот избранный круг, где сам он и не мечтал быть принятым. Но, с другой стороны, он понимал, что Тео — ничтожество и что именно его честолюбивые замыслы во многом способствовали нашему разорению. Ну, а Шарлю муж никогда не мог простить его бесхарактерность, слабых и безвольных он терпеть не мог.

— Потому что, по сути, сам был таким? Вы это хотите сказать?

— Да. Особенно в тяжелые последние годы, когда на его глазах рушилось все его состояние. Может, он действительно меня любил? Он не был экспансивным, и я не припомню, звал ли он меня любимой. Он хотел уберечь меня к старости от нищеты и этот дом записал пожизненно на мое имя, а перед смертью еще обеспечил меня маленькой рентой. Вот, пожалуй, и все, что он мне оставил. Его дети получили только маленькие сувениры, как, впрочем, и моя дочь, которую он не отличал от своих сыновей.

— Он умер здесь?

— Нет. Он скончался в одиночестве, в номере отеля в Париже, куда отправился, надеясь договориться о новом деле. Теперь вы уже имеете представление о семье. Не знаю точно, чем занимается Тео, но у него всегда есть автомобиль, он хорошо одет и живет в аристократических кварталах. Что же касается Шарля, у него четверо детей и довольно неприятная жена. Он перепробовал несколько профессий, и все безуспешно. У него была навязчивая идея — основать газету. Но и в Руане и в Гавре он потерпел неудачу. Тогда в Фекане он вошел в одно дело — по производству удобрений из рыбных отходов. Оно оказалось прибыльным, и он выставил свою кандидатуру на выборах, не знаю уж от какой партии. По нелепой случайности его избрали, и вот уже два года он депутат.

Они не святые, ни тот, ни другой, но и негодяями их назвать нельзя! У них нет ко мне слепой любви, однако ненавидеть им меня не за что. Да и смерть моя не принесет им выгоды. Безделушки, которые вы видите здесь, не дали бы многого на аукционе. А ведь они да еще подделки под мои прежние драгоценности — вот, собственно, и все, что у меня осталось.

Что же касается местных жителей, они привыкли ко мне, старой женщине, и считают меня неотъемлемой частью здешнего пейзажа.

Почти все, кого я знала в юности, умерли, осталось лишь несколько старушек, таких, как старшая сестра Сёрэ, которую я время от времени навещаю...

То, что меня пытались отравить, кажется мне настолько нелепым и диким, что мне даже неловко видеть вас здесь. Право, я стыжусь, вспоминая, что ездила за вами в Париж. Признайтесь же, вы, должно быть, приняли меня за свихнувшуюся старушку?

— Нет.

— Почему? Как вы поняли, что дело серьезно?

— Роза мертва!

— Это верно.

Она посмотрела в окно на разбросанную ме-

[1] Самые дорогие рестораны Парижа (прим. перев.).

[2] Довиль — курортный город на севере Франции, излюбленное место отдыха богачей (прим. перев.).

бель во дворе, на одеяло, висевшее на веревке.

— Садовник приходил к вам сегодня?

— Нет. Он был вчера.

— Что же, эта женщина одна вынесла мебель?

— Разобрали и вынесли все это мы вдвоем сегодня утром, перед тем как мне ехать в Ипор.

Мебель была громоздкая, а лестница узкая, с крутыми поворотами.

— Я сильнее, чем кажусь, господин Мегрэ. У меня тонкая кость, словно у птицы, но Роза, несмотря на всю ее дородность, была не выносливее меня.

Поднявшись, она наполнила его рюмку и сама отпила глоток старого золотистого кальвадоса, аромат которого, казалось, заполнял всю комнату.

Новый вопрос, который задал Мегрэ, спокойно попыхивая трубкой, видимо, удивил ее.

— Скажите, а ваш зять, Жюльен Сюдр, случайно не рогат?

Она рассмеялась, скрывая замешательство.

— Я никогда не задумывалась над этим.

— И никогда не интересовались, есть ли у вашей дочери любовники?

— Бог мой, для меня это не было бы сюрпризом!

— В комнате вашей дочери был мужчина в ночь с воскресенья на понедельник.

Она нахмурила брови, задумалась.

— Теперь я понимаю.

— Что вы понимаете?

— Что означают кое-какие мелочи, которым я поначалу не придала значения. Весь день Арлетта была рассеяна, думала о чем-то. После обеда она вызвалась погулять с детьми Шарля на пляже и огорчилась, когда Шарль сам пошел с ними на прогулку. Когда я спросила, почему с ней не приехал муж, она ответила, что ему нужно было дописать один пейзаж на берегу Сены. «Ты ночуешь у меня?» — спросила я ее. «Не знаю. Не думаю. Мне, пожалуй, лучше уехать вечерним поездом».

Я все же настояла. Я заметила, что она часто смотрит в окно. И припоминаю, как с наступлением темноты по дороге мимо нас два-три раза очень медленно проехал автомобиль.

— О чем вы разговаривали вечером?

— Трудно сказать. Мими занималась своим младенцем, меняла пеленки, готовила ему соску, отчитывала пятилетнего Клода, который топтал клумбы. Мы, конечно, говорили о детях. Арлетта заметила, что младший, родившийся после пятилетнего перерыва, вероятно, был неожиданностью для Мими, если учесть, что старшему уже пятнадцать лет. Мими ответила, что Шарлю только этим бы и заниматься, все заботы ведь не на его плечах. Словом, вам легко представить, о чем шла речь. Мы обменивались еще кулинарными рецептами.

— Арлетта поднималась в вашу комнату после обеда?

— Да. Я показала ей платье, которое сшила себе недавно, и примерила его при ней.

— Где стояла ваша дочь?

— Она сидела на кровати.

— Оставалась она одна в вашей комнате?

— Только на мгновение, пока я ходила за платьем в соседнюю комнатку, которая служит мне гардеробом. Но я и мысли не допускаю, чтобы Арлетта могла вылить яд в пузырек с лекарством. Для этого ей понадобилось бы открыть аптечку, которая находится в ванной. Я бы услышала. Да и зачем бы это нужно было Арлетте?.. Ах да, я вижу теперь, что бедняга Жюльен рогат!

— Мужчина пробрался в комнату к Арлетте после полуночи и был вынужден поспешно бежать через окно, когда услышал стоны Розы.

Она не удержалась от улыбки.

— Не повезло!

То, что произошло у нее в доме, ее больше не пугало.

— Кто же он? Кто-нибудь из здешних? — спросила она.

— Он привез ее из Парижа на машине, это некий Эрве Пейро, виноторговец.

— Он молод?

— Ему лет сорок.

— Меня тоже удивило, что она приехала поездом, ведь у ее мужа есть машина, и она умеет водить. Все это странно, господин Мегрэ, и в конце концов я довольна, что вы здесь. Инспектор Кастэн унес с собой стакан, пузырек с лекарством и другие вещи, которые находились в моей комнате и в ванной. Мне хотелось бы узнать, что скажут в лаборатории. Приходили еще полицейские в штатском, они тут все фотографировали. Ах! Если бы Роза не была такой упрямой! Я ведь сказала ей, что у лекарства странный привкус. И вот, едва выйдя за дверь, она допила стакан. Она, конечно, не нуждалась в снотворном, уверяю вас. Сколько раз я слышала сквозь стену, как она громко храпит во сне. Может, вы желаете осмотреть дом?

Мегрэ провел здесь какой-нибудь час, а дом уже казался ему хорошо знакомым. Угловатая фигура крестьянки — несомненно, вдовы! — появилась в дверях.

— Вы доедите вечером рагу или остатки можно отдать кошке? — без улыбки, почти злобно произнесла она.

— Доем, мадам Леруа.

— Я все кончила. Все прибрала. Когда вы сможете помочь мне внести мебель?

Валентина намекающе улыбнулась Мегрэ.

— Сейчас.

— А то мне уже нечего делать.

— Ну что ж, отдохните немного.

И она повела Мегрэ по узкой лестнице, на которой сильно пахло мастикой для натирки полов.

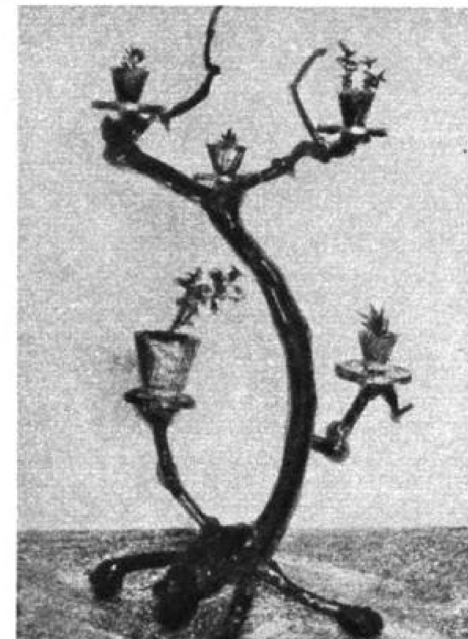
Продолжение следует.

ИЗ ВИНОГРАДНОЙ ЛОЗЫ

Используя причудливые формы виноградной лозы, югослав Едо Враза мастерит из нее предметы домашнего обихода. В его квартире множество таких оригинальных изделий: торшеры, люстры, подставки для цветов.

РАЗОШЛИСЬ БЕЗ БОЯ

Хамелеоны не отличаются особой храбростью. Способность менять свою окраску свидетельствует скорее о том, что они предпочитают оставаться незаметными и не вступать в бой. Но вот случилось так, что хамелеон, встретившись с кошкой, не только не испугался, а занял угрожающую позу, судорожно держась хвостом за ветку. Кошка посмотрела на незнакомое существо и не проявила агрессии.

КОНКУРЕНТЫ САМОЛЕТОВ

Самыми быстроходными птицами считаются стрижи, летающие со скоростью 270—320 километров в час. Индийские и австралийские стрижи достигают скорости 400 километров в час.

— Нам бы третьего...

Рисунок О. Корнева и Н. Станиловского.

На первой странице обложки: Эти матрешки одела берестой Галина Халтурина.

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Дом-усадьба И. Е. Репина — «Пенаты».

Фото Г. Макарова.

БУМАЖНЫЕ ПЛАТЬЯ

Одна английская фирма выпустила в продажу самые дешевые в мире дамские платья, сшитые из бумаги. Практически они могут быть использованы один раз.

И ШВАБРА — ОРУЖИЕ!

Поздно вечером в один из лондонских магазинов проникли два вооруженных грабителя. В это время в магазине находилась Ирена Робертс, которая заканчивала уборку.

— Я так испугалась, что стала их бить шваброй! — рассказала Робертс.

Прибежавшие на шум люди увидели, что один вор лежал на полу без сознания, а другой, бросив оружие, стоял с поднятыми руками!..

По горизонтали:

3. Город в Донецкой области. 8. Край леса. 11. Степная рысь. 12. Атомный котел. 14. Подросток, обучающийся морскому делу. 15. Стихотворение В. Маяковского. 16. Река в Индии и Пакистане. 17. Перенос всех звуков музыкального произведения на определенный интервал. 21. Французский физик XIX века. 22. Драма Шекспира. 24. Южное плодовое дерево. 25. Мера веса. 26. Сатирический отдел в журнале «Современник». 27. Ткань. 28. Здание в Ленинграде, памятник архитектуры.

По вертикали:

1. Спортивная игра. 2. Русский писатель. 3. Четверть года. 4. Приток Суры. 5. Коренное переустройство. 6. Русский живописец-портретист. 7. Опыт. 9. Сооружение на реке, канале. 10. Штангист, рекордсмен мира. 13. Места в зрительном зале. 18. Экваториальное созвездие. 19. Полуфабрикат прядильного производства. 20. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 22. Коллекция растений. 23. Картина И. И. Левитана. 26. Бегун на длинные дистанции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

3. Камея. 6. Рубка. 7. Мажор. 8. Гагара. 10. «Стучит!» 15. Канзас. 17. Колер. 18. Наждак. 20. Занзибар. 21. Объектив. 22. Бархан. 24. Ворот. 25. Галлей. 26. Вокзал. 28. Студия. 29. Рабле. 30. Залом. 31. Маска.

По вертикали:

1. Цадаса. 2. Гермес. 4. Бургас. 5. Колчан. 9. Рокировка. 11. Термостат. 12. «Барабан». 13. Глазурь. 14. Татищев. 16. Анива. 19. Анета. 23. Нектар. 25. Гудрон. 27. Лиепая. 28. Сузуки.

Кио, сын Кио

И. АДОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Чудес не бывает. Но иногда начинаешь в них верить.

Волшебство? Да. Волшебство, рожденное многолетним трудом, талантом, неутомимостью поисков, творческим дерзанием. Волшебство художника, умного, смелого, веселого.

Эмиль Теодорович Кио, отдавший иллюзионному искусству свыше сорока лет жизни, создал образ, ставший классикой на цирковом манеже, светившийся жизнелюбием и добротой, остроумием, чуть-чуть окрашенный мягким юмором. «Вот мои чудеса, вот мое волшебство! Оно доставляет радость? Очень хорошо! Значит, труд мой, долгие искания, бессонные ночи оправданы»,— словно слышалось нам сквозь гром аплодисментов, когда он раскланивался после представления...

Смотришь сегодня на Игоря Эмильевича Кио, действующего на манеже с такой же непостижимой легкостью и молниеносной реакцией на зрительский вздох,— и диву даешься: до чего же похож он на отца каждым движением, исполненным пластической выразительности и вместе с тем властности! Кажется, что он действительно всемогущ и всесилен, что для него не существует трудностей...

Эмиль Теодорович как-то рассказывал мне о первом испытании Игоря, когда мальчику неожиданно пришлось заменить заболевшего отца на арене Московского цирка.

Это был воскресный день, когда даются три представления — два дневных и вечернее. Утром за Игорем приехал встревоженный М. С. Местечкин, главный режиссер цирка.

— Игорь, ты знаешь программу отца? Всю? Ты сможешь ее вести сам? Отменить представление мы не имеем права! Выступишь?..

Игорь согласился. Ему было тогда пятнадцать лет.

Что он испытал перед выходом на манеж? Его мать говорила потом, что напоить его валерьянкой пришлось ей щедро. Правда, сам Игорь утверждает, что гораздо больше, чем он, волновались тогда все окружающие: помощники и ассистенты, дирекция и режиссура. И неизвестно еще, кому больше досталось валерьянки!

Но все прошло как нельзя лучше.

На днях, вспомнив этот нежданный-негаданный дебют, я спросил Игоря, волнуется ли он теперь перед выходом на манеж.

— Еще как! — прямодушно ответил Кио.— И папа всегда волновался. Иначе не бывает. Когда стоишь у занавеса и знаешь, что вот сейчас заиграют выходной марш... Лихорадочное волнение перед выходом на публику бывает не только у новичков,— в тридцатый ли раз выступаешь, в сотый ли, все равно нужно брать себя в руки.

— Расскажите о своих первых шагах на манеже: когда вы поняли, что станете Кио?

— Сколько я себя помню, столько стоят передо мной три буквы: КИО. Я их запомнил, когда не умел еще читать. Запомнил, не зная их смысла, не подозревая, что они станут и моей фамилией. Я видел их на стенах домов, на крышах трамваев, на афишных тумбах. И вдруг узнал, что эти три буквы — имя моего отца, народного артиста РСФСР Эмиля Теодоровича Кио... Моя жизнь в цирке началась, когда мне исполнилось пять лет. Меня нарядили в костюм, который носили лилипуты. Вместе с ними я должен был выйти на арену — просто выйти и все,— делать мне ничего не полагалось. И все же я так растерялся, что до последних дней жизни не забуду этого ощущения...

Впрочем, я был горд, что «выступал» в большой программе. Больше же всего я гордился отцом. Его власть над людьми, наполнявшими огромный амфитеатр, поражала меня: он мне казался могучим волшебником. Повзрослев, я стал постигать неуловимые секреты аттракциона: отец рассказывал мне о них, не скрывая, что хочет сделать меня своим преемником...

Традиции складываются медленно, годами и десятилетиями, становясь своеобразными канонами. Но власть времени неодолима, и каноны становятся препятствием. Перешагнуть через них, сломать традиции — значит стать на путь новаторства.

Кто мог представить себе еще три десятилетия назад, что в иллюзионный аттракцион ворвутся шутка, смех, юмор, что фокус осветится улыбкой, подчас иронической! Считалось надругательством над жанром разрушать флер магии, тайны «колдовской лаборатории».

Волшебник ведь стоит над толпой. Могущественный, всесильный, он как бы отрешен от всего земного! Чтобы ввести в иллюзионное представление веселье, звонкий смех, нужна была недюжинная смелость. Собственно говоря, это радикально меняло весь стиль работы: жрец спускался с таинственных высот по доброй воле, превращая иллюзионный трюк в своеобразную веселую игру. Пусть не очень простую, головоломную, с трудными загадками и поражающими воображение, действительно непостижимыми секретами, в которые зрительская аудитория вовлекается, словно загипнотизированная... Эмиль Теодорович Кио и был таким реформатором. Вместе с ложным пафосом «вещателя» он забросил и экзотический наряд, восточную чалму, халат, всяческие пестрые красивости, обязательные для иллюзионов в прошлом. Для этого ему надо было стать не фокусником, а артистом в подлинном смысле слова.

Сегодня сын Кио — Игорь Кио — тоже не показывает фокусы, да и самое слово «фокусник» никак не вяжется с элегантным юношей во фраке, творящим чудеса. Творит он их, будто и не окружая себя тайной, и тем не менее его творчество — тайна, дерзкая и милая мистификация, над которой он сам чуть посмеивается; веселая и увлекательная игра, в которую вовлекает нас веселый, изобретательный на выдумку художник.

— «Давайте сожжем эту девушку!» — И сжигает. «Давайте превратим эту женщину во льва!» — И превращает. «А эту девушку заставим исчезнуть». — И она исчезает.

— Понравилось?.. Волшебство?.. Да я и работаю волшебником!

Эмиль Теодорович Кио рассказывал мне, как часто рылся он в старинных книгах, в русских журналах более чем столетней давности, отыскивая описания забытых иллюзионных трюков. Находок было, увы, немного, но все же они помогали конструировать новые номера, потому что «волшебники» далекой древности уже использовали сложные оптические, акустические и механические приспособления, разнообразные тайники и прочее.

— В репертуаре отца, — вспоминает Игорь Эмильевич Кио, — был, например, такой номер. На середину манежа на тросе опускается мешок, куда входит девушка. Зрителям позволяют убедиться, что девушка «упакована» вполне добросовестно. Трос поднимает мешок под купол; публика удостоверяется, что девушка в мешке, так как сверху звучит ее голос. Потом отец стреляет из «волшебного» пистолета, мешок опускается, его развязывают и... Где же девушка?!.

Как вы сами догадываетесь, ее там уже не было, когда мешок поднимали. Ну, а голос?.. А он звучал из миниатюрного репродуктора. А девушка?.. В те считанные секунды, когда на мешке завязывали узел и вокруг него хлопотали униформисты, девушка уже была среди них: внутри мешка она мгновенно сбрасывала свое длинное платье, под которым был надет костюм униформиста, и через узкую щель, незаметную в складках мешка, выскальзывала, быстро смешиваясь с толпой, окружавшей аппарат... Вот и вся механика. Просто? Да, но эта «простота» совсем не такова, какой кажется при рассказе.

— А вот другой номер, созданный отцом, — продолжает Кио. — Это классика в жанре иллюзии. Я его и теперь исполняю. На манеж вкатывают большую железную клетку на высоких ножках, в нее входит девушка. Секундная пауза с затемнением — и вместо девушки в клетке — лев, живой, рычащий. А где девушка? Ведь клетка просматривается насквозь! Все просто... Впрочем, вы уже, наверное, догадались, как это делается. Поэтому задерживаться не будем, перейдем к следующим номерам...

Игорь называет трюк за трюком, которые я видел и беспомощно пытался уловить — как и многие тысячи зрителей — хоть краешек тайны.

— Нет, хватит, остановитесь! Все равно до конца я ничего понять не могу. Расскажите лучше, как делается трюк с канатом в воздухе.

— Это действительно интересно. Номер этот отец готовил около трех лет. Он имеет любопытную предысторию. Когда Эмиль Кио гастролировал в Лондоне, «Всемирный клуб фокусников» устроил в его честь прием. В клубе оказалась уникальная книга: каталог всех фокусов, известных миру. В обширном списке значилась и легенда о трюке с канатом индийских факиров: они будто подбрасывали вверх веревку и влезали на нее, как на шест. В каталоге имелось и примечание, что этого фокуса никто никогда не делал и делать никогда не будет.

Надо было знать моего отца, чтобы представить себе, как он зажегся сложной задачей! Он мобилизовал всю свою выдумку, энергию и волю, чтобы решить трюк. На это ушло около трех лет. Номер был сделан, и тот, кто захочет увидеть его, — пусть приходит на мои представления!..

Кстати, в эти дни в Ленинграде выступает мой старший брат Эмиль с такой же программой. Он, как и я, принял эстафету из рук отца.

— Рассказывают, что индийские факиры достигают изумительных результатов, применяя гипноз. Немало наших зрителей убеждены в том, что отец, а теперь и я прибегаем к гипнозу: как иначе можно достигнуть «колдовского эффекта»! Наверное, поэтому во время моих недавних выступлений в Новосибирске обратился ко мне немолодой уже человек и попросил, чтобы я... вылечил его от пьянства! Никакие заверения, что гипнозом я не пользуюсь, не возымели действия. «Умоляю вас, — добивался он, — прикажите мне!»

Что оставалось делать? Я «приказал» ему прекратить пьянство, и он ушел. А потом явился с букетом цветов — благодарить за удачное лечение.

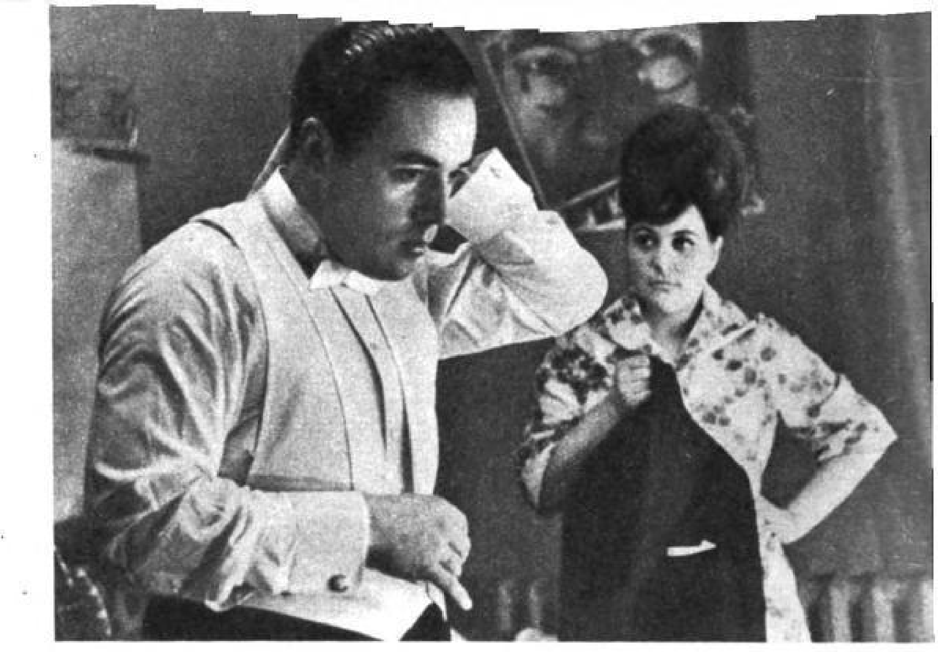
Надо сказать, что посетители ко мне приходят вообще нередко. Некоторые предлагают придуманные ими фокусы. Ну, например:

— Значит, трюк такой. Вы выходите под музыку на середину арены и... вдруг исчезаете!

— Очень интересно! А как это сделать?..

— Ну, как это сделать, я не знаю. Это уж вы сами придумайте!

Что поделаешь, видимо, придется придумывать!..

Игорь Кио и его жена актриса цирка Иоланта Ольховикова.

Вместо девушки — лев!

Может быть, Кио нас гипнотизирует?..

Еще один фокус, унаследованный от отца...

А вот этот фокус Игорь Кио показывал у нас в «Огоньке», но мы все равно его не разгадали.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Все равно страшно...

Видно, в будке главный секрет!

А мы-то думали, что все дело в будке...

◀ Вот он, удавшийся фокус с «волшебным» канатом!

Догадайтесь, куда денется девушка!

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 17513. Подписано к печати 19/X 1966 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 990 000. Изд. № 1932. Заказ № 2743.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера [illegible] коп.
Индекс 70663